

Актуальные
проблемы
англоязычной
филологии,
лингвистики
и межкультурной
коммуникации

2021 • 2022

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. С. Г. НИКОЛАЕВА

ПРОФ[®]
пресслит

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2022

УДК 81'1(082)
ББК 81
А 43

*Печатается по решению редакционной коллегии
межвузовского научного журнала «Спутник высшей школы»
(решение №2-СБ от 12.05.2022 г.)*

Р е ц е н з е н т :

*В. А. ЛАЗАРЕВ,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике
Южного федерального университета, доктор филологических наук*

Н а у ч н ы й р е д а к т о р :

*С. Г. НИКОЛАЕВ,
заведующий кафедрой английской филологии
Южного федерального университета, доктор филологических наук, профессор*

А 43 Актуальные проблемы англоязычной филологии, лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник статей. / Под ред. проф. С. Г. Николаева. Ростов н/Д: Профпресслит, 2022. — 199 с.

Сборник включает в себя избранные экспертным советом межвузовского научного журнала «Спутник высшей школы» статьи по филологии, лингвистике и переводческому делу, подготовленные на основе авторских научных работ, выполненных в 2021–2022 гг. представителями высшей школы России (студентами, магистрантами, профессорско-преподавательским составом).

Тематика статей связана с проблемами современной лингвистики и лингвокультурологии; практики перевода; вопросами теории и истории языка, отечественной и зарубежной литературы; исследованиями в области взаимовлияния литературных и культурных традиций, а также совершенствованием педагогического мастерства и образовательных технологий в области преподавания иностранных языков.

Издание предназначено для всех, интересующихся современными направлениями филологических и лингвистических исследований в отечественной высшей школе.

ISBN 978-5-6047768-7-2

© Профпресслит, 2022
© Редакция журнала «Спутник высшей школы», 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово редактора	4
Английский на пересечении векторов: история языка «в прямой перспективе». <i>Николаев С. Г.</i>	6
Коммуникативная специфика дискурса ведущего англоязычного ток-шоу. <i>Николаев С. Г., Лыткина А. В.</i>	24
Образность в структуре художественного текста: динамический аспект (на материале британского романа XX века). <i>Николаев С. Г., Загоруйко А. Д.</i>	41
Грамматические особенности современной английской разговорной речи взрослых и подростков (на примере романа Лианы Мориарти «Big Little Lies»): <i>Моргунова М. Н., Гордиенко А. А.</i>	70
Proper Names in Modern Business English Vocabulary. <i>Моргунова М. Н.</i>	87
Гендерная специфика речевой реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве (на материале современной англоязычной биографической прозы). <i>Винник Е. И., Хнаева В. А.</i>	99
«Man-size in marble» Эдит Несбит: проблематизация фигуры «новой женщины» в жанре готической новеллы. <i>Крюкова В. Г.</i>	114
Библейские аллюзии в пьесе «В ожидании Годо» Сэмюэля Беккета. <i>Березуцкая К. А., Жуковская А. С.</i> <i>Научный руководитель: Николаев С. Г.</i>	128
Корреляция официального и неофициального лексических пластов в англоязычной профессиональной коммуникации: постановка проблемы в лингвистике. <i>Хнаева В. А. Научный руководитель: Николаев С. Г.</i>	142
Структурно-семантические особенности английских терминологических словосочетаний сферы бизнеса. <i>Филимонова Я. В. Научный руководитель: Моргунова М. Н.</i>	155
Модификация концептосферы романа Д. Дефо «Robinson Crusoe» в переводе-адаптации К. И. Чуковского. <i>Николаев С. Г., Добрынина Д. Г.</i>	169
К вопросу о «чистом» билингвизме, или Возможен ли билингвизм без интерференции? <i>Саркисов Э. Э.</i>	188

Вступительное слово редактора

Настоящий сборник — первый в ряду научных изданий, которые планирует выпускать (надеемся, регулярно) ростовское издательство «Профпресслит». Сборник посвящен вопросам именно англоязычной филологии, лингвистики, межкультурной коммуникации. Почему так? Потому что все двенадцать статей, составивших книгу, в качестве исследовательского объекта используют какую-то определенную, «точечную» особенность английского языка, или одно произведение английской литературы, или сам английский язык, однозначно определяемый сегодня специалистами как глобальный.

Сборник открывается нашей статьей, в которой предпринимается попытка «встроить» прогностический компонент в многовековую историю современного английского. С учетом разнообразных, подчас противоречащих друг другу взглядов относительно ближайшей судьбы этого германского языка высказывается предположение о том, что его доминантному статусу в мировом коммуникативном пространстве пока ничего не угрожает.

Завершается книга, что вполне логично, работой научного сотрудника Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ Э.Э. Саркисова о билингвизме, в который вовлечен английский. Автор смело и обоснованно, с позиций современной психолингвистики, подвергает конструктивной критике известное мнение лингвистов о возможности существования «чистого» двуязычия, которое было бы полностью свободно от интерференциальных «примесей» и «шумов».

Решению разноаспектных проблем художественного текста посвящены работы выпускников ЮФУ А. Г. Загоруй-

ко (в соавторстве) и В. А. Хнаевой (в соавторстве с доцентом Е. И. Винник). Переводоведческий взгляд на текст романа Д. Дефо и его русскоязычное переложение представлен в статье Д. Г. Добрыниной (в соавторстве). Литературоведческому осмыслению современного художественного текста посвящена работа аспирантки В. Г. Крюковой. В этой части выделим достаточно любопытную, пускай во многом и полемичную статью студенток К. А. Березуцкой и А. С. Жуковской о библейских аллюзиях в тексте театра абсурда, написанную по-английски.

Лексикологическое направление в сборнике представлено работами доцента М. Н. Моргуновой и ее учеников — А. А. Гордиенко и, отдельно, Я. В. Филимоновой, а также магистранта последнего года обучения В. А. Хнаевой.

Вопросы англоязычной медийной коммуникативистики обсуждаются в статье выпускницы ЮФУ А. В. Лыткиной (также в соавторстве).

Нетрудно заметить, что сборник составлен силами преподавателей, студентов, аспирантов кафедры английской филологии Южного федерального университета (В. Г. Крюкова пишет диссертацию на кафедре теории и истории мировой литературы ЮФУ). Также не секрет, что некоторые работы — это пока лишь этапы будущих масштабных изысканий; но есть здесь и вполне завершенные труды с серьезными итоговыми положениями.

Книга наверняка покажется не просто интересной, но и полезной широкому кругу ученых-англистов, причем как российских (студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели), так и, возможно, зарубежных, для которых английский — первый, родной язык. С вытекающими отсюда академическими последствиями.

С. Г. Николаев

АНГЛИЙСКИЙ на пересечении векторов: история языка «в прямой перспективе»

Николаев С. Г.,

*заведующий кафедрой английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуни-
кации Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор, Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 811.111

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые статусные характеристики современного английского языка в нынешнем мировом коммуникативном пространстве. Проводится принципиальное различие между понятиями «иностраный язык» и «второй язык». Особое внимание уделено специфике функционирования английского языка в качестве идиома лингва франка. В конце работы высказывается ряд положений, которые, по мысли автора, выделяют современный английский язык в ряду иных национальных языков; на основе анализа излагаются предположения относительно ближайших перспектив функционирования английского языка в мире.*

Ключевые слова: *современный английский язык; глобальный язык; иностранный язык; второй язык; лингва франка; языковая норма; языковая множественность.*

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

По нашему убеждению, любое исследование истории существования и функционирования живого, естественного национального языка, если только оно претендует на полноту, не должно и не может ограничиваться рассмотрением того или иного этапа в его развитии или, с другой стороны, последовательности этапов, пускай и достаточно протяженной во времени. Такое исследование должно учитывать и современное состояние объекта (не сосредотачиваясь на нем, поскольку речь идет о *диахронии* объекта, возможно, динамической), и включать в себя *прогностический* компонент. Иначе говоря, если история вопроса предполагает описание и осмысление лингвистических феноменов прошлого, анализ их генезиса и вероятного дальнейшего развития, то истинная, или «полная» диахрония предполагает попытку отражения будущей картины в жизни данного языка.

Казалось бы, нет ничего естественнее стремления к тому, чтобы попытаться высказать — разумеется, только гипотетически — предположения относительно вероятных перспектив, начиная с участия/неучастия языка в коммуникации (в широком смысле этого понятия), затем — определенных характеристик его «работы» в качестве живого, в первую очередь разговорного кода и т.д. Пока же известные нам исследования, описывающие английский язык в историческом измерении, в большинстве своем завершаются современным этапом его развития и к прогнозам не переходят. Сказанное касается как работ, изданных за Западе (см., например, [Mugglestone, 2006]), так и известных отечественных публикаций ([Ильиш, 1973], [Иванова, Чахоян, Беляева, 1999], [Смирницкий, 2011] и др.). Но есть

здесь и исключения ([McIntyre, 2020]); одним из них является книга американских ученых Алберта К. Бо и Томаса Кейбла «История английского языка», которая, собственно, и начинается с раздела «English Present and Future» («Настоящее и будущее английского языка»), после чего следуют собственно исторические главы [Vaugh & Cable, 2002]. Отправной точкой и основанием для такого подхода к современному английскому как объекту исследования служит важное положение: «Распространенность и значимость английского сегодня ставят перед нами вопрос о том положении, которое он займет в будущем» [Vaugh & Cable, 2002, с. 4; здесь и далее переводы с английского наши. — С. Н.]

ДИСКУССИЯ: ОТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА К ПЕРСПЕКТИВАМ

Хорошо известно, что современный английский своим нынешним состоянием и, что в нашем случае важнее, статусом (речь об этом пойдет ниже) обязан геополитическим процессам, в которые он оказывался вовлечен по причинам объективного порядка: «История английского языка есть история культурных контактов за последние полторы тысячи лет» [Vaugh & Cable, 2002, с. 1]. Принимая во внимание древнеанглийский и отчасти среднеанглийский периоды, назовем такие события, как постоянные набеги на английские территории викингов-скандинавов в VIII–IX веках; Нормандское завоевание XI века и его последствия, ощущавшиеся вплоть до конца XIV века; развитие диалектов в среднеанглийский период (XIII — начало XV в.) и их активное взаимодействие; последствия войны Алой и Белой Розы и появление книгопечатания во второй половине XV века; влияние на английский латыни (язык науки и церкви) с ее постепенным,

но последовательным вытеснением в XVI веке. Современный английский язык окончательно формируется к завершению XV века: к этому времени относят новоанглийский период в его развитии; однако этому языку еще предстоит пройти эпоху Просвещения XVII — XVIII вв., колониальные завоевания и утрату колоний XIX–XX вв., мощное влияние американского английского в XX–XXI вв. и многие другие события преимущественно экстралингвистической природы.

АНГЛИЙСКИЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК: GLOBAL ENGLISH

Время после Второй мировой войны ознаменовалось для английского языка беспрецедентным его распространением и утверждением во всем мире. Такое положение было закономерным: «Если бы будущее какого-либо языка определялось всего лишь числом говорящих на нем как на своем первом, английский наверняка бы сейчас переживал упадок после четырех столетий не имеющего аналогов распространения. Что исключает такое развитие событий? — только тот факт, что английский повсеместно используется как второй язык и как иностранный язык» [Vaugh & Cable, 2002, p. 5].

И действительно: ведь языком, на котором говорит сегодня наибольшее число людей, является вовсе не английский, а китайский. Но китайский язык используется по преимуществу компактно, т. е. в основном на территории одного государства, в то время как английский разбросан по всему миру, т. е. употребляется диффузно; китайский не имеет столько носителей, говорящих на нем как на втором (пожалуй, это его самая существенная «слабая сторона» в негласной борьбе за мировое лидерство); наконец, китайский не изучается столь широко и последовательно, как английский.

Важнейшей, хотя и косвенной причиной распространения английского явились глобализационные процессы второй половины XX века, затронувшие и разнообразные практики вербального общения¹. Дело в том, что именно после войны в мире назрела и стала вполне осознанной необходимостью в едином коммуникативном коде, который бы объединял всех. Одновременно стала очевидной несостоятельность многочисленных и давних попыток «лабораторного» создания одного искусственного языка: этими вопросами занимается интерлингвистика — раздел языкознания, изучающий проблемы, возникающие в связи с созданием и функционированием международных искусственных языков. Сразу же заметим: выбор естественного языка в качестве международного и его всемирная экспансия не могли не привести к возникновению множества его разновидностей. «То, что мир испытывает острую нужду в международном языке, становится очевидным из количества попыток удовлетворить эту потребность искусственно. Так, только между 1880 и 1907 годами были предложены пятьдесят три единых всемирных языка» [Vaugh & Cable, 2002, с. 6].

АНГЛИЙСКИЙ В ФОКУСЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ENGLISH IN SCHOLARLY RESEARCH

Как указывает Дэйвид Кристал, «требование взаимного понимания и требование собственной идентичности зачастую толкают людей — и государства — в про-

¹ Здесь мы намеренно оставляем в стороне перечень и обсуждение указанных процессов: в современной западной англистике уже сформировался достаточно солидный по своему объему и надежный по содержанию корпус исследований на эту тему.

тивоположных направлениях» [Crystal, 2003, p. 127]. При таком противоречивом положении вполне естественным становится повышенный интерес к английскому языку со стороны ученых, филологов в первую очередь: «Помимо того, что английский в последние полстолетия стал международным языком, филологическое знание о нем тоже стало международным: права собственности на интерес к этому языку стали всеобщими. Мы больше не являемся языковым сообществом, которое ассоциируется с национальным сообществом или даже с сообществом наций — таким, как Содружество. Мы теперь — международное сообщество» [Brumfit, 1995, с. 16]. Из этого естественным образом вытекает, что английский в мировых академических кругах сегодня изучается более интенсивно, чем когда-либо ранее: ведь теперь это не просто один из языков германской группы наряду с немецким, нидерландским, африкаанс северной подгруппы; шведским, датским, норвежским и исландским западной подгруппы. Теперь это еще и всемирный, универсальный код, и это последнее обстоятельство придает ему уникальную и беспрецедентную коммуникативную специфику. Будучи живым и активно развивающимся кодом, он обнаруживает свою неповторимость в самых различных аспектах: когнитивном, прагматическом, психологическом, социологическом, стилистическом, эмотивном и т. д. Поэтому востребованными и продуктивными становятся изыскания в рамках гибридных («стыковых») дисциплин по типу когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, психолингвистики, социолингвистики, лингвоаксиологии и т. д., избирающими в качестве исследовательского материала современный английский язык.

АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ: ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE — EFL

Этот раздел об английском как иностранном начнем с того, насколько важно осознавать разницу между иностранным языком и вторым языком. Уточняющие определения «иностранный» и «второй», в принципе, могут быть приложимы к любому языку, но в данном случае относятся к современному английскому.

Стремительное продвижение английского по планете предполагало императив, с настойчивостью требующий практического знания этого языка и владения им от любого человека вне зависимости от этнической, национальной, религиозной принадлежности. По сути дела, английский стал едва ли не обязательным компонентом универсальных коммуникативных компетенций любого билингва — а сегодня, по данным статистики, билингвов и мультилингвов в мире насчитывается больше, чем монолингвов. В кросс-культурной коммуникации доминирует именно английский, а это значит, что данному языку следует уделять особое внимание в национальном образовательном процессе, который регулируется не спонтанно, а на государственном уровне, т. е. продуманно и планомерно.

Знание языков — одно из существенных условий успешного выживания в современном мире, и одним из таких изучаемых иностранных языков должен быть английский. В качестве иностранного английский присутствует в тех странах, где он не является родным и не обладает особым статусом: например, в России, Бразилии, Германии, Венгрии, Франции, Китае и т. п. Нетрудно заметить, что правительства этих стран уделяют огромное внимание изучению английского практически на всех уровнях образо-

вательной системы. В России английский стал выдвигаться на первое место среди других иностранных языков, прежде всего немецкого и французского, еще в советский период, в 1960-е годы. Сегодня перечень иностранных языков, изучаемых в обязательном порядке в российских учебных заведениях, заметно расширился (испанский в средней школе; китайский, арабский, турецкий в высшей). Однако английский среди них уверенно доминирует.

Потребность в предельно эффективном (результативном) и оптимальном овладении английским как иностранным породила отдельное направление в мировой профессиональной педагогической деятельности — ELT (*English Language Teaching* — обучение английскому). Она же порождает возникновение и быструю смену новых и новейших методик. Упомянем здесь хотя бы суггестивный метод конца 1960-х — первой половины 1970-х годов; метод интенсивного обучения и языкового погружения 1980-х — 1990-х; увлечение краткосрочными языковыми курсами, проводимыми носителями английского языка, наблюдаемое уже в России и за рубежом в XXI веке.

Достаточно серьезные и успешные попытки осмысления процесса преподавания английского языка видятся нам (пока только в перспективе) в принципиально коммуникативном подходе и грамотном учете со стороны педагога-лингвиста достижений современного дискурс-анализа и базовых положений теории текста (см. посвященное этому только одно из множества изданий: [McCarthy, 2000]). Так или иначе, несомненно одно: попытки оптимизации дела передачи знаний английского как иностранного будут продолжаться, причем теперь уже с вовлечением в образовательный процесс новейших цифровых технологий и с выходом на позитивный результат «как можно раньше

и/или как можно быстрее». Думается, что успех в выполнении этой насущной задачи требует тщательного анализа безуспешности предшествующих попыток. Случай России для таких обобщений, пожалуй, представляется весьма показательным.

АНГЛИЙСКИЙ КАК ВТОРОЙ ЯЗЫК: ENGLISH AS A SECOND LANGUAGE — ESL

Английский как второй (после первого, национального), в отличие от английского как иностранного, — это язык, используемый как коммуникативный инструмент и обладающий неким особым статусом. Английский как второй язык наблюдается, например, в англоязычных странах с развитой иммиграцией. Одновременно ESL фигурирует в бывших британских колониях, например, в Индии, Нигерии, Филиппинах, где он имеет статус второго государственного. Сказанное вовсе не исключает организованного изучения английского языка на всех тех административных территориях, где он является вторым. Число говорящих на английском как на втором достаточно велико: по самым скромным подсчетам, приходящимся на конец XX века, оно составляло 98 миллионов человек (для сравнения число говорящих на «всемирном английском» достигает 330–350 миллионов: [Crystal, 1995, с. 108]). Эта черта («английский в статусе второго») во многом определяет нынешнее положение английского в мире, отделяет его иных распространенных национальных языков, расширяет сферы применения, — и в конечном счете выводит на глобальный уровень.

Кого можно назвать говорящим на английском как на втором языке? Разумеется, такое лицо может считать-

ся билингвом, поскольку обладает прочными знаниями и, главное, навыками владения своим первым, родным языком. Такое лицо переходит на английский в офисе, магазине, театре, но может говорить на нем и дома (например, с детьми, недостаточно хорошо владеющими этническим языком семьи); в обстановке официального и полуофициального общения; в беседе с иностранцем, обычно говорящим на своем первом языке, отличном от первого языка нашего субъекта. По коммуникативным характеристикам (по своему качеству) английский как второй вплотную приближает носителя к ситуации координативного билингвизма (одинаковое владение двумя и более языками), в то время как говорящий на английском как на иностранном всегда будет демонстрировать билингвизм субординативный, подчиненный.

Любопытно, что в Европе XXI века выделяются страны, проявляющие высокую степень толерантности к английскому: это Швеция, Дания, Норвегия, Нидерланды; но есть и такие, которые — причем на уровне административного регулирования — проводят политику сдерживания англоязычного влияния и нерапространения его за пределы «туристического языка»: это романоязычные государства (Франция, Италия, Испания, Португалия), Германия.

Важно и то, что английский как иностранный и английский как второй — категории не «вечные», данные раз и навсегда: при определенных условиях — например, при длительном проживании в стране английского языка и при должном, осмысленном усилии со стороны говорящего субъекта — английский как иностранный может превратиться в английский как второй язык. Со всеми вытекающими из этой метаморфозы позитивными последствиями.

АНГЛИЙСКИЙ КАК ЛИНГВА ФРАНКА — ELF

Разговор об английском как лингва франка неизбежно предполагает вхождение в наши рассуждения ставшего чрезвычайно популярным, особенно в последние десятилетия, понятия *World Englishes* — «всемирные английские языки» (Kachru, 1985). И если такие «английские», обнаруживающие ощутимые различия практически на всех языковых уровнях, означают разновидности одного и того же национального идиома, употребляемые в различных частях земного шара (включая многочисленные языки-креоли на основе английского), то «всемирный английский» — это образцовый пример «классического» лингва франка, распадающийся на разновидности в зависимости от сфер его применения, к которым относятся торговля, образование, спорт, дипломатия, туризм, популярная культура и другие, выводящие коммуникацию на уровень глобальной.

Осознание английского как лингва франка с сопутствующим внезапным ростом разноаспектного научного интереса к нему был вызван опубликованной в 2001 году статьей профессора Венского университета Барбары Зайдлхофер «Заполняя концептуальный пробел: случай для описания английского как лингва франка» [Seidlhofer, 2001]. Работа Зайдлхофер была во многом ориентирована на проблематику, связанную с практиками ELT; при этом автор обращала внимание научного сообщества на ELF (*English as a lingua franca*) как на полноценный код и настойчиво рекомендовала поместить этот идиом в центр дескриптивных исследований наряду с английским как первым языком говорящего.

Относительно новый филологический термин *English as a lingua franca* в западной лингвистике понимается сегодня как «контактный язык» для тех, кто не обладает ни об-

щим родным языком, ни общей (национальной) культурой, для кого английский — это выбранный иностранный язык общения» [Firth, 1996: 240]. Но ELF способен обслуживать и урожденных носителей английского — при условии их участия в межкультурной вербальной коммуникации (об этом, в частности, сказано в [Gnutzmann, 2000: 357]).

Приведенному выше определению ELF не противоречит и тот факт, что любое лицо, использующее английский в целях межкультурной коммуникации (это может быть человек, говорящий с кем-либо, для кого первый язык — любой иной, кроме английского), уже автоматически переходит на ELF. Таким образом, ELF с функциональной точки зрения, скорее, определяется своим активным участием в межкультурной коммуникации, нежели с формальной — своим отношением к языковой норме, которой следует англоговорящий с большей или меньшей строгостью. Здесь подчеркнем следующее: говорящие на любом ином языке как на первом могут легко отвести ELF роль коммуникативного кода без особой оглядки на исконно английскую языковую норму.

Современный ELF — это уже далеко не тот английский, который некогда рассматривался как «исключительная собственность» говорящих на нем как на родном. Это демократизированный и универсализированный язык, пригодный для широкого межнационального использования. Как утверждает К. Гнутцман, «когда английский выступает языком лингва франка, он уже не опирается на языковую или социокультурную норму, на культуры наций, что существенно для говорящих на нем как на родном» [Gnutzmann, 2000: 358]. Х. Г. Уиддоусон идет еще дальше, заявляя, что урожденные англоязычные «не вправе как-либо вмешиваться в этот процесс или тем более осуждать его. Их

мнение в данном случае не играет никакой роли. Одно лишь то, что английский есть язык международный, означает, что ни одна нация не обладает правом собственности на него» [Widdowson, 1994: 385]. Выходит, что теперь, с учетом межкультурных коммуникативных компетенций и стратегий, именно естественные англоговорящие сообщества и их представители оказываются в невыгодном положении ввиду недостаточных умений и навыков общения на ELF и чрезмерной зависимости от своего же английского как первого языка. Однако, с другой стороны, такое положение в свою очередь может оказаться контрпродуктивным по причине повышенной идиоматичности английского, на котором говорят как на родном: как раз параметр идиоматичности способен выступить значительным препятствием в межкультурном общении. Это явление, терминированное как «односторонняя идиоматичность» (см. [Seidlhofer, 2004: 220]), «может даже оказаться вредным для успешной коммуникации, если участники не выступают носителями одного и того же языкового репертуара» [Gnutzmann, 2000: 358].

Таким образом, общезыковая норма как категория сложной культурно-исторической природы становится во многом решающим фактором для лингва франка. Существование любого идиома лингва франка, ELF в том числе, обусловлено развитием двух взаимосвязанных тенденций: стремлению кода *от* стандартов, диктуемых национально-языковой нормой (что обеспечивается разноуровневыми межъязыковыми интерференциальными процессами), и стремлению к новой норме, которая выступает неким ускользающим, а потому недостижимым идеалом (более подробно об этом см. в нашей публикации [Николаев, 2019: 77–78]). В рамках настоящего исследования существенный вес представляет именно первая из двух обозначенных тен-

денций: она обеспечивает английскому (лингва франка) свободу и возможность «дробиться» на разновидности, которые, функционируя как полноценные коммуникативные коды, могут (и наверняка будут) вступать друг с другом в продуктивную конкуренцию. Но они могут и сосуществовать, причем достаточно долгое время, в глобальном, то есть предельно обширном, коммуникативном пространстве.

ВЫВОДЫ

Итак, из всего сказанного можно заключить следующее.

Первое. Статус национального языка в современном мире и в мировом коммуникативном пространстве не зависит от числа говорящих на нем как на первом (родном) и не определяется этим числом. Если бы такая зависимость существовала, английский язык находился бы сегодня в состоянии упадка после четырех столетий неуклонного подъема, роста и распространения.

Второе. Современный английский язык лидирует среди других языков мира, как европейских, так и неевропейских — по числу говорящих на нем как на втором. Решающим фактором при определении положения языка, таким образом, выступает функционирование этого языка как второго. Важно и участие языка в билингвальной коммуникации, билингвальных умениях и навыках индивидов-билингвов, его «встроенность» в билингвальное мышление говорящего мирового сообщества.

Третье. Как следствие очевидной роли второго языка, употребляемого наряду с первым (первыми), английский обладает также статусом иностранного языка — самого изучаемого в ряду иных иностранных языков. Всеобщий интерес к английскому проявляется по-разному в зависи-

мости от его направленности, целей, поставленных задач. Он может быть обусловлен стремлением к практическому владению навыками пользования этим языком как инструментом общения, но это может быть и повышенный академический интерес к данному языку как уникальному и показательному социокультурному феномену.

Четвертое. Чрезвычайно важную роль для дальнейшего существования и развития английского языка выполняет его «дробление» на многочисленные лингва франка и успешное выполнение этими идиомами коммуникативных задач практически любого масштаба и сложности. Одновременный отказ от языковой нормы и стремление к ней (в обновленном виде) обеспечивают английскому как лингва франка беспримерную жизнеспособность в современных условиях. Всемирный английский язык — это не единый код, но множество кодов лингва франка. Эти идиомы взаимодействуют, вступают в конкуренцию, укрепляют и уничтожают друг друга. Динамизм таких отношений следует рассматривать как еще одну жизнеобеспечивающую особенность английского языка.

И последнее, *пятое*. Осмелимся высказать предположение о том, что доминирующей позиции английского языка в современном мире, во всяком случае в ближайшие десятилетия, ничего не грозит. В принципе, роль и функции лингва франка может выполнять любой национальный язык вне зависимости от числа его носителей. Специфика английского — на этот раз и как стандартного языка (Standard English), и как лингва франка (ELF) — иная: она базируется прежде всего на проникновении этого языка практически во все значимые сферы человеческой деятельности, на его участии в межкультурной коммуникации, а отсюда — на его всеобщей востребованности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова, И. П., Чахоян, Л. П., Беляева, Т. М. История английского языка. — СПб, «Лань», 1999. — 512 с.
2. Ильиш, Б. А. История английского языка. — Л., «Промсвещение», 1972. — 351 с.
3. Николаев, С. Г. Русский как лингва франка: утверждение статусных характеристик//Славянская филология и культура в интеллектуальном контексте времени: материалы I Междунар. науч.-практ. конф./Мин-во науки и высшего образования РФ, ЮФУ. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2019. — С. 72–82.
4. Смирницкий, А. И. Лекции по истории английского языка. — М., «Добросвет», 2011. — 236 с.
5. Brumfit, C. The role of English in a changing Europe: where do we go from here?, Best of ELTECS, the British Council.
6. Crystal, David. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. — Cambridge, Cambridge University Press, 1995. — 489 p.
7. Crystal, David. English as a Global Language. Second Edition. — Cambridge, Cambridge University Press, 2003. — 229 p.
8. Firth, A. The discursive accomplishment of normality. On 'lingua franca' English and conversation analysis//Journal of Pragmatics, No. 26. P. 237–259.
9. Gnutzmann, C. Lingua franca // Byram, M. (ed.). 2004. Routledge encyclopedia of language teaching and learning. London: Routledge. P. 356–359.
10. Kachru, B. B. Standards and codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle//R. Quirk, H. G. Widdowson (eds). English in the world: Teaching and learning the language and literatures. Cambridge, Cambridge University Press, 1985. P. 11–30.

11. McIntyre, Dan. History of English: A Resource Book for Students. Second Edition. — London, New York, Routledge English Language Introductions, 2020. — 288 p.
12. McCarthy, Michael. Discourse Analysis for Language Teachers. Tenth Edition. — Cambridge, Cambridge University Press, 2000. — 222 p.
13. Mugglestone, Lynda. The Oxford History of English. — Oxford, New York., Oxford University Press, 2006. — 504 p.
14. Seidlhofer, B. Closing a Conceptual Gap: the Case for a Description of English as a Lingua Franca // International Journal of Applied Linguistics, Vol. 11, No. 2, 2001. P. 133–158.
15. Seidlhofer, B. Research perspectives on teaching English as a lingua franca // Annual Review of Applied Linguistics. No. 24. P. 209–239.
16. Widdowson, H. G. The ownership of English // TESOL Quarterly. No. 28. P. 377–389.

BRIEF

*ENGLISH AT A VECTOR CROSSING:
A LANGUAGE HISTORY “IN A STRAIGHT-LINE PERSPECTIVE”*

Nikolaev S. G.,

*Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Professor,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *This article scrutinizes essential status characteristics of the Modern English language in the world communicative space of today. Differentiated are the notions of a foreign language and a second lan-*

guage. Special attention is given to the functional specificity of English used as a lingua franca. As a result, the author proposes a number of items which, in his opinion, give prominence to Modern English among other national languages; based on the previous analysis, the author speculates on the near-term prospects in the ways the English language will function in the world.

Key words: *Modern English, global language, foreign language, second language, lingua franca, language norm, language plurality.*

Коммуникативная специфика дискурса ведущего англоязычного ток-шоу

Николаев С. Г.,

*заведующий кафедрой английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуни-
кации Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор, Ростов-на-Дону, Россия*

Лыткина А. В.,

*магистрант Школы иностранных языков,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

УДК 81'27

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности дискурса ведущего на примере эпизодов популярных англоязычных ток-шоу. Проводится анализ механизмов речевого воздействия, используемых ведущим для привлечения внимания аудитории, а также обмена информацией. Выделяются характерные стилистические особенности речи говорящих сторон — ведущего, гостей, аудитории.

Ключевые слова: ток-шоу; ведущий; экспрессивность; разговорная речь; разговорный стиль; англоязычный диалогический дискурс; дискурс ведущего.

С коммуникативной точки зрения современное телевизионное ток-шоу — независимо от его универсальных, то есть внациональных, но также

и национально-локальных характеристик — отличается тематической и жанровой спецификой. В аспекте генристики (теории жанров) ток-шоу синкретично: оно несет в себе признаки интервью, дискуссии, игры, беседы. При этом важно отметить, что коммуникация в нем сконцентрирована на личности ведущего. Ведущий — это одновременно и инициатор коммуникации, и коммуникативный медиатор, занимающий срединную позицию между зрителями и гостями шоу. Поэтому речевое поведение ведущего имеет особо существенное значение как «внутри» временной структуры телепередачи, так и за ее пределами.

Эпизоды ток-шоу характеризуются достаточно прозрачным, логически оправданным композиционным построением, подчиненным цели постоянного поддержания внимания телеаудитории. Многие ток-шоу разделяются на части, или раунды, и каждый из них несет свою смысловую и содержательную нагрузку [4, с. 59]. Обязательно наличие подготовленного заранее сценария, так как жанр ток-шоу — это главным образом создаваемое на телевидении представление, имеющее свою структуру. Участники ток-шоу одновременно выступают его персонажами с закрепленными за ними ролями. Присутствие аудитории в студии является важным условием для проведения ток-шоу [2, с. 10].

Одна из причин, почему ток-шоу остаются популярными на сегодняшний день, заключается в том, что ключевые моменты или эпизоды целиком публикуются в Интернете. Для создания рейтингов шоу необязательно смотреть в определенное время по телевизору, так как оно будет доступно онлайн в любое время после выхода [6, с. 29].

Драматургия ток-шоу базируется на вопросно-ответной схеме устной вербальной коммуникации. Форма,

качество, вид, логика, последовательность вопросов определяют интригу и общую динамику развития сюжетной линии программы. Наконец, многие исследователи жанра считают, что залог успеха ток-шоу — это юмор [1, с. 102]. Юмор в публичной речи помогает оратору проявить себя в качестве остроумной личности, «положительно настроенной по отношению к аудитории» и помогает установить контакт с собеседником, снять напряженную обстановку в речевом общении и расположить собеседника. [3, с. 37].

Ведущий ток-шоу — координатор передачи. Как правило, это известная (публичная) личность, чей индивидуальный стиль общения определяет и имидж всей программы. Более того, названия большинства ток-шоу связаны с именем ведущего. Так, в нашей выборке во всех названиях ток-шоу имя ведущего присутствует как обязательный компонент: *The Tonight Show Starring Jimmy Fallon*, *Jimmy Kimmel Live*, *The Ellen DeGeneres Show*, *The Graham Norton Show*. Ведущему должны быть присущи такие общественно позитивные качества, как юмор, обаяние («харизма»), остроумие, находчивость, умение заинтересовать и так же заинтересованно слушать, умение пластично двигаться, грамотно, хотя и подчас нестандартно формулировать идеи и т. д.

Ведущий задает темп передачи, устанавливает общую атмосферу, контролирует диалог или полилог, направляет его «в нужную сторону», выбирает актуальные темы беседы, фокусирует внимание на отдельных смысловых элементах высказываний адресата [5].

Зарубежные исследователи жанра ток-шоу выделяют две определенные нормы, которые должен соблюдать ведущий: *personalization* (индивидуализация) и *congeniality* (близость к гостю) [6, с. 33].

Индивидуализация или персонификация в ток-шоу проявляется в том, что ведущие вовлечены в интервью с гостем лично, могут выражать свое мнение, собственные взгляды, обращаясь через них к гостю, для того чтобы узнать его позицию и отношение к проблеме.

Норма конгениальности заключается в создании преимущественно дружеской обстановки. Ведущий строит шоу так, чтобы передача была интересна аудитории, удовлетворяла запросы приглашенных гостей и аудитории. Так, ведущий может частично отвечать на вопросы, заданные гостям, показывая свою вовлеченность и интерес к личности гостя. Тем не менее в современных ток-шоу соблюдается вежливость, ведущий не спорит и не критикует приглашенного гостя [6, с. 33–34].

При всем сказанном коммуникативная специфика ток-шоу, представленная в речи ведущего, еще далека от своего системного описания и строго научного осмысления. Причина этого видится прежде всего в спонтанности, «живом» импровизационном настрое коммуникации, изменчивости и динамизме в выборе вербальных (и паравербальных, таких как мимика, жест, поза и т. д.) средств выразительности речи. Сказанное придает настоящему исследованию очевидную актуальность и своевременность. При этом включение в изучение речи ведущего ток-шоу обязательного компонента системности призвано сосредоточить внимание на этой речи как на сложном социально-коммуникативном феномене, требующем не только практического, но теоретического осмысления в рамках коммуникативной лингвистики.

МАТЕРИАЛ

В качестве материала мы использовали эпизоды за 2019–2021 годы. Нами была проанализирована речь

семи ведущих ток-шоу: Джимми Фэллона (Jimmy Fallon), Джимми Киммела (Jimmy Kimmel), Грэма Нортон (Graham Norton) и Эллен Дедженерес (Ellen DeGeneres). В *The Ellen DeGeneres Show* имеются эпизоды, в которых вместо Эллен шоу вели приглашенные ведущие — Дженнифер Энистон (Jennifer Joanna Aniston), Шон Хейс (Sean Hayes) и Джон Ледженд (John Legend). В качестве основного материала нами было выделено 208 реплик, имеющих отчетливые временные и смысловые границы — левую и правую).

ДИСКУССИЯ

Поскольку любая передача обсуждаемого жанра имеет вполне определенную структуру, то и в дальнейшей части статьи мы намерены придерживаться этой структуры.

Коммуникация в ток-шоу традиционно начинается с ритуала приветствия и завершается ритуалом прощания. Любопытно, что уже на начальном этапе шоу присутствует эмоциональный компонент: так, ведущий с нескрываемой радостью приветствует зрителей, но в то же время с заметной досадой говорит о небольшом отрезке времени шоу:

We've got a great show for you tonight! Oh, so many wonderful people to talk to and only 45 minutes to do it! (Gr. Norton, ep.409)

После приветствия аудитории ведущий поднимает актуальные мировые проблемы. Часто это происходит в критических тонах: например, ведущий говорит о политических проблемах США, при этом персонифицирует речь, упоминая ведущих политиков:

There is no doubt what a president did was wrong. It was to promote his own personal interest, not the interest of our country. It did put our national security at risk. (Ellen, ep.2843)

В жанре ток-шоу, рассчитанном на широкую и осведомленную аудиторию зрителей, политические проблемы нередко сочетаются с проблемами шоу-бизнеса:

Our president cares more about the Kardashians than the Ukrainians. (J. Kimmel, ep.2762)

Речь ведущего с самых первых фраз насыщена экспрессивной лексикой; часто встречается стилистически сниженные слова и выражения, принадлежащие к смежным семантическим полям политики и дипломатии. Наряду с политическими клише могут употребляться жаргонизмы для высмеивания политических деятелей.

*Biden has called Trump the **laughingstock** of the world.* (J. Fallon, ep.1171). В данном случае мы наблюдаем неформальную метафорическую единицу, означающую “*extremely stupid*” (Cambridge Dictionary)

Часто встречаемым является прием антономазии, основанный на замене названия или имени указанием наиболее актуальной на данный момент черты человека или явления. Так, мы без труда догадываемся, что, используя выражение *Mr. Crime-fighter*, ведущий говорит о президенте США Дональде Трампе, а говоря *his trolls*, подразумевает его подчиненных:

*That’s how much **Mr. Crime-fighter** cares about corruption. They just had to announce it, so **his trolls** could paste that all over Facebook and Fox news.* (J. Kimmel, ep.2762)

Ток-шоу обычно чрезвычайно чувствительны к насущным проблемам современности, волнующим большинство телезрителей. Так, с февраля 2020 года в начале многих, если не всех, значительных ток-шоу освещаются проблемы, связанные с коронавирусной инфекцией, причем нередко с иронией или сарказмом.

*Everyone now seems to think they’re **an expert on the coronavirus**. Me included.* (J. Kimmel, ep. 2808)

Как уже говорилось ранее, для речи ведущего должны быть характерны остроумие, находчивость, юмор. Наблюдаемое использование зевгмы приводит речь ведущего на грань языковой игры. К примеру, в следующем эпизоде, основанном на полисемии глагола *to spread*, создается яркий комический эффект (в сочетании с эффектом обманутого ожидания).

*Over the world people are meeting up to spread love, joy, **the coronavirus**.* (Gr. Norton, ep.424)

Смягчая «травмирующую» тематику передачи своей речью, ведущий часто намеренно избегает произнесения слов *pandemic, coronavirus, quarantine*, заменяя их эвфемизмами, легко понятными аудитории, приглашенным зрителям, гостям, а также активно использует жесты, мимику, паузы и интонационные контуры речи. Здесь мы, помимо прочего, наблюдаем прием риторического восклицания:

*Little did we know it could have been a super spreader at the time! It was a February **right before, you know**.* (Ellen, ep.2985)

Однако глобальные проблемы не всегда поднимаются в начале шоу. Время от времени ведущий может переключаться, «отвлекаться» от сложных тем и неожиданно говорить о популярных шутках, мемах, интересных происшествиях. Для этого он использует иронию, сарказм, меняет интонацию, активно пользуется жестами и может привлекать различные аудиовизуальные материалы. Иными словами, ведущий демонстрирует свое владение навыками публичного выступления и активно пользуется стилистически разнородными пластами лексики — наряду с разнообразными стилистическими средствами и риторическими приемами.

*A banana that's just **duct-taped** to a wall just sold for 120000 dollars. 120 000 for a banana taped to a wall? But this is*

nice, the buyer also got a certificate authenticating that they're a moron. (J. Fallon, ep.1171). Здесь мы встречаем окказионализм — адъектив *duct-taped* (о банане, приклеенном малярным скотчем), вульгаризм *a moron* и, одновременно, риторический вопрос.

В другом случае ведущий, обсуждая, чем закончился эпизод популярного американского шоу *The Bachelor*, с явной иронией, которую подчеркивает выбор лексики и, на синтаксическом уровне, построение предложения в целом, говорит о героине, покинувшей проект, следующее:

What we do know is that last night Madison on this show sent herself home. (J. Kimmel, ep.2808)

В основной, срединной части шоу ведущий приглашает в студию известных гостей, знакомит с ними аудиторию, приветствует их, произносит комплименты. Здесь активно меняется интонация речи и используются восклицательные предложения:

Jennifer Lopez is my guest tonight! (J. Fallon, ep.1171)

An American Hollywood star in our humble studio! (Gr. Norton, ep.454)

Ведущий представляет гостя, говоря о нем исключительно приятные слова для того, чтобы каждый гость непременно почувствовал себя личностью значимой, интересной, уникальной. Здесь в восприятии аудитории формируется отношение ведущего к гостю и желание передать это отношение зрителям:

She has ruled our TV screens as the mother of dragons in Game of Thrones. Please, welcome, Emilia Clarke! (Gr. Norton, ep.409)

Our first guest has not only one an Oscar, a Golden Globe, and an Emmy award, she also runs an empire called "Goop". Please welcome, my friend, Gwyneth Paltrow! (Ellen, ep.2849)

Производится «вербальное завышение» статуса собеседника:

The one and only Will Smith. (J. Fallon, ep.1184)

Ведущий часто обращается к гостю, используя его имя или стандартные формы обращения: *friend, mate, dear.*

Bryan, are you a good giftgiver? (Ellen, ep.2985)

Thank you so much, my friend! (Ellen, ep.2849)

Но сленговые, разговорные обращения (*pal, bro, fellow* и др.) используются реже, поскольку в большинстве случаев это не соответствует амплуа ведущего.

Ведущий создает благоприятную обстановку шоу: своими вопросами он выстраивает содержательную и эмоциональную основу программы и задает определенные рамки беседы. Являясь центральной фигурой шоу, ведущий в целом «направляет» разговор. Артистизм ведущего добавляет активность и живость программе, создавая эффект «живого, непредсказуемого действия».

Во время разговора с приглашенными гостями ведущий активно использует фонетические и синтаксические средства экспрессии, в целом характерные для его возраста (в нашем случае обе ведущие — представители среднего поколения) и пола (пятеро ведущих шоу — мужчины, две — женщины). Во всех исследованных нами шоу присутствуют дополнительные материалы: например, ведущий, используя явные приемы популярной журналистики, сопровождает разговор с известным гостем показом фотографий, презентацией видео- или аудиоматериала.

Ведущий может также задавать каверзные вопросы и остроумно комментировать ответы приглашенной звезды, что прибавляет нотки юмора всему шоу, создает атмосферу доверия между зрителем, гостем и ведущим:

It's kind of like a third date, which means you guys better put out or it's over, OK? (Ellen, ep.2775)

Ведущий задает достаточно личные вопросы про семью и детей гостя, и тогда нейтральная беседа прерывается эмоциональной реакцией ведущего с помощью восклицательных междометий, мимики и интонации.

Do you have kids? — I do. — How many kids? — Four. — Whoah! (Ellen, ep.2849)

В ответ на вопросы ведущего гости также могут задавать ему свои вопросы. Ведущий отвечает, показывая свое искусное владение юмором, и здесь мы снова наблюдаем прием зевгмы:

What are the 3 things you love about me? — Your warmth, your humor, and your ass. (Ellen, ep.2772)

В речи ведущего с лексической точки зрения видим большое количество устоявшихся единиц — речевых и языковых клише. Их взвешенное, размеренное употребление делает речь более живой, но также помогает разрушить границу между ведущим и гостем, создавая эффект дружеского разговора. Клише — несомненно одно из очевидных лексических средств стиля ток-шоу:

Oh, so it'll cost a fortune! (Gr. Norton, ep.454)

Использование устойчивых фразеологических конструкций, наполненных образностью идиом (ярких, знаковых слушателям, но не часто употребляющиеся в речи), сленговых выражений добавляет живость, метафоричность и эмоциональность речи ведущего. Обычно это происходит спонтанно, что должно свидетельствовать о неподготовленности и непредсказуемости диалога с гостями шоу.

So, I think it's all smoke and mirrors with her. (Ellen, ep.2775) — “*things which are intended to deceive or confuse people*” (Collins English Dictionary)

Часто подобные устойчивые выражения ведущей специально выделяет интонацией, делая соответствующие паузы:

*I know how you guys **cook the books**.* (Ellen, ep.2775) — “*to change numbers dishonestly in the accounts of an organization, especially in order to steal money from it*” (Cambridge Dictionary)

*I'm telling you some **deep, dark secrets**.* (Ellen, ep.2834) — “*a piece of information that is extremely private and confidential, usually implied to be embarrassing, incriminating, or shameful*” (The Free Dictionary)

Речь ведущего нередко строится на игре слов. Использование каламбура — один из приемов создания экспрессии и доказательство неподготовленности речи. Каламбур непредсказуем, он делает речь образной и энергичной. Каждый ведущий должен обладать чувством юмора, быть талантливым настолько, чтобы придумывать шутки на ходу. В этом проявляется особенность и изюминка американских и британских ток-шоу.

Так, каламбур, основанный на созвучии слов *force* (сила), *fourth* (четвертый), а также *may* (модальный глагол) и *May* (месяц) создает мгновенный комический эффект.

Yep, they call it “Star Wars” Day because of the phrase, “May the 4th be with you”. (J. Fallon, ep.1255)

В следующем случае использовано созвучие фамилии актрисы *Wood* и вспомогательного/модального глагола *would*:

Twitter your account is Evan Rachel Would. W-O-U-L-D. Like Evan Rachel Wood. So, I thought it would be fun to play a game called “Evan Rachel Would or Evan Rachel Wouldn’t”. (J. Fallon, ep.1255)

Важное качество ведущего — способность к самоиронии. Часто юмор говорящего строится вокруг нелепых

ситуаций, произошедших с самим ведущим. Этот человек не боится шутить над самим собой, например, показывая свою неосведомленность. Таким он дает зрителям понять, что является одним из них, обычным человеком, и это создает доверительную атмосферу в студии:

I don't know how to play chess. I know that checkmate is what Porsha says when we were at the restaurant and ready for the bill: "Check, mate!" (Ellen, ep.2985)

После демонстрации самоиронии ведущий может мгновенно переключаться на гостей ток-шоу. Здесь в каламбурным конструкциях часто возникает ритм, основанных на повторах:

She showed up in a formal dress with a formal address. (J. Kimmel, ep.2808)

Oh my god, she was like, it's not lighthouse keeping duties. It's light housekeeping duties. (Gr. Norton, ep.409)

Ведущий умеет быстро и с юмором реагировать на слова, сказанные гостем:

— You can dance. Everyone can dance. — Everyone can dance, but I don't know if everyone should. (J. Fallon, ep.1147)

Итак, с позиций синтаксиса в речи ведущего часто наблюдается использование повторов, что также говорит о неподготовленности речи и о человеческом факторе.

She looks like she's going to die. Look at her and look at those arms, look at her face, look at her face, she doesn't think... (Gr. Norton, ep.454)

Наряду с риторическим обращением к публике, ведущий может использовать и известные обращения к аудитории, привлекая таким образом внимание к сказанному. Подобные обращения носят непринужденный дружеский характер:

Okay, ladies and gentlemen! (Ellen, ep.2849)

Audience, want to help? (J. Fallon, ep.1147)

Намеренные паузы по ходу передачи замедляют темп шоу, дают возможность аудитории отреагировать аплодисментами, возгласами, иными звуками.

Приглашенные гости вежливы, используют слова благодарности и признательности друг другу, ведущему и аудитории.

Proud of you! (Ellen, ep.2837)

Thank you so much, my friend. (Ellen, ep.2837)

Часто знаменитости приглашаются на передачу для продвижения своего «личного» бренда в рамках шоу-бизнеса. В таких случаях звучит анонс нового проекта, рассказ о съемке фильма, релиз песни и т. д. Поэтому ведущий перед прощанием с гостем часто рекламирует или напоминает об этом:

Tickets are on sale now. (J. Fallon, ep.1171)

She also runs an empire called "Goop". (Ellen, ep.2849)

Участие известных деятелей в популярных ток-шоу построено на взаимовыгодных отношениях гостей и ведущего: интервью с приглашенным гостем в рамках шоу посмотрят поклонники, а это поднимет рейтинги передачи и поднимет рейтинг ведущего и «его» передачи. В то же время поклонники ток-шоу узнают интересные факты об артисте и его проекте или познакомятся с новым гостем, что гарантирует возрастающий интерес к личности и продукту ее творчества.

Завершая шоу, ведущий непременно («ожидаемо») произносит слова-пожелания приглашенному гостю и аудитории, передает благодарность аудитории. Обычно это короткие, достаточно стандартные фразы:

That's all for today. (J. Kimmel, ep.2762)

Thank you so much for joining us. (Gr. Norton, ep.454)

Иногда это выглядит как призыв, что формирует

определенную экспрессию речи. Так, ведущий, обращаясь к аудитории, использует речевые стратегии, выполняющие апеллятивную функцию.

Be kind to one another. Bye! (Ellen, ep.2849)

Ритуалы приветствия и прощания обычно сопровождаются тактильными взаимодействиями, однако с марта 2020 они исчезают из-за пандемии коронавируса.

Со времени начала пандемии ток-шоу частично или полностью перешли в онлайн-формат. Многие приглашенные гости не могут присутствовать в студии, в таких случаях ведущий «созванивается» с гостем с помощью различных интернет-платформ: *Zoom*, *Skype*, *FaceTime* и др. Ритуал прощания в таких случаях сопровождается словами надежды на «живую встречу» в ближайшем будущем:

Thank you so much for joining us tonight! Hopefully, we'll see you in the flesh soon! (Gr. Norton, ep.454)

Если же зрители и приглашенные гости присутствуют на ток-шоу, как правило, ведущий отдельно благодарит за присутствие на шоу «вживую». Здесь мы наблюдаем эмоциональный прием парцеллированной речи с небольшой паузой. Ведущий напоминает о том, как изменился мир и как приятно видеть настоящего человека, а не его изображение:

Thanks for being here. In person. (Ellen, ep.2985)

Приглашенные гости в свою очередь выражают признательность передаче, желают удачи и надеются на дальнейшее сотрудничество и встречу.

Thanks, Ellen! Good luck. (Ellen, ep.2849)

Речь ведущего наполнена речевыми оборотами, что делает ее яркой и запоминающейся. Ведущий также активно использует паравербальные и невербальные средства коммуникации, сопровождая свою речь мимикой, жестами, улыбкой.

ВЫВОДЫ

Итак, для безошибочного построения дискурса и формирования образа ведущего необходимо наличие профессиональных навыков, «языковое родство» с гостем-собеседником, тесный контакт с аудиторией, владение авторскими методиками, наличие особой манеры общения, придающей уникальность как сообщаемой информации, так и передаче как коммуникативному конструкту в целом.

При просмотре ток-шоу, помимо ведущего, приглашенных гостей и процесса коммуникации зритель также обращает внимание на интерьер и декор съемочной студии — параметры, имплицитно включаемые в коммуникативную ситуацию. Обычно в студии присутствует большой экран, кресло ведущего и диван/кресла/стулья для приглашенных. В ток-шоу *The Tonight Show Starring Jimmy Fallon*, *Jimmy Kimmel Live* ведущие на фоне импровизированного ночного города сидят за столом, так что мы сразу понимаем, что они — главные в передаче; такая коммуникация может напоминать интервью журналиста с известной личностью или даже прием у психолога. В ток-шоу *The Ellen DeGeneres Show*, *The Graham Norton Show* ведущие сидят вместе с гостями, что больше напоминает оживленную дружескую беседу. Сюжетные линии этих ток-шоу схожи. Диалог может прерываться на различные игры с гостем или аудиторией, а все шоу часто завершается выступлением музыкантов или певцов.

Языковая личность ведущего имеет большое, если не решающее значение. Речь ведущего экспрессивна и образна, поскольку ток-шоу строится именно вокруг его монолога, диалога или полилога с гостями. На образ и речь ведущего зритель обращает внимание прежде всего. Обладая

индивидуальным стилем и профессиональными навыками, ведущий активно использует стилистические приемы и фигуры речи, а его артистизм добавляет передачи живость, яркость, создает дружескую обстановку. Искусное владение ведущего юмором не только добавляет непринужденность, развлекает аудиторию и гостей шоу, подчеркивает непредсказуемость диалога, но и позволяет привлечь внимание к важным проблемам текущего времени. Приглашение известного гостя в передачу всегда носит явный и скрытый рекламный характер, так как этим самым и продвигается «личный» бренд знаменитости, и повышаются рейтинги ведущего и его ток-шоу. Для ведущего характерна определенная система речевого поведения, которая соответствует структуре передачи и соблюдается во всех эпизодах. При этом его публичная речь всегда носит характерные черты спонтанности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуленко, П. В. *Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «ток-шоу»* / П. В. Гуленко, Ю. И. Долгова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2016. Вып. 3. С. 102–110.
2. Капишникова, А. В. *Лингвистические средства управления дискурсом (на материале американских радиопередач ток-шоу): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04* / Капишникова Алла Владимировна; М., 1999. — 23 с.
3. Королева Ю. П. *Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04* / Королева Юлия Павловна; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2008. — 372 с.

4. Кузнецов Г.В. Ток-шоу: неизвестный жанр? / Г.В. Кузнецов // Журналист. 1998. Вып. 11. С. 59.
5. Сергеев Д. Они в эфире. Как делается телевидение / Д. Сергеев/ М.: АСТ, 2008. — 352 с.
6. Loeb, L. *The Celebrity Talk Show: Norms and Practices. Discourse, Context & Media* 10, 2015. С. 29–35.

BRIEF

COMMUNICATIVE SPECIFICITY OF THE HOST'S DISCOURSE
IN AN ENGLISH-LANGUAGE TALK SHOW

Nikolaev S. G.,

*Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Prof., Rostov-on-Don, Russia*

Lytkina A. V.,

*Master's Degree Student of the School of Foreign Languages,
Higher School of Economics University, Moscow, Russia*

Abstract. *The article scrutinizes characteristic features of the host's discourse by the example of the episodes of popular English-language talk shows. The authors analyze the mechanisms of the speech impact produced by the host to attract the attention of the audience, and to exchange info. The characteristic stylistic features of the speakers, i.e. the host, the guests, and the audience, are highlighted in the article.*

Key words: *talk show; host; expressiveness; colloquial speech; conversational style; English dialogic discourse; host's discourse.*

Образность в структуре художественного текста: динамический аспект (на материале британского романа XX века)

Николаев С. Г.,

*заведующий кафедрой английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуни-
кации Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор, Ростов-на-Дону, Россия*

Загоруйко А. Д.,

*магистрант кафедры английской филологии,
ИФЖиММК ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'38

Аннотация. *Объектом исследования являются средства создания образности в художественных текстах на английском языке. В качестве предмета исследования выступают механизмы создания художественной выразительности, а также их изменение в ходе развития историко-литературного процесса. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к литературному процессу и его осмыслению в междисциплинарном свете с точки зрения стилистики и когнитологии. Теоретическая значимость заключается в разработке проблем, связанных с механизмами действия и воздействия экспрессивных стилистических средств в художественном тексте с опорой на имеющиеся исследования в этой области.*

Ключевые слова: *средства создания образности; система образности; изобразительность; выразительность; эмоциональность и экспрессивность; динамическое развитие стилистических средств; структура художественного текста.*

ВВЕДЕНИЕ

Роль, место, назначение образных стилистических средств в тексте вербального художественного артефакта — в нашем случае романа — менялись на протяжении всего XX столетия. Помимо собственно совокупности названных средств, как системы и инструмента воздействия на читателя-реципиента, особый интерес представляет характер этих изменений. Отсюда цель нашего исследования: проследить развитие образных средств именно как системы с учетом особенностей таких субъективно-объективных параметров, как авторский стиль изложения и культурно-историческая эпоха. Так как динамика (динамизм) представляет собой явление синкретичное и полиаспектное, считаем необходимым привести краткое обоснование выбора темы.

Во-первых, названный феномен малоизучен в современной филологической науке, в лингвостилистике в частности. Во-вторых, он достаточно красноречив с позиций исторического осмысления природы исследовательского объекта. В-третьих, он представляет несомненный экстралингвистический интерес как компонент общечеловеческой (мировой, глобальной) коммуникации.

МАТЕРИАЛ

Для анализа из всего многообразия художественных прозаических текстов, созданных в Британии на протяже-

нии XX века, нами были отобраны следующие три романа: «Луна и грош» (*The Moon and Sixpence*, 1919) Уильяма Сомерсета Моэма, «Возвращение в Брайдсхед» (*Brideshead Revisited*, 1945) Ивлиана Во и «Англия, Англия» (*England, England*, 1998) Джулиана Барнса. Такой выбор обусловлен отнесенностью всех произведений к одному литературному жанру романа; они объединены одной тематикой; каждый роман не просто широко известен и популярен у читателей, причем не только англоязычных, но и является весьма значимым событием в контексте «своей» национальной культурной традиции. В содержательный центр трех романов помещена личность творца; развитие фабулы связано с её становлением; глубокой рефлексии подвергается творчество как философско-эстетическая категория и его влияние на жизнь людей в целом.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МЕТОДЫ

При анализе материала использовались методы, включающие анализ теоретической литературы по проблеме исследования, а также культурно-исторический и контекстуальный анализ эмпирического материала. Также применялся метод сплошной выборки и описательный метод в совокупности с приемами лингвистического наблюдения, сравнения, классификации и интерпретации.

ДЕФИНИЦИИ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Прежде чем перейти к рассмотрению инструментария конкретных образных средств, следует определить базовые понятия экспрессивной стилистики, связанные со способностью текста оказывать эстетическое воздействие на читателя.

Так, под *изобразительностью* понимается наглядность элементов речи и их способность вызывать конкретные представления об объектах, которые они описывают [8, с. 121]. Такой способностью обладает только такая речь, которая отклоняется от «нейтрального стандарта». Благодаря этому изобразительная речь воспринимается более оперативно, находит более глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание у читателя, лучше и дольше сохраняется в памяти.

Следующей, смежной категорией выступает *выразительность* речи. Под выразительностью понимается «способность текста привлекать внимание своей речевой организацией» [10, с. 215]. Выразительность также называют коммуникативным качеством речи, которое смещает акцент в сторону эстетических свойств текста [8, с. 64]. К числу инструментов, с помощью которых она создается, относятся точность, логичность, ясность, отбор фактов, ритм, а также особые грамматические средства, тропы и фигуры речи. Благодаря выразительности не просто привлекается внимание слушателя к сказанному, но и впоследствии на сказанном внимании реципиента фиксируется.

Понятие *экспрессивности* высказывания не нашло единого осознания и определения в современном языкознании. В контексте нашего исследования мы придерживаемся следующей трактовки: экспрессивностью называются такие свойства языковых и речевых элементов, которые способны выражать эмоциональное и оценочное состояние автора по отношению как к означаемому, так и к реципиенту и коммуникативному акту в целом [8, с. 539]. Экспрессивность субъективна, так как связана с личностью автора и транслирует его отношение к предмету речи или собеседнику. Экспрессивность проявляется практически на всех

без исключения уровнях языка. Разноуровневые экспрессивные средства обладают выраженной положительной или отрицательной коннотацией:

— фонетика: фонологически малохарактерные и/или нечастотные для данного языка изменения звуков, акцентные и интонационные средства, звуковые повторы и т. д.;

— морфология: словосложение и экспрессивные аффиксы с частными признаками усилительной (интенсифицирующей) семантики;

— лексика: экспрессивные слова и сочетания слов, переносы лексического значения, междометия, усилительные частицы и т. д.;

— синтаксис: изменение обычного порядка слов, использование эллиптических конструкций, повторов и др. [3, с. 591].

Наконец, понятие *эмоциональности* также имеет несколько интерпретаций. В широком смысле эмоциональность трактуется как разнообразие способов выражения чувств субъекта, а в узком — как чувство говорящего по отношению к объекту речи [6, с. 14]. Эмоциональность может быть языковой и речевой в зависимости от передаваемого значения. В первом случае эмоциональность передает установленное, общепринятое значение, а во втором — индивидуальное, обусловленное определенным контекстом. Таким образом, эмоциональность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, а экспрессивность — с усилением высказывания и убеждением.

С опорой на взаимодействие рассмотренных категорий нам удалось установить, каким образом они способствуют созданию *образности* художественного текста в целом. Образность, в свою очередь, обусловлена семантической неоднозначностью слова в тексте. В слове можно выделить

два компонента его содержания: объективное (или словарное) значение и субъективное значение, также называемое «художественно-изобразительным приращением» [4, с. 33], которое обуславливает способность слова иметь и «включать» в контекст широкие ассоциативные связи. Таким образом, первое значение слова включает в себе один признак, в то время как второе содержит множество признаков.

Такое понимание слова позволяет нам выделить несколько характеристик, формирующих образность как систему. Во-первых, предметная конкретность слова обуславливает конкретное представление об обозначаемом явлении. Предметная конкретность способствует восприятию содержания речи через чувственные представления. Благодаря такому свойству образности создается «достоверный слепок с объективной реальности, легко узнаваемой читателем и проецируемой на ранее полученный опыт» [9, с. 104].

Во-вторых, многозначность слова и его ассоциативность с другими предметами и явлениями окружающей действительности позволяют говорить о семантической двуплановости образности. Она, в свою очередь, проявляется в переносе названия с одного объекта на другой, что способствует «видению одного объекта через другой, к классу которых он не принадлежит» [4, с. 35].

Свойство многозначности позволяет внутри категории образности выделить два типа образности — тропеическую и нетропеическую. Первая основывается на употреблении слов и выражений в переносном значении, а под нетропеической образностью понимается ее способность оказывать эстетическое впечатление с помощью семантически нейтральных слов и контекста [7, с. 255]. Нетропеическая образность также обеспечивается звуковыми, интонационно-ритмическими средствами и синтаксическими приемами.

Оба вида образности способствуют восприятию речи через чувственные представления.

В-третьих, образность, имея словесное выражение и являясь частью художественного текста, также передает информацию, заложенную автором, и представляет собой определенный способ концептуализации действительности. В слове отражается действительность, а автор художественного текста осуществляет её вторичное преобразование. Так, образность художественного текста заключается «не в самом по себе использовании речевых явлений, но в характере, в принципе их использования» [1, с. 23]. В каждом словесном образе проявляется индивидуальность автора, который его создал. В то же время у реципиента художественного текста из отдельных словесных образов складывается представление о тексте в целом. Итак, совокупность всех словесных образов в художественном произведении складывается в общую образную систему, интегральная функция которой состоит в формировании у реципиента конкретно-чувственных представлений о действительности.

ДИСКУССИЯ

При рассмотрении средств создания образности особое внимание было уделено их расположению в структуре художественного текста. С одной стороны, текст представляет собой единое целое, причем его единство определяется прежде всего автором. С другой стороны, любой текст состоит из совокупности элементов, составляющих его целостность. Мы пришли к выводу, что художественный текст необходимо рассматривать как комплексную структуру, которая складывается из языковых единиц разных уровней,

при этом обладающих своей неповторимой спецификой. Однако деление текста может быть непреднамеренным, так как «сам создатель художественного текста не всегда заранее продуманно и четко членит свое произведение на части» [2, с. 50]. Как и позиционирование средств выразительности, текстовое членение отражает индивидуальные особенности автора и его подсознательное стремление актуализировать определенные аспекты содержательной информации.

Некоторые исследователи (Г.Н. Акимова, Е.С. Зорина) отмечают тенденцию к усложнению синтаксической структуры художественного текста в произведениях авторов XX — начала XXI века. Эту черту связывают с особенностями поэтики литературных направлений данного периода. Усложнение синтаксиса проявляется в формах передачи неавторской речи, особом пунктуационном и графическом оформлении текста, а также в использовании конструкций экспрессивного синтаксиса [5, с. 164]. Каждый из этих приемов способствует особой организации текста с целью передачи авторского замысла, а также придает тексту дополнительное коммуникативное и эстетическое значение. Подобные изменения позволяют сделать вывод, что структура текста динамична и может намеренно меняться автором для наибольшего (предельного) соответствия замыслу.

Рассмотрим на конкретных примерах средства, с помощью которых формируется система образности внутри отдельного художественного текста. Заметим, что система образных средств любого художественного произведения представляет собой обширный материал для исследования его стилистических особенностей. Зачастую те или иные средства выбираются автором неосознанно, тем самым формируя систему образов, уникальную для каждого отдельно взятого произведения. В фокусе нашего внимания находится

авторская речь, так как она наиболее насыщена образными средствами и обращена непосредственно к читателю.

Отправной точкой исследования послужил текст У.С. Моэма «Луна и грош». Прежде всего следует отметить, что повествование ведется здесь от первого лица, а сам рассказчик чаще всего выступает в роли наблюдателя. С появлением каждого нового персонажа (автор вводит персонажей вплоть до предпоследней главы) к образу главного героя добавляются новые детали. Так создается полиперспектива, и каждый последующий персонаж дополняет портрет главного героя новыми чертами, привносит в повествование новые факты.

В то же время все персонажи романа представлены через призму восприятия нарратора, который отбирает для своего рассказа наиболее релевантные, на его взгляд, факты, так как зачастую сам не является непосредственным участником описываемых событий. Таким образом, субъективная оценка проявляется не только в описании героев произведения, но и в самом отборе материала.

Для У.С. Моэма его в репрезентации образа англичанина характерно использование приема противопоставления, то есть описание главного героя как человека, не соответствующего образу настоящего британца:

*Strickland was distinguished from most Englishmen by his **perfect indifference to comfort**; it did not irk him to live always in one **shabby room**; he had no need to be surrounded by **beautiful things**. (Maugham, 2005, c. 94)*

*He did not want arm-chairs to sit in; he really felt more at his ease on **a kitchen chair**. <...> I never knew a man so **entirely indifferent to his surroundings**. (Maugham, 2005, c. 114)*

Образ художника создается «от обратного»: читатель узнает о поведении, вкусе и привычках Стрикленда через описание того, что для него нехарактерно. Среди соотечественников главного героя выделяет абсолютное безразличие к комфорту и материальной красоте. В приведенных примерах особое внимание автор уделяет описанию обыденного, намеренно подчеркивая непримечательность обстановки. Здесь изобразительность достигается за счет использования предметной лексики. Высказывания отличаются ясностью и точным подбором слов. Своеобразным символом добровольного аскетизма Стрикленда становится стул: на протяжении всего повествования рассказчик несколько раз возвращается к привычке художника всегда садиться на обычный табурет вместо удобного кресла. Таким образом, с помощью этих приемов также актуализируется тема исключительности и отчужденности, так как главный герой оказывается противопоставлен миру, в котором он находится.

Интересно, что контраст в изображении Стрикленда проявляется не только в противопоставлении его окружающим, но и в описании внутреннего конфликта:

*He was eternally a **pilgrim**, haunted by a **divine nostalgia**, and the demon within him was **ruthless**. (Maugham, 2005, c. 202)*

Автор сравнивает героя с паломником, которого преследует «божественная ностальгия». Однако у его странствий нет «священной цели», и за возвышенным образом скрывается «жестокий демон». Контраст «внутри образа» поддерживается с помощью эпитетов и контекстуальной оппозиции (*pilgrim — demon, divine — ruthless* и т. д.).

Особый интерес представляют художественные средства, с помощью которых автор обращается к теме прошлого. В основе его изображения также находится прием контраста:

The younger generation, conscious of strength and tumultuous, have done with knocking at the door; they have burst in and seated themselves in our seats. The air is noisy with their shouts. Of their elders some, by imitating the antics of youth, strive to persuade themselves that their day is not yet over; <...> they are like poor wantons attempting with pencil, paint and powder, with shrill gaiety, to recover the illusion of their spring. <...> The pendulum swings backwards and forwards. The circle is ever travelled anew. (Maugham, 2005, c. 36)

В приведенном отрывке автор обращается к классическому противопоставлению старого и нового поколений. На лексическом уровне оно снова проявляется через ряд оппозиций: *youth — elders, us — they*. Благодаря этому в воображении читателя создается контрастный образ, соединяющий противоположные стороны спектра. Метафорически описано, как на место одного поколения приходит другое. Читатель слышит, как молодые писатели врываются (*burst in*) с шумом (*shouts*) и без стука (*have done with knocking*). Яркий образ поддерживается благодаря лексике, связанной с первичными, «корневыми» чувствами человека. К старшему поколению автор относится с нескрываемой иронией, которая проявляется в сравнении с «несчастливыми распутницами» (*like poor wantons*). Старикам остается подражать былой молодости, которая метафорически представлена в образе весны как периода расцвета жизненных сил.

Наконец, экспрессивность высказыванию придает звуковая аллитерация согласного звука [p] при перечислении арсенала омоложения (*pencil, paint and powder*). В последнем предложении эпизода возникает хорошо известный образ маятника — *pendulum*, символизирующий время и движение по кругу. Таким образом, изображается естественность и повторяемость процесса смены поколений. Такое авторское осмысление времени позволяет проследить динамику даже в рамках одного произведения, так как намеренно подчеркивается связь прошлого с настоящим.

Одним из наиболее выразительных приемов, с помощью которого описываются внешность и манера поведения героя, а также транслируются основные темы произведения, является ирония. Посредством иронии лучше всего отражается субъективное отношение автора, а также усиливается экспрессивность повествования. Прежде всего авторской иронии подвергается светское общество:

*It was the kind of party which makes you wonder why the hostess **has troubled to bid** her guests, and why the guests **have troubled to come**. They met **with indifference**, and would part **with relief**. <...> *The Stricklands “owed” dinners to a number of persons.* (Maugham, 2005, с. 44)*

Использованные в переносном смысле глаголы *bid* и *owned* метафорически описывают взаимоотношения хозяев и гостей; в основе этих отношений лежит не столько дружеская привязанность, сколько вынужденная условность. Их встреча — часть рыночных отношений, а любезности — условная валюта. Параллельная конструкция и лексический повтор *have troubled* способствуют созданию комического эффекта, который также поддерживают контекстные сино-

нимы *indifference* и *relief*. Так автор создает карикатурный образ светского общества, в качестве его отличительной черты демонстрируя искусственность и наигранность.

В построении смыслов романа Моэма прежде всего следует отметить особенности его членения. В делении художественного текста соблюдается принцип равномерности с учетом параметра объема. Роман состоит из 58 глав, каждая из которых представляет собой законченную мысль, а их построение и объем (протяженность) способствуют лучшему восприятию и служат поддержанию ясности текста на уровне его структуры.

Авторская речь отличается особой изобразительностью в завязке, когда впервые появляются герои романа и дается описание месту действия. Основной задачей автора на этом этапе является привлечение внимания читателя, поэтому в тексте присутствует большое количество образных средств. Интересно, что в романе такой подход наиболее характерен для описания второстепенных персонажей, в то время как при первой встрече с главными героями писатель намеренно подчеркивает их обыденность.

В повествовании прослеживается определенная последовательность: сначала дается описание окружающего пространства или внешности персонажа, в котором уже заложена субъективная оценка автора, и только после этого герой обретает голос и получает собственную речевую характеристику. К середине романа превалирующей формой повествования становится диалог. Разговорная речь отличается заметно меньшей выразительностью. Персонажи общаются простыми предложениями, возникает большое количество эллиптических конструкций. В главах, построенных на диалоге, быстрее развивается действие романа. Чем быстрее происходит развитие сюжета, тем меньше средств

речевой образности используется в тексте. Таким образом, событийность здесь превалирует над изобразительностью.

Для продолжения исследования был взят роман Ивли-на Во «Возвращение в Брайдсхед». В отличие от Сомерсета Моэма, который стремился восстановить историю Чарльза Стрикленда в хронологическом развитии с сохранением точности фактов, изображение прошлого у И. Во носит характер переосмысления. В то время как У.С. Моэм рассуждает над возможными сценариями развития событий и альтернативными способами изображения героев, рассказчик И. Во больше размышляет о значении случившегося в своей жизни и его влиянии на настоящее. Память для него становится способом познания себя и диалогом с самим собой, а не просто рассказом о случившемся.

*My theme is memory, that **winged host** that soared about me one grey morning of wartime. These **memories, which are my life** — for we possess **nothing certainly** except the past — were always with me. (Waugh, 2012, c. 215)*

В репрезентации темы памяти наиболее выразительны сравнительные конструкции и метафоры. Память для рассказчика — крылатое существо, неожиданно захватившее его во время войны. В то же время воспоминания — это и есть сама жизнь. В каком-то смысле герой видит прошлое чем-то материальным, что выражается в употреблении глагола *possess* в значении «иметь что-то, чем-то обладать». Наличие разных образов выражает не только субъективную оценку рассказчика, в том числе в них отражаются поиски подходящего определения для собственных воспоминаний.

В ответ на необходимость дать более широкую картину прошлого рождается образ Молодой Англии и противо-

поставление разных поколений, подобное тому, что мы видели в тексте У.С. Моэма:

*In the weeks that we were together **Hooper became a symbol me of Young England**, so that whenever I read some public utterance proclaiming what **Youth demanded** in the Future and what **the world owed to Youth**, I would test these general statements by substituting 'Hooper' and seeing if they still seemed as plausible. Thus in the dark hour before reveille I sometimes pondered: '**Hooper Rallies**', '**Hooper Hostels**', '**International Hooper Cooperation**', and '**the Religion of Hooper**'. He was **the acid test** of all these alloys. (Waugh, 2012, с. 15)*

Разница в мировоззрении устанавливается за счет приема контраста, так как сам повествователь противопоставляет себя представителям новой Англии. Их он показывает через описание офицера Хупера, попавшего в армию против своей воли. Этот персонаж отличается от рассказчика поведением, привычками, воспитанием и образованием. В образе Хупера посредством синекдохи И. Во создает портрет всего юного поколения. Он также сравнивает офицера Хупера с «кислотной пробой» (*acid test*) для всего, что связано с новым поколением: «Общежития для Хупера», «Солидарность Хуперов во всем мире», «Хупер и религия».

Помимо темы прошлого, в романе осмысливается тема английскости, воплотившаяся в представителях класса аристократии. Примечательно, что основные черты английскости определяет Энтони Бланш, который сам не является англичанином по этнической принадлежности. Так создается контраст восприятия: автор показывает образ англичанина чужими глазами.

It was charm again, my dear, simple, creamy English charm, playing tigers <...> Charm is the great English blight. It does not exist outside these damp islands. It spots and kills anything it touches. (Waugh, 2012, c. 260)

В качестве отличительной черты герой выделяет «английское обаяние», дополняя характеристику таким эпитетом, как *creamy* («сливочный»). Неоднозначность обаяния с «тигровой шкурой» проявляется в метафоре *playing tigers*. Под внешним дружелюбием подразумевается английское высокомерие и сдержанность в проявлении чувств, которые герой в дальнейшем сравнивает с понятием *blight*. Согласно Оксфордскому словарю, *blight* обозначает «что-то, что оказывает очень плохое влияние, часто в течение длительного времени». Таким образом саркастически подчеркивается фальшивость в характере англичан, которая, по замечанию героя, нередко вредит им самим.

It seemed to me that there was something a little gentlemanly about your painting. You must remember I am not English; I cannot understand this keen zest to be wellbred. English snobbery is more macabre to me even than English morals. (Waugh, 2012, c. 258–259)

Картины английского художника также отражают национальные особенности. Так, в определении *gentlemanly* сочетается набор характеристик, в число которых входит вежливость, образованность и воспитание. С помощью сарказма выделено стремление англичан демонстрировать хорошие манеры (*wellbred*), что особенно характерно для представителей аристократического класса. Наконец, в ка-

честве обобщенной характеристики упоминаются «английский снобизм» и «английские нравы».

Описание английского характера также содержится в авторской речи. Следует отметить, что, как и У.С. Моэм, Ивлин Во довольно часто обращается к приему иронии в создании образа типичного англичанина:

There were half a dozen of these friends in the Tapestry Hall: politicians; “young Conservatives” in the early forties, with sparse hair and high blood-pressure; ... (Waugh, 2012, с. 261)

Автор создает ироничный образ общества в доме Джулии Моттрем, называя сидящих сорокалетних политиков «молодыми консерваторами». Упоминание партии также можно рассматривать как характерный маркер временного периода, предшествовавшего началу войны. Усилению комического эффекта и повышению экспрессивности способствует зевгма «с залысиной и гипертонией» (*with sparse hair and high blood-pressure*), где в качестве однородных определений используются понятия из разных сфер.

В контексте нашего исследования особый интерес представляет композиция текста Ивлины Во. Роман делится на следующие структурные элементы: пролог, эпилог и три книги, каждая из которых, в свою очередь, состоит из отдельных глав. Следует отметить, что каждая из перечисленных частей романа имеет отдельное название.

Так, пролог и эпилог отмечены заголовком *Brideshead Revisited*, что можно рассматривать как наглядный пример кольцевой композиции. Повседневный быт армии в завязке и заключении романа образуют повествовательную рамку и отмечают точку настоящего на временной шкале. Также

в прологе обозначается художественная значимость поместья Брайдсхед для дальнейшего повествования.

Название первой книги представляет собой латинское крылатое выражение *Et in Arcadia ego*. В нем содержится аллюзия на одноименную картину французского художника Николя Пуссена «Аркадские пастухи». В образе Аркадии воплощен рай, где гармонично сосуществуют человек и природа. В то же время на полотне изображен череп, символизирующий смерть. Таким образом художник переосмысляет значение латинской фразы «И в Аркадии я есть», указывая на то, что даже в райском месте жизнь не может длиться вечно. Благодаря включению такого сильного образа в заголовок Ивлин Во заранее формирует у читателя представление о сюжете. В этой книге происходит знакомство с героями романа и создается образ поместья Брайдсхед.

Название второй книги *Brideshead Deserted* образует интересную симметричную конструкцию вместе с вступительной и заключительной частями романа. Снова появляется топоним Brideshead, что служит еще одним композиционным указателем на центральное положение усадьбы в произведении. Под опустошением (*deserted*) понимается отъезд главного героя и прерывание отношений с семьей Марчмейн, также начавшийся разлад в отношениях внутри семьи.

Наконец, в названии заключительной третьей книги содержится фраза *A Twitch Upon the Thread*. Сочетание взято из рассказов Г.К. Честертон об отце Брауне и впервые появляется в романе И. Во к концу первой книги. Тогда Корделия объясняла главному герою, что членов ее семьи нельзя назвать образцовыми католиками, так как ее отец, брат Себастьян и сестра Джулия оставили веру. Вынесение фразы в заголовок третьей книги предвосхищает развязку религиозной линии романа. Таким образом, особенность автор-

ского стиля отражается в обращении к аллюзиям на уровне организации текста.

В дальнейшем членении текста на главы проявляется особый способ проекции авторской мысли, так как в качестве подзаголовка коротко описаны основные события. Например:

I meet Sebastian Flyte — and Anthony Blanche — I visit Brideshead for the first Time (Waugh, 2012, c. 77)
Lord Marchmain at home — death in the Chinese drawing-room — the purpose revealed Time (Waugh, 2012, c. 296)

Примечательно, что в названии автор восстанавливает хронологическую последовательность событий, хотя нарратив нельзя назвать последовательным. Таким образом, композиция становится важным элементом в раскрытии темы памяти. С одной стороны, технически ход событий понятен из заголовка, с другой стороны, большее значение имеет ретроспективный способ изображения.

На заключительном этапе исследования мы обратились к постмодернистскому тексту Дж. Барнса, в котором прослеживается подход к национальной истории как к человеческой памяти, что позволяет героям произведения интерпретировать исторические события в более выгодной форме для достижения коммерческого успеха. Например:

*You — we — England — my client — is — are — a nation of great age, great history, great accumulated wisdom. Social and cultural history — stacks of it, reams of it — eminently marketable, never more so than in the current climate. <...> If I may coin, no, **copyright, a phrase**: We are already what others may hope to become. This isn't self-pity,*

this is the strength of our position, our glory, our product placement. We are the new pioneers. We must sell our past to other nations as their future! (Barnes, 2000, с. 45)

В речи Джерри Бэтсона проявляется коммерческий подход к прошлому, что можно рассматривать как характерную особенность эпохи. Для людей нового времени история — такой же объект торговли. Об этом свидетельствует лексика из области маркетинга: *client, copyright, marketable, product placement, sell* и т.д. Наглядным подтверждением также служит появление рекламного слогана *We are already what others may hope to become* («вы движетесь, а мы уже пришли»). Наконец, в речи героя встречаются лексические повторы: *great, our*. Во-первых, с их помощью строится градация, составляющие которой расположены в порядке возрастающей смысловой значимости, где главный акцент приходится на последний элемент (*accumulated wisdom, product placement*). Во-вторых, они способствуют усилению экспрессивности и привлекают внимание читателя, что и является основной функцией рекламного текста. Таким образом, автор расширяет систему образных средств с помощью включения элементов, характерных для разных функциональных стилей речи.

В изображении исторического прошлого Дж. Барнс так же, как и писатели, рассмотренные выше, обращается к сопоставлению прошлого и настоящего. Однако, в отличие от И. Во и У. С. Моэма, прошлое и настоящее не столько противопоставляются, сколько отождествляются: «я» — «мы» — «Англия» — «великая история» — «накопленная мудрость». Кроме того, размышления направлены не только на осмысление своего прошлого, но и на будущее развитие. Так проявляется влияние постмодернист-

ской модели мышления, которая привносит новые параметры, предлагая возможные сценарии для интерпретации будущего.

Наиболее наглядно тема подлинности отразилась в центральном образе романа — проекте уникального парка на острове Уайт. Его идейной основой является воплощение старой доброй Англии. Однако важным становится не то, что Англия из себя представляет на самом деле, а то, что о ней думают. Джулиан Барнс доводит до предела способ определения английскости, предлагая читателю список стереотипных ассоциаций:

1. *ROYAL FAMILY*
2. *BIG BEN/HOUSES OF PARLIAMENT*
3. *MANCHESTER UNITED FOOTBALL CLUB*
4. *CLASS SYSTEM*
5. *PUBS*
6. *A ROBIN IN THE SNOW*
7. *ROBIN HOOD AND HIS MERRIE MEN*
8. *CRICKET*
9. *WHITE CLIFFS OF DOVER*
10. *IMPERIALISM*

<...>

(*Barnes, 2000, с. 86–87*)

Перечисленные позиции объединяют особенности английских традиций, культуры и быта. Здесь образность достигается за счет употребления лексики, насыщенной национально-культурной семантикой. Приведенный список черт национальной идентичности можно разделить на несколько категорий.

К историческим и общественно-политическим реалиям относятся имена знаменитых политиков и правителей, а также названия некоторых ключевых событий в истории

Британии (*Royal Family, Winston Churchill, Battle Of Britain*). Образ культурного наследия Англии передан через упоминания о Шекспире, Робин Гуде и «Алисе в стране чудес». Привычки англичан воплощены в пунктах «чаепитие», «завтрак» и «садоводство». Наконец, перечисление топонимов (*White Cliffs Of Dover*) и других объектов окружающей действительности (*Stonehenge, Big Ben/Houses of Parliament, London taxis*) создает представление о среде, в которой живут англичане. Несмотря на формальное отсутствие образных средств, наличие «списочного» элемента текста придает произведению особую выразительность. Таким образом, динамика в использовании художественных средств проявляется в расширении способов создания образности: в её системе появляются элементы, присутствие которых еще недавно не рассматривалось возможным в рамках данного функционального стиля.

Тем не менее, изображение английскости не ограничивается данными общественного опроса; оно также осмысливается отдельными героями:

*It's really, how do we advertise the English? Come and meet representatives of a people widely perceived, even according to our own survey, as **cold, snobbish, emotionally retarded, and xenophobic**. As well as **perfidious and hypocritical**, of course. (Barnes, 2000, c. 108)*

Сарказм отражается в перечислении стереотипных характеристик англичан, где сдержанность в проявлении чувств и эмоций именуется «эмоциональной отсталостью» (*emotionally retarded*) и холодностью, а патриотизм граничит с ксенофобией. Очевидно, что Марта не согласна с перечисленным набором качеств, но намеренно

акцентирует внимание на негативных характеристиках. В то же время описанный эпизод можно рассматривать и как пример английского чувства юмора, также дополняющий изображение национального характера.

Обратим внимание на особенности композиции постмодернистского текста Джулиана Барнса. Роман состоит из трех частей, отличающихся друг от друга по объему и стилю написания. В первой части описана история детства главной героини Марты Кокрейн. Символично, что именно в части под заголовком *England* автор вводит в повествование образ паззлов, которые Марта собирала в детстве. В контексте романа паззл «Графства Англии» можно считать символом английской идентичности:

...there was Kent pointing its finger or its nose out at the Continent in warning — careful, foreigners over there; Oxfordshire playing spoons with Buckinghamshire and squashing Berkshire flat; Nottinghamshire and Derbyshire like side-by-side carrots or pine-cones... (Barnes, 2000, c. 13)

Автор намеренно привлекает внимание читателя к детской игре при помощи средств, усиливающих образность. Так, посредством олицетворения Кент обретает палец и нос, направленные в сторону континента (*pointing its finger or its nose*); графства Бакингемшир и Оксфордшир «играют ложками» (*playing spoons*). Метафорически описано положение Беркшира, который скоро «раздавят» (*squash*) соседние графства. Наконец, Ноттингемшир и Дербшир благодаря внешнему сходству напрямую сравниваются с морковками и сосновыми шишками (*like side-by-side carrots or pine-cones*).

В приведенном выше описании есть стилистически значимая особенность: набор сравнительных образов иллюстрирует восприятие игры маленькой девочкой. Таким образом, благодаря подбору соответствующих образных средств автор вводит в повествование элементы несобственно-прямой речи. В результате создается двуплановость высказывания, в котором через рассказчика транслируются мысли и чувства персонажей. К такому способу повествования рассказчик, не являющийся непосредственным участником описываемых событий, обращается на протяжении всего романа.

Вторая и самая большая по объему часть, в которой разворачиваются основные события романа, делится еще на три главы: создание проекта и строительство парка на острове Уайт, открытие развлекательного центра и смена руководства острова с последующей отставкой Марты. Прежде всего, стоит отметить название второй части *England, England*:

*Once upon a time this used to be the Isle of Wight, but its current inhabitants prefer a simpler and grander title: they call it **The Island**. Its official address since **declaring independence** two years ago is typical of Sir Jack Pitman's **roguish, buccaneering style**. He named it **England, England**. Cue for song. (Barnes, 2000, c. 174)*

В первую очередь, выразительность создается на грамматическом уровне. Официально провозглашенная независимость острова Уайт проявляется в употреблении определенного артикля *The Island*, указывающего на его исключительность. Отныне название острова представляет собой его официальный адрес, который и вынесен в заголовок:

административная область — Англия, страна — Англия. Решение закрепить за островом именно такое название иронично названо хулиганским и бесшабашным с помощью эпитетов *roguish* и *buccaneering*. Наконец, важной интертекстуальной отсылкой, характерной для постмодернизма, является последняя строчка: *Cue for song*. При этом конкретное указание или название песни отсутствует, но знающий читатель может реконструировать его по аналогии с названием острова. Отсылка на текст популярной в США патриотической песни *America, America* присутствует в тексте имплицитно.

Наконец, в заключительной части романа *Anglia* описано возвращение Марты с острова Уайт в старую Англию. Однако за несколько лет существования искусственного государства на острове геополитическое положение настоящей Англии в мире существенно изменилось:

The old administrative division into counties was terminated, and new provinces were created, based upon the kingdoms of the Anglo-Saxon heptarchy. Finally, the country declared its separateness from the rest of the globe and from the Third Millennium by changing its name to Anglia. The world began to forget that 'England' had ever meant anything except England, England, a false memory which the Island worked to reinforce; while those who remained in Anglia began to forget about the world beyond. (Barnes, 2000, c. 244)

Здесь автор снова прибегает к образу паззлов «графства Англии», описанному в первой части романа. В изменении административно-территориального деления страны отражаются принципы игры, в которую Марта играла в дет-

стве. Через изображение старой Англии писатель подводит итог всех тем, освещенных в произведении. Снова объединяется тема личного и исторического развития: Марта возвращается в страну, где она родилась и выросла, к своим истокам возвращается Англия (прежнее деление на англосаксонские королевства — *the kingdoms of the Anglo-Saxon heptarchy*). Историческое движение в обратную сторону прослеживается в заголовке *Anglia* как историческом названии «страны англов». Окончательно оформляется противопоставление между Англией и островом Уайт, Англией и всем миром. Таким образом, автор доводит до абсурда конфликт настоящего и фальшивого. Весь мир забывает о существовании аутентичной Англии, которая взаимно забывает о мире за её пределами.

ВЫВОДЫ

Итак, благодаря проведенному исследованию мы установили, что динамический аспект текста отображается не только при сопоставлении отдельно взятых художественных произведений, но и внутри каждого из них. Сопоставление нескольких произведений позволяет проследить влияние экстралингвистических факторов на построение системы образов. Кроме того, с течением времени и развитием новых литературных течений изменяется авторский приоритет в использовании образных средств. Наконец, изменяется модель художественного мышления, что обуславливает изменение принципов построения самой системы образных средств.

В течение XX века представителями британской культуры были подвергнуты переосмыслению темы памяти и воспоминаний. Для английского романа начала века ха-

рактарно линейное восприятие времени, в рамках которого повествование разворачивается как цепочка последовательных событий. В середине века осмысляются вопросы прошлого в контексте настоящего. Влияние Второй мировой войны проявляется в отсутствии временного пласта будущего. Наконец, к концу столетия отмечается принципиально иное осмысление времени, когда прошлое и будущее представлены как неотъемлемая часть настоящего.

Исследование показало изменение подхода в создании образа англичанина и определении понятия английскости. В репрезентации данной темы наиболее заметен переход от использования иронии к сатире, демонстрирующий размытые границы в определении национального самосознания.

Полученные в ходе исследования результаты способствуют актуализации проблемы изучения динамического аспекта в изменении системы образных средств и дополняют уже существующие исследования творчества У.С. Моэма, И. Во и Дж. Барнса как явления уникальной авторской поэтики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова, Е.Б. О содержании понятия «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике/Е.Б. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). С. 20–26.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. — 144 с. ISBN 978-5-484-00854-4.
3. Гридин, В.Н. Экспрессивность [Текст] / В.Н. Гридин // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 591.

4. Думназева, В. А. Специфика феномена «образное слово» / В. А. Думназева // Вестник РУДН. 2011. № 2. С. 31–38.
5. Зорина, Е. С. К вопросу о синтаксической структуре современного художественного текста / Е. С. Зорина // Вестник СПбГУ. 2013. № 3. С. 160–165.
6. Зотова, А. Б. К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность» / А. Б. Зотова // Известия ВГПУ. 2010. С. 14–17.
7. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. М.: Флинта, 2003. — 696 с. ISBN 5–89349–342–7.
8. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. — 562 с. ISBN 978–5–222–17060–1.
9. Рыжих, М. В. Полиmodalность — образность — иконичность / М. В. Рыжих // Вестник МГЛУ. 2016. № 19 (758). С. 103–109.
10. Хазагеров, Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — 320 с. ISBN 5–222–00561–51.
11. Barnes, J. *England, England*. / J. Barnes. L.: Vintage, 2000. — 259 с. ISBN 978–0375705502.
12. Maughan, W. S. *The Moon and Sixpence*. / W. S. Maughan. — L.: Penguin Books Ltd, 2005. — 231 с. ISBN 978 0143039341.
13. *Oxford Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 19.04.2021–05.06.2021).
14. Waugh, E. *Brideshead Revisited* / E. Waugh. N. Y.: Hachette Book Group, 2012. — 336 с. ISBN 978–0316216456.

BRIEF

IMAGERY WITHIN THE STRUCTURE
OF A LITERARY TEXT IN A DYNAMIC ASPECT
(A CASE STUDY OF THE 20th CENTURY BRITISH NOVEL)

Nikolaev S. G.,

Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Prof., Rostov-on-Don, Russia

Zagoruiko A. D.,

Master's Degree Student of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The choice of figurative means in the structure of a literary text was changing throughout the twentieth century. The nature of these changes is of particular interest, so the purpose of this study is to trace the development of the system of figurative means given the peculiarities of the author's style and historical era. This study also examines the functions of figurative means in a literary text. The ways of its segmentation are also considered.*

Key words: *figurative means; the system of imagery; figurativeness, expressiveness, emotionality and expressiveness; the dynamic development of stylistic means; the structure of a literary text.*

Грамматические особенности
современной английской
разговорной речи взрослых
и подростков (на примере романа
Лианы Мориарти «Big Little Lies»)

Моргунова М. Н.,

*доцент кафедры английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета,
кандидат филологических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Гордиенко А. А.,

*студентка 4 курса направления «Зарубежная филология»
Института филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'27

Аннотация. В статье рассматриваются общие и отличительные грамматические особенности английской разговорной речи двух возрастных групп: взрослых и подростков. Проводится сравнительный анализ видовременных форм и коммуникативных высказываний. Выявляются характерные особенности грамматического и синтаксического оформления трех основных коммуникативных видов предложений и устанавливаются основные тенденции в вербальном поведении указанных возрастных групп.

Ключевые слова: разговорная речь; коммуникативная направленность; коммуникативные интенции; косвенно-вопросительные высказывания; интеррогатив;

императив; категория вежливости; эллипсис; эксплицитность; имплицитность.

Исследование разговорной речи представляет особый интерес для лингвистов, поскольку «без знакомства с нею невозможно исследование языковой системы» [4, с. 7]. Как справедливо замечает Л. В. Щерба, изменения в языке «куются и накапливаются именно в разговорной речи» [12, с. 111].

В последние годы исследованиями разговорной речи занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты: В. В. Бузаров [1], Д. С. Виноградова [2], В. В. Елькин [5], О. А. Карпова [6], Г. Я. Солганик [11], Carter R., McCarthy M. [14], Cullen R., Kuo I. [15], Jones C. [16], Leech G. [17] и другие.

Под разговорной речью, которая является основной формой существования языка, обычно понимают устную форму диалогической речи бытового или нейтрального типа [10]. Разговорная диалогическая речь имеет ряд существенных экстралингвистических особенностей, детерминирующих собственно лингвистические характеристики. Известно, что протекает она в условиях неофициальных отношений между участниками коммуникации, которые имеют различный возрастной состав, социальный статус, образовательный уровень. Разговорная речь имеет ряд характерных черт, основными из которых являются спонтанность, неподготовленность, экспрессивность, эмоциональность. Как справедливо отмечает Е. И. Перехода, «в процессе общения собеседники не ограничиваются простой передачей информации. Каждый участник коммуникации стремится воздействовать на чувства и разум своих собеседников» [9, с. 165].

Рассматривая экспрессивность устной разговорной речи, лингвисты уделяют повышенное внимание лексике,

однако не меньший интерес представляют и грамматические особенности, поскольку именно в живой разговорной речи возникают и определяются потенциально возможные направления развития всей грамматической системы в целом.

Актуальность проведенного исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса об общих и отличительных особенностях современной разговорной речи взрослых и подростков.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании грамматических особенностей современной английской разговорной речи двух возрастных групп: взрослых и подростков. Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих **задач**:

- 1) проанализировать и сопоставить типичные видовременные формы в речи двух возрастных групп;
- 2) провести компаративный анализ высказываний с точки зрения коммуникативной направленности;
- 3) установить основные структурно-грамматические тенденции в продуцировании и оформлении высказываний выбранных возрастных групп.

Объектом исследования является разговорная речь взрослых и подростков, **предметом** исследования — грамматические и синтаксические особенности устной речи указанных возрастных групп.

В качестве эмпирического материала в статье использованы отрывки из диалогов персонажей романа современной австралийской писательницы Лианы Мориарти «Big little lies». Выбор романа продиктован тем, что это многоплановое произведение, принесшее автору мировую известность, поднимает важнейшие темы современного общества: вопросы насилия в школе и семье, воспитание детей и подростков, проблему «отцов и детей». Роман повествует о раз-

ных и сложных по характеру героинях, в которых многие женщины по всему миру смогли узнать себя. По мотивам романа в 2017 году американская компания НВО выпустила сериал, в котором приняли участие актеры первой величины. Сериал имел многочисленные профессиональные награды и положительные отзывы критиков.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования используются общенаучные и собственно лингвистические **методы и приемы**: наблюдение, описание, моделирование, количественный анализ, которые позволяют системно описать и представить предлагаемый материал.

Методом сплошной выборки было отобрано 250 предложений из диалогов взрослых персонажей и 150 предложений из речи подростков. В ходе нашего исследования было установлено, что в отношении видовременных форм у обеих возрастных групп преобладают настоящие времена, второе место по частоте использования занимают формы прошедшего времени и далее следуют формы будущего времени, что отображено на диаграммах 1 и 2.

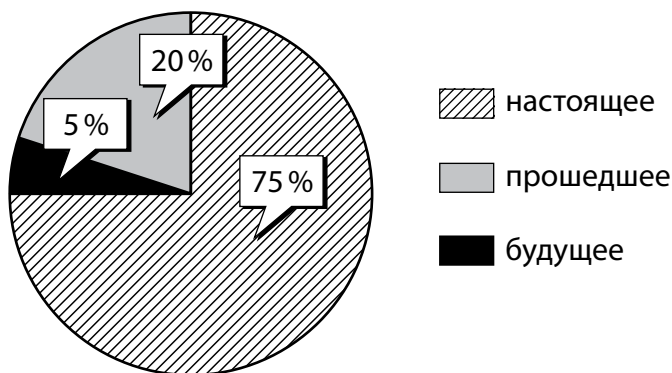

Диаграмма 1. Соотношение времен в речи взрослых

Приведем ряд примеров из речи взрослых:

You, journalists, are just loving the French-nanny angle.

That sounds like a riot, I guess it started with the mother.

We need to get some ice on it straightaway.

Who said it was a feminist issue?

She knew about ankle injuries from her netball days and she could see this woman's ankle was already beginning to swell.

You probably will make friends with Bonnie.

Далее приведем количественные данные по использованию времен в речи подростков.

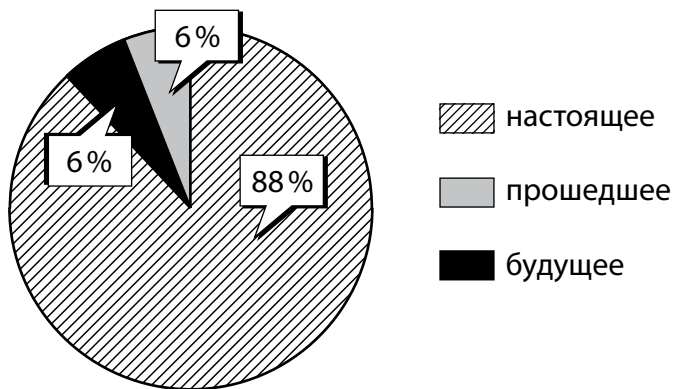

Диаграмма 2.

Соотношение времен в речи подростков

Как видим, соотношение будущих форм в речи взрослых и подростков в целом примерно одинаково, однако в речи подростков по сравнению со взрослыми отмечаем больший показатель использования настоящих времен

(на 13% больше) и меньшую распространенность прошедших времен (на 14% меньше). Данная коммуникативная особенность связана, на наш взгляд, с психологией восприятия времени у подростков. Данные специальных научных исследований свидетельствуют о том, что большинство подростков адекватно оценивают свое настоящее и проживают его полноценно. Прошлое же оценивается как мгновенное, кажущееся, «серое», неоощуцаемое. О будущем они задумываются не так часто, так как не имеют о нем достаточно четкого представления [7]. Приведем примеры из речи подростков:

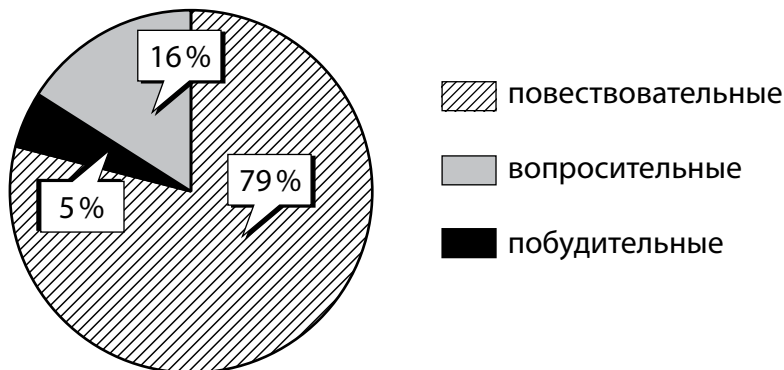
We can get out the door faster.

I thought one hundred thousand dollars was quite a big donation.

You'll say all this but then you won't really do anything.

В приведенных примерах обеих возрастных групп прослеживается общая, универсальная тенденция к использованию простых форм настоящих, прошедших и будущих времен в действительном залоге, что коррелируется с данными лингвистов о преобладании данных видовременных конструкций в разговорной английской речи [1]. Выявленная тенденция детерминирована стремлением к упрощению сложных конструкций, что характерно для живой речи.

Далее рассмотрим речь взрослых и подростков с точки зрения коммуникативной цели высказывания. В речи взрослых мы обнаружили абсолютное большинство повествовательных предложений, далее следуют просительные и побудительные высказывания. Результаты отражены ниже в диаграммах 3 и 4.

*Диаграмма 3. Коммуникативные виды высказываний
в речи взрослых*

Приведем несколько примеров из речи взрослых:

1) повествовательные:

It was all just a terrible misunderstanding.

My friend Celeste will be here soon.

We're moving here in December.

I remember one-night stands.

2) вопросительные:

Who said it was a feminist issue?

Are you going to give me a drink?

3) побудительные:

Don't tell anyone, but I think I accidentally signed it.

Let's put your stocking out now!

Наш материал доказывает, что в речи подростков повествовательные предложения также преобладают над другими коммуникативными видами, в этом отношении мы

фиксируем сходство, но выделяем следующее различие: количество вопросительных и побудительных предложений в речи подростков несколько меньше.

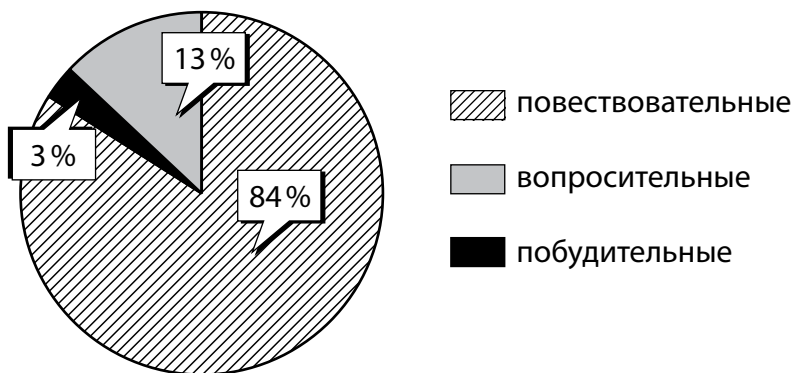

Диаграмма 4. Коммуникативные виды высказываний в речи подростков

Приведем примеры каждого коммуникативного вида из речи подростков:

1) повествовательные:

And I'm not giving Dad the password even if you torture me.

2) вопросительные:

What is your problem?

3) побудительные:

Don't make a drama of it, Mum.

Перейдем к рассмотрению структурно-грамматических особенностей трех коммуникативных типов высказываний. Для повествовательных предложений в речи взрослых наи-

более характерным явлением оказывается эллипсис глагольных форм, которое в лингвистической литературе получило название «усечение неполнозначных глаголов» [3]. Приведем примеры из текста анализируемого произведения:

I'll tell you what started it: the incident at the kindergarten orientation day.

*My wife **wasn't** involved.*

*She **doesn't** have time for that sort of thing.*

***Don't** go off with strange men you meet in bars.*

I've kept you here this long, blathering on about myself.

Деформация глагольных форм и образование усеченных вариантов, отражают, на наш взгляд, фундаментальный закон языка — стремление к экономии речевых усилий.

Интересно также отметить, что взрослые практически всегда прибегают к сокращениям глагольных форм, однако в более официальных разговорах, например, с директором школы, или же в случае необходимости акцентировать важные моменты предпочитают не прибегать к усечениям. Так, скажем, в эпизоде, когда Джейн рассказывает Мадлен о биологическом отце Зигги, она использует глаголы в полной форме, что усиливает значение отрицания и акцентирует на этом внимание читателя: “*Because Saxon Banks **was not** a very nice fellow*”, “*He **was not** a nice chap at all*”.

Для речи подростков сокращенные глагольные формы являются наиболее характерной грамматической чертой и в повествовательных, и в вопросительных высказываниях. Приведем примеры:

I think I'm going vegan.

She's a really fast runner.

Yeah, I'm going to stay there tonight because I've got that thing tomorrow and it's closer to Dad's place.

We're going to Bonnie's mother's for dinner.

I've seen her in a race with Dad at the beach, and Bonnie is, like, much younger than you, Mum.

*Why **shouldn't** she be fast?*

Далее рассмотрим еще одну грамматическую особенность, характерную для речи взрослых: эллипсис союзов *that*, *who*, *which* в сложноподчиненных предложениях:

*I know (**that**) I keep harping on about the Erotic Book Club.*

*Sweetheart, are you sure (**that**) it was this boy who hurt you?*

*I suppose (**that**) I don't know what I'd do if it were Lily in the same situation, but Ziggy seems so adorable with those big green eyes, and Lily says (**that**) he's always nice to her.*

*I know (**that**) I've been laughing and making jokes and whatever, so you probably think (**that**) I'm a heartless bitch, but it's like a defense mechanism or something.*

По нашему мнению, посредством опущения союза *that*, призванного выражать отношения подчинения, реализуется коннотация небрежности, непринужденности, раскрепощенности.

В речи подростков эллипсис союзов в сложных предложениях встречаем крайне редко, поскольку в целом речь подростков синтаксически проще, чем речь взрослых. Приведем единичные примеры эллипсиса союза *that*:

*I've decided (**that**) I want to live full-time with Dad and Bonnie.*

*I just feel (**that**) it's better for me.*

Далее рассмотрим особенности вопросительных предложений. Известно, что для разговорной речи характерным явлением оказываются «интеррогативные косвенные речевые акты» [8], специфика которых заключается в несопадении плана выражения и плана содержания. В нашем материале в речи взрослых очень часто встречаются вопросительные по пунктуационному оформлению и коммуникативной интенции говорящего предложения, но декларативные по синтаксической структуре. Приведем примеры:

*You know what I think got everyone all hot and bothered?
You're going to tell me what he said, right?
So you think I should go ahead and let her sell her virginity?
You mean a one-nightstand?
You know how you're meant to hate your wicked stepmother?*

Данные примеры можно прокомментировать, применяя теорию лингвистической вежливости П. Брауна и С. Левинсона [13]. Отсутствие эксплицитно выраженной структуры интеррогатива со строго фиксированным порядком слов и наличием служебных вспомогательных глаголов смягчает коммуникативные интенции говорящего, способствует проявлению вежливости, сдержанности и определенной дипломатичности по отношению к собеседнику.

Для речи подростков характерна противоположная тенденция: эксплицитно выраженные вопросительные предложения с типичной синтаксической моделью. Приведем примеры:

*What is your problem?
Why should you and Dad get to choose who gets the next turn of me?*

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о большей степени категоричности и прямолинейности в вербальном поведении подростков.

Для вопросительных предложений в речи взрослых персонажей самым характерным явлением оказывается эллипсис подлежащего и/или части сказуемого:

(Are you) Missing him already?

(Have you) Ever tried this?

(Have you) Got anything to celebrate?

(Do you) Want a tip?

Опущение личного местоимения и вспомогательного глагола можно объяснить определенными стилистическими целями — необходимостью сделать повествование более динамичным. Кроме этого, предложения с нулевыми местоимениями имеют стилистические оттенки интимности, небрежности, неофициальности, что также характерно для живой разговорной речи.

Интересен тот факт, что в разговорной речи подростков случаи опущения подлежащих или сказуемых представлены крайне редко:

You know what, Mum?

Далее рассмотрим особенности императивных конструкций. В побудительных предложениях взрослых персонажей мы фиксируем явление, аналогичное в рассмотренных выше интеррогативах, а именно косвенные высказывания, когда план выражения соответствует вопросу или утверждению, а план содержания — императиву. Приведем примеры:

Promise me you won't make friends with her, will you?

Why don't you just say you split up with the father?

Could you say sorry to Amabella, please?

Let's put your stocking out now!

В приведенных примерах имплицитность императива реализуется за счет использования разделительного вопроса (will you?), отрицательного вопроса (why don't you), эксплицитно выраженного вопроса с вежливым словом "please", вежливой формы императива (let's).

Эксплицитно выраженные императивы с типичной формальной структурой встречаются в речи взрослых редко, что также свидетельствует об общей тенденции к смягчению категоричности коммуникации:

Mind your own beeswax.
Kill the damned thing!

В речи подростков, напротив, преобладают императивы с четко выраженной эксплицитной моделью:

Stop it, Mum!
Do what you've got to do, Mum.
Don't make a drama of it, Mum.

Подведем итоги проведенного исследования, которое позволило выявить не только специфические особенности английской разговорной речи в целом, но и возрастные отличия. В области использования видовременных форм мы обнаружили общие сходства в речи взрослых и подростков, заключающиеся в тенденции к упрощению и языковой экономии. Кроме этого, были выявлены отличительные черты в использовании настоящих и прошедших времен, что обусловлено перцептивными особенностями категории времени у подростков. С точки зрения коммуникативной направленности высказываний мы обнаружили преобладание повествовательных предложений в обеих возрастных группах, в то же время

наш материал показал существенные различия в структурно-грамматическом оформлении высказываний. Декларативные предложения в речи взрослых характеризуются более сложной синтаксической конструкцией, подростки проявляют тенденцию к использованию простых предложений. Явные отличия обнаружены нами в оформлении вопросительных и побудительных предложений. Для речи взрослых характерно использование косвенных высказываний, имплицитно выражающих коммуникативные интенции и повышающих общий уровень вербальной культуры, в то время как в вопросах и императивах подростков обнаруживается большая степень категоричности и директивности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузаров В. В. *Основы синтаксиса английской разговорной речи* / В. В. Бузаров. М.: Кронпресс, 2008. 365 с. ISBN 5-232-00708-4.
2. Виноградова Д. С. *Разговорная грамматика английского языка: особенности* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11–3 (77) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgovornaya-grammatika-angliyskogoyazyka-osobennosti> (дата обращения: 09.10.2021).
3. Гоксадзе Л. С. *Об усечении неполнозначных глаголов в разговорном английском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.02.04 / Гоксадзе Лили Сергеевна*; Тбилиси, 1964. 42 с.
4. Девкин В. Д. *Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика* / В. Д. Девкин. М.: Междунар. отношения, 1979. 254 с.
5. Елькин В. В. *Диалогическая речь — основная сфера реализации языковой экономии: автореф. дис. на соиск. учен.*

- стен. канд. филол. наук: 10.02.04 / Елькин Владимир Витальевич; Пятигорск, 2001. 41 с.
6. Карпова О. А. *Разговорная речь и её особенности* // РусЛитература [Электронный ресурс]. URL: <https://rusliteratura.jimdo.com/русский-язык/теория/разговорная-речь-и-её-особенности-основные-жанры-разговорной-речи/> (дата обращения: 13.09.2021).
 7. Кожурова О. А. Особенности оценки переживания времени подростками // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2010. №1(7). С. 31–38.
 8. Кожухова И. В. Категория вежливости: косвенно-вопросительные высказывания / И. В. Кожухова. Челябинск, Изд-во Челябинского ун-та, 2020. 121 с. ISBN 978-5-7271-1665-4.
 9. Перехода Е. И. *Стилистический потенциал грамматических форм в разговорной речи (на материале современного английского языка)* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 164–174.
 10. Сиротинина О. Б. *Разговорная речь (определения, понятия, основные проблемы)* // Вопросы социальной лингвистики. — С. 371–391.
 11. Солганик Г. Я. *Стилистика текста* / Г. Я. Солганик. М.: Флинта; Наука, 2013. 252 с. ISBN 5-89349-008-8; 5-7396-0012-x.
 12. Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку* / Л. В. Щерба. М., 1957. — 188 с.
 13. Brown P., Levinson S. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge, 1987. 345 p.
 14. Carter R., McCarthy M. *Spoken grammar: what is it and how can we teach it?* In: *ELT journal*. 1995. Vol. 49 (3). Pp. 207–218.

15. Cullen R., Kuo I. *Spoken grammar and ELT course materials: A missing link?* // *TESOL Quarterly*. 2007. Vol. 41 (2). Pp. 361–386.
16. Jones C., Carter R. *Teaching spoken discourse markers explicitly: A comparison of III and PPP*. In: *Journal of English studies*. 2014. Vol. 14, № 1. Pp. 37–54.
17. Leech G. *Grammars of spoken English: new outcomes of corpus-oriented research*. In: *Language Learning*. 2000. Vol. 50 (4). Pp. 675–724.
18. Moriarty L. *Big little lies*. Penguin Books. 2017. 482 p.

BRIEF

GRAMMATICAL FEATURES OF MODERN ENGLISH
COLLOQUIAL SPEECH OF ADULTS AND ADOLESCENTS
(based on the novel “Big Little Lies” by Liana Moriarty)

Morgunova M. N.,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of English Philology, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Gordienko A. A.,

*4th-year student, Foreign Philology department,
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *The article discusses the general and distinctive grammatical features of English colloquial speech in two age groups: adults and adolescents.*

A comparative analysis of the use of aspect-tense forms and communicative utterances is carried out. The study reveals characteristic features of the grammatical and syntactic patterns of the three main communicative types of sentences and investigates the main trends in the verbal behavior of the selected age groups.

Key words: *talk show; colloquial speech; communicative type; communicative intentions; indirect interrogative statements; interrogative; imperative; category of politeness; ellipsis; explicitness; implicitness.*

Proper Names in Modern Business
English Vocabulary
(имена собственные
в современной деловой лексике
английского языка)

Моргунова М. Н.,

доцент кафедры английской филологии

*Института филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета,
кандидат филологических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'27

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и стилистические особенности собственных имен (номенов) в лексике сферы бизнеса современного английского языка. Предлагается семантическая классификация имен на основе номинативных особенностей. Выявляются основные характеристики в плане содержания и выражения, устанавливаются регулярные деривационные модели в пределах выделенных семантических групп. В статье также описываются основные экстралингвистические особенности сферы бизнеса, детерминирующие стилистическую стратификацию исследуемого лексического пласта.

Ключевые слова: номены; номенклатура; имена собственные; эргонимы; план выражения; план содержания; словообразование; полилексемные номинации; эксплицитные наименования; имплицитные наименования; номинативные имена; неноминативные имена.

Proper names are considered to be a special layer within specialist vocabulary. This stratum, which is called nomenclature, claiming to be different from terminology, was first identified at the beginning of the last century by the outstanding Russian linguist G. O. Vinokur [3] and was later developed by A. A. Reformatsky, who succinctly and concisely formulated the main difference between the term and the nomenclature: “Terminology, first of all, is connected with the system of concepts of this science, while the nomenclature only labels its objects” [7, s. 52]. It follows that nomenclature is incalculable and strictly nominative.

Later, the nomenclature goes beyond the boundaries of terminology and becomes an object of independent study in linguistics [8]. There are a number of studies devoted to nomenclature names of various scientific and professional areas [1; 2; 4; 5; 9].

Modern business English vocabulary provides a rich material for studying nomenclature. Such study is absolutely significant for linguists since research into the general and distinctive features of nomenclature has been quite insufficient. The results of the study are both of theoretical and practical value as they can provide linguists with some practical requirements for the standardization of nomenclature and suggest guidelines for distinguishing it from terminology.

The purpose of this article is to study the semantic and stylistic qualities of proper names (nomenclature) in modern business English vocabulary. The particular assignments in this research include:

- 1) analysis of semantic and nominative features of proper names;
- 2) classification of proper names based on their semantic, nominative and stylistic properties;

3) analysis of typical word derivation patterns.

The object of the study is proper names in modern business English vocabulary; the subject of the study is their semantic and stylistic properties. The methodology of this research includes observation, description, modeling, semantic analysis, which allow a systematic description and presentation of the linguistic material.

The semantic analysis of commercial names (nomens) reveals the three main semantic groups:

1) names of agreements, regulations, legislative acts governing the commercial activities of the relevant institutions and organizations;

2) names of banks, commercial organizations, associations, federations, corporations, firms and shops (ergonyms);

3) commercial names of manufactured goods and services offered for sale.

Commercial nomens of the first and second groups have entries in the main lexicographic issues focusing on various business areas. The material for our research was selected from “Longman Business English Dictionary” [10] and Adbrands.net reference portal. The names of goods and services were elicited by a continuous sampling method from “Longman Dictionary of English Language and Culture” [11], advertising catalogs and brochures in printed/online media, “Market Leader” course book texts [12; 13].

We shall address the first group of nominations represented by the names of agreements, regulatory rules and legislative acts administering commercial activity. With regard to derivation, we noted the prevalence of multicomponent names:

*Code of Banking Practice
Internal Revenue Code*

Land Charges Register
European Monetary Agreement
Intra-European Payments Agreement
the Law on Trade Descriptions.

It is absolutely natural that the predominance of polylexemic nominations causes in most cases the formation of initial analogues — acronyms:

Generally Accepted Accounting Principles (GAAP)
Economic Recovery Tax Act (ERTA)
Employee Stock Ownership Plan (ESOP).

The semantics of the nomenclature names of this group is based on two main nominative features:

1) the indication of the document content (*Employment Assistance Program, Central Government Borrowing Requirement, Employee Retirement Income Security, Economic Stabilization Act, General Arrangements to Borrow, etc.*);

2) the indication of the place where the document was signed (*the Hague Rules, Lome Convention, the Maastricht Treaty, etc.*).

The syntactically complex structure of nomens is brought about by the intention to create structurally motivated names. For example, the proper name “*Lome Convention*” (an agreement between the EU countries and some of the poorer countries of Africa, the Caribbean and the Pacific, made in 1975 at Lome) reveals the particular characteristics of the object (content, specific parties to the agreement, time and place of signing the agreement), i. e. it has a direct reference to the object. This close connection of the nomen with the named object, the concreteness and the reflection of its individual qualities suggest that the nomen reflects the nominative-denotative aspect of semantics.

Next, we shall consider the second group of names — ergonyms, which can be further divided into two subgroups, based on their expression and content qualities. The first subgroup includes the names of banks, corporations, associations and federations, represented mostly by verbose structures:

European Bank for Reconstruction and Development (EBRD)
Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC)

Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC)

American Federation of Labor and Confederation of Industrial Organizations (AFLCIO)

American Institute of Certified Public Accountants (AICPA)

European Free Trade Association (EFTA)

International Chamber of Commerce (ICC).

Due to the expanded, multi-component structure, a semantically broad nomination is created, reflecting its unique essential characteristics. Consider the following names, for example: *Department of Trade and Industry (DTI)*, *Commodity Futures Trading Commission (CFTC)*, *Government National Mortgage Association (GNMA)*, *London School of Economics (LSE)*, etc. All these nominations give a clear idea of the functional purpose and nature of the activities performed by the organizations. Apart from functional some such names can also incur locative component: **London** *Metal Exchange (LME)*, **European** *Central Bank (ECB)*, **American** *Accounting Association (AAA)*.

The second subgroup of ergonyms is represented by the names of firms, companies, stores that produce/sell consumer goods and services. These commercial nomens are distinguished by a simple, reduced external form. Here are examples: *Coca-Cola*, *Pepsi*, *Microsoft*, *General Electric*, *British Petroleum*, *Harrods*,

Wal-Mart, Motorola, Malpas, Ilford, etc. Most of the examples from this subgroup are brand names by which we understand “any name of a product, company or service that is widely known and evokes positive associations” [6, s. 1].

The underlying nomination principle enables the following classification:

1) names which reflect the purpose of commercial activities (*Direct Line Insurance, Dell computers, General Electric, British Petroleum, Microsoft, British Airways*, etc.);

2) family names which reveal the founder of the company (*Mc Donald's, Dunlop, Ford, Singer, Ralph Lauren*, etc.);

3) names with “oblique”, “vague” motivation caused by shortened abbreviated presentation (*IBM<International Business Machines, AT&T<American Telephone and Telegraph, BP<British Petroleum*, etc.);

4) idiomatic names with lost motivation (*Pepsi, Motorola, Kodak, Harrods, Walmart, Malpas*).

A distinctive feature of the last subgroup is a pronounced tendency to brightness, catchiness and eccentricity (*Timberland*: “forest country” – clothing and shoes for harsh climates; *Reebok* — sportswear and equipment; *Virgin*: “maiden” — aviation services, railway, financial services). The purpose of such names is, first and foremost, to advertise the product and captivate the potential customer.

Numerous brands are family names that cite the inventor: *Biro* (ballpoint pens), *Hoover* (vacuum cleaners), *Gillette* (shaving products), *Kellog* (dry breakfast), *Singer* (sewing machines), *Pilkington* (sheet glass), *Ford* (cars), etc. These nomenclature nominations can be called proper names only from diachronic viewpoint; in the synchronic plane they have ceased to be proper names, since they relate not to a single, unique object, but to numerous objects of the same type.

The same holds true for the last semantic group of nominations, in particular, names of goods and services. This group turns out to be closely related to brand nominations, since the latter can be used simultaneously as a brand name and as a manufactured product (e. g. *Coca-Cola*, *Kodak*, *Motorola*, *Mars*, etc). The extralinguistic peculiarity of this nomenclature group is as follows: they practically do not lend themselves to inventory, since it is impossible to register all goods that regularly appear and disappear from the market. This, in turn, leads to serious difficulties in their classification. However, even a quick glance at the external form of these lexical units is enough to notice their syntactic “simplicity”, which is quite easy to explain: these names target the majority of common buyers who use these goods and services on regular basis.

The plane of expression in most names of this type is a fairly transparent internal form based on various semantic and motivational features. After analyzing these features the following categories of commercial names were distinguished:

1) informative and explicit names that demonstrate a direct connection between the name and the specific qualities of the product (*Mild Apple Juice* — tender apple juice; *Smooth peanut butter* — soft peanut butter; *Green pitted olives* — green pitted olives; *Shell-on Prawns* — shrimps in shell; *Vanilla Ice Cream* — vanilla ice cream; *Johnson's baby oil* — baby oil, etc.);

2) informative and implicit names that highlight the commercial properties, but indirectly convey the purpose of the product (*Vanilla Dream* — vanilla ice cream; *Soft&Easy* — kitchen towels; *Vanish* — stain remover; *Nuts* — chocolate with nuts; *Adrenaline rush* — energy drink; *Color&Calcium* — nail polish; *Glam Shine* — lip gloss, etc.);

3) informative and tropic names that emphasize the product properties through a metaphor (*Bounty* — chocolate; *Blockbuster* — air corn; *Power Gel* — laundry detergent, etc.);

4) nominative names with a bright image, based on the physical appearance of the product (*Gruesome Greenies* — green little candies with the image of a scary creature; *Kosmostars* — crispy dry cereal in the form of stars, etc.);

5) non-nominative names, based on random obscure associations (*Skittles* — colorful little candies; *Woodhaven* — “timber harbor”: pink dry wine).

Semantic and motivational features of all the names in the above studied four groups make it possible to briefly and informatively convey the main purpose and characteristics of the product, assisting the buyer in the modern market of diverse goods and services. All commercial names, in addition to the indicative-nominative and attractive functions, also perform a specific communicative-pragmatic role, appealing simultaneously to the consumer’s sensual and rational perception.

Next, we shall analyze the extralinguistic features of business as a professional area, which is essential to discuss the functional and stylistic stratification of the vocabulary. Nowadays business is a unique professional area where the participant does not necessarily act as a narrow specialist (for example, an economist or a businessman), but may well be a layman in the broadest interpretation of this phenomenon (for example, a seller or a buyer). Moreover, the participants come from different age groups, have various social and professional background.

It is common knowledge that business communication is characterized by a genre-stylistic variety of written texts and oral speech: e. g. scientific papers, reports, dissertations, theses, lectures, public speeches, negotiations, etc. It is obvious that formality/informality factor inherent in the situation of professional communication, as well as the difference in the level of communicants’ practical training and awareness, will cause the linguistic variability of business vocabulary.

In informal communication the following colloquial names were registered:

- *Jag* (Jaguar);
- *Caddy* (Cadillac);
- *Limo* (Limousine);
- *Ad Alley* — Madison Avenue in New York, where the offices of many advertising agencies are located;
- *the Fed* — the unofficial title of the Federal Reserve Bank;
- *the VATman* — a special department of the British government that collects value added tax (VAT<value –added tax).

Some unofficial names are humorous nicknames built by means of initial abbreviation and affixation:

- *Fannie Mae* — Federal National Mortgage Association;
- *Ginnie Mae* — Government National Mortgage Association;
- *Footsie* — Financial Times-Stock Exchange Index;
- Freddie Mac* — Federal Home Loan Mortgage Corporation.

As we can see, some names share a common intrinsic quality and external feature: anthropocentric seme and regular derivational model (initial abbreviation and the stylistically marked suffix *-ie*).

We also note the regular word-formation pattern in the following unofficial names:

- *Big Bang* — reorganization of the London Stock Exchange in 1986 (literally “the big bang”);
- *Big Blue* — the nickname of IBM (literally “the blue giant”);
- *Big Board* — New York Stock Exchange (literally “big chamber”).

All unofficial proper names in our study are polylexemic formations of a metaphorical nature. The prevalence of similar derivational model indicates a clear tendency of stylistically marked vocabulary to a systematic plane of content and expression.

The research of business vocabulary leads to the following conclusion: the extralinguistic features of business written and oral communication cause the stylistic division of its vocabulary into two major strata: official commercial nomenclature and informal (colloquial) names.

It should be noted that the problem of stylistic stratification of special vocabulary is not only of theoretical value, but also of great practical importance, since vocabulary appropriateness in business communication is crucial in ensuring the adequacy and perception of information. Ignoring stylistic connotations may reveal low professional training which in turn can lead to negotiations failure, e. g. incorrectly written advertisement (both grammatically and stylistically) is likely to cause the effect opposite to the desired one. On the other hand, accurate and infallible command of the appropriate vocabulary with precise semantic and stylistic connotations may guarantee successful business communication.

In conclusion, our study revealed the following results: proper names in modern business vocabulary are a heterogeneous set of commercial nomenclature lending themselves to certain semantic and stylistic classifications. The studied examples clearly demonstrate the uniqueness of their external and internal qualities and confirm the necessity to distinguish nomenclature as a special layer within specialist vocabulary.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bereznikova R. E. *Lingvisticheskiy analiz naimenovaniy lekarstvennykh sredstv*. AKD, Kursk, 1975. — 27 s.
2. Bobyreva N. N. *Tipologiya imennykh obrazovaniy v sportivnom diskurse*. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 4. S. 64–70.

3. Vinokur G. O. *O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoi tekhnicheskoi terminologii* // *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury*. M., 1939. T. 5. S. 3–54.
4. Evsyukova T. V., Magnitskaya E. Yu. *Terminologicheskaya leksika i no-menklaturnye edinitsy v ekonomicheskom diskurse. Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2009, № 2. S. 91–99.
5. Eremina S. V., Zagnukhina N. A., Dymnich A. S. *Nomenclature of biology. Organizatsiya samostoyatel'noi raboty studentov po inostrannym yazykam. Saratovskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet imeni N. G. Chernyshevskogo*. 2020. № 3. S. 43–48.
6. Medvedeva A. A. *Freimovoe prostranstvo angliiskikh brendovykh nominatsii i ego leksikograficheskoe predstavlenie*. AKD, Rostov-na-Donu, 2012. — 22 с.
7. Reformatskii A. A. *Chto takoe termin i terminologiya* // *Voprosy terminologii (Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo sove-shchaniya)*. M., 1961. S. 51–54.
8. Shelov S. D., Leichik V., M. *Nomenklaturnye naimenovaniya kak klass nauchno-tekhnicheskoi leksiki. Sostav i funktsii*. Sankt-Peterburg, 2007. — 80 s.
9. Jeffrey C. *Biological Nomenclature. Second edition* / *Per. s angl. kand. biol. nauk E. B. Alekseeva; Pod red. kand. biol. nauk M. V. Miny*. M.: Mir, 1980. — 120 s.
10. *Longman Business English Dictionary*. Pearson, 2008. — 594 p.
11. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Longman, 2005. — 1620 p.
12. *Market Leader. Business English Course book. Intermediate*, Pearson, 2010. — 176 p.
13. *Market Leader. Business English Course book. Upper-Intermediate*, Pearson, 2012. — 173 p.

BRIEF

PROPER NAMES
IN MODERN BUSINESS ENGLISH VOCABULARY

Morgunova M. N.,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of English Philology, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *The article discusses semantic and stylistic features of proper names (nomens) in modern business English vocabulary. A semantic classification based on particular nominative characteristics of nomens is offered. The study reveals characteristic semantic and word-derivation features of nomens identified within each nominative group. The research also highlights unique extralinguistic features of business that determine stylistic differentiation of proper names.*

Key words: *nomens; nomenclature; proper names; ergonyms; expression plane; content plane; word-derivation; polylexemic nominations; explicit names; implicit names; nominative names; non-nominative names.*

Гендерная специфика
речевой реализации эмоций
в образовательном
коммуникативном пространстве
(на материале современной
англоязычной биографической прозы)

Винник Е. И.,

*доцент кафедры английской филологии
Института филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета,
кандидат филологических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Хнаева В. А.,

*магистрант кафедры «Русский язык как иностранный
в кросс-культурном пространстве» Института филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'28

Аннотация. *Объектом исследования в контексте данной работы является категория эмотивности, выраженная в автобиографическом тексте, посвященном образовательному процессу. В качестве предмета исследования выступают коммуникативно-прагматические и лексические особенности реализации эмоций в художественном тексте в вербальном коммуникативном поведении повествователя с точки зрения гендерных особенностей. Актуальность темы обусловлена новизной и популярностью гендерной*

лингвистики как науки. Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование может способствовать дальнейшей разработке гендерной теории эмоций, исследованию отражения эмоций в различных литературных жанрах.

Ключевые слова: *гендер; гендерлект; маскулинность; феминность; гендерные роли; автобиография; эмотивность; эмотиология; эмоции.*

В данной работе была исследована гендерная специфика речевой реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве на материале британской биографической прозы XX века, а именно: в автобиографиях Веры Бриттен «Заветы юности» («Testament of youth») и Стивена Фрая «Моав — умывальная чаша моя» («Moab is my washpot»). Цель исследования состоит в изучении особенностей языкового выражения эмоционального состояния у автора-женщины и автора-мужчины при передаче отношения к образовательному процессу. Материал автобиографии был выбран не случайно, так как именно в данном литературном жанре мы можем проследить особенности гендерлекта автора.

МАТЕРИАЛ

Непосредственно материалом исследования послужили тексты биографической прозы XX века на английском языке общим объемом 976 страниц — авторов Веры Бриттен «Testament of youth» (1933) и Стивена Фрая «Moab is my washpot» (1997). Данный выбор обусловлен следующими факторами: во-первых, высокой степенью эмоционально-

сти в тексте; во-вторых, выбором преимущественно текстов в жанре автобиографии, что позволило представить особенности репрезентации эмоций в наиболее близкой к реальности форме общения. Объем картотеки выборки составил 2713 манифестаций.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При написании работы и анализе материала использовались методы, включающие анализ теоретической литературы по проблеме исследования, а также анализ британской автобиографической прозы автора-женщины и автора-мужчины и дефиниционный анализ современных гендерных концепций. Также применялись метод сплошной выборки и описательный метод в совокупности с приемами лингвистического наблюдения, сравнения, классификации и интерпретации.

ДЕФИНИЦИИ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Перед непосредственным рассмотрением художественных текстов как области реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве необходимо выявить базовые понятия эмотиологии и лингвогендерологии, затронутые в данной работе.

Так, *гендер* представляет собой широкое понятие, обладающее распространенным семантическим полем. Большинство исследователей трактуют гендер как некую совокупность реакций, приписываемых обществом мужчинам и женщинам, различающихся в зависимости от пола. Также следует отметить, что гендер подвержен изменению в ходе исторического развития общества [4, с.

65]. Таким образом, гендер является социокультурным отражением пола.

При изучении гендера в рамках лингвистики необходимо упомянуть понятие «гендерлект». *Гендерлект* представляется как некий набор признаков и реакций мужского или женского коммуникативного акта. Говорящий, как правило, под воздействием каких-либо обстоятельств может переходить от одного гендерлекта к другому. Исходя из этого следует, что гендерлект говорящего зависит от среды общения или адресата речи [5, с. 195–200].

В данной работе приоритет отдается гендерологическому направлению, рассматривающему закрепленные в языковом пространстве стереотипы фемининности и маскулинности, то есть противопоставлению мужской и женской картины мира с социально-культурной точки зрения.

Для современной лингвистики изучение особенностей выражения эмоций в художественном тексте является важным аспектом. *Эмотиология* представляет собой науку, которая изучает лингвистику эмоций, специфику их выражения в речи и влияние, производимое эмоциональными приемами на коммуникантов [6, с. 6]. *Категория эмотивности* всегда сопутствует речевому акту и во всех языках представлена на всех уровнях языковой системы. Рассматривая особенности эмотиологии и анализируя способы выражения эмоций в художественном тексте, можно выделить особенности языка и социальной структуры общества.

В качестве основы анализа коммуникативного акта в данной работе были выбраны способ классификации эмоций, предложенный А. Вежбицкой и в качестве отдельной категории, выделены эмотивы-дейксисы, в рамках подхода, выработанного З. З. Исхаковой. Таким образом, для изуче-

ния особенностей гендерного выражения эмоций коммуникативные акты в произведениях классифицировались согласно следующим категориям:

- эмоции, имеющие негативную окраску;
- эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями;
- эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда люди совершают плохие поступки;
- слова, выражающие мнение наблюдателя;
- слова, выражающие мнение говорящего;
- эмоциональные концепты, подразумевающие самоанализ [2, с. 326–379];
- эмотивы-символы;
- эмотивы-индексы;
- эмотивы-образы [3, с. 70–73].

Упомянутые категории рассматриваются в данной работе на примере автобиографий автора-мужчины и автора-женщины. *Автобиография* является литературно-прозаическим жанром, в котором находит отражение художественное описание автором его жизни, собственного опыта и размышлений. Отличительная черта автобиографии — личностно-ориентированность [1].

ДИСКУССИЯ

В качестве примеров при рассмотрении гендерных особенностей реализации эмоций в образовательном коммуникативном пространстве были выбраны автобиографии таких британских писателей, как Вера Бриттен и Стивен Фрай.

Вера Бриттен (1893–1970) — английская писательница, известная как влиятельная феминистка и пацифистка.

Славу ей принес автобиографический роман «Testament of youth» (1933), в котором она от первого лица повествует о жизни женщин в тылу во время Первой мировой войны. Карьера писателя и политическая деятельность взаимодополняли друг друга в творчестве Веры Бриттен. В своих произведениях она высказывала личное негативное мнение относительно военных действий и выражала критику в адрес современного ей общества, которое приносило роль женщин во всех сферах [10].

Стивен Фрай наиболее известен как британский актер, создатель комедийного телесериала «A Bit of Fry and Laurie». Однако, нельзя не отметить вклад Стивена Фрая в литературу. В 1997 году выходит в свет его автобиография «Moab is my washpot». И в 2010 году С. Фрай награждается British Book Awards — Autobiography of the Year [9]. Отличительной чертой автобиографий Стивена Фрая является высмеивание национальных стереотипов Англии. Автор не стремится показать себя и окружающую его действительность в лучшем свете. Он не дает положительной или отрицательной оценки описываемым событиям, мы видим его жизнь, процесс получения им образования, его отношения с отцом, факторы, повлиявшие на судьбу и жизнь автора, такими, какими они были в действительности.

Анализ коммуникативного пространства автобиографии английской писательницы, феминистки и пацифистки Веры Бриттен «Заветы юности», опубликованный в 1933 году (1131 манифестация), показал, что в тексте романа преобладают эмоции, **имеющие негативную окраску** (363 прецедента). В большем количестве негативные манифестации присутствуют при описании школы-интерната для девочек Святой Моники. Автор вы-

ражает негодование относительно пренебрежительного отношения к образовательному процессу со стороны как воспитателей, так и воспитанниц школы. Демонстрируя отношение к превалирующему в школе мнению по поводу образования и роли женщины в обществе, Вера Бриттен отмечает *“I probably minded dreadfully at the time”* [7, с. 35].

Эмоциональная лексика, **связанная с положительными эмоциями** (281 случай), в основном используется при описании периода учебы и жизни в Оксфорде *“I spent my first few weeks at Somerville in a state of exhilaration, ‘half-delightful, half-disturbing, wholly exciting”* [7, с. 92].

Эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда люди совершают плохие поступки (76 манифестаций), и слова, **выражающие мнение наблюдателя** (45 манифестаций), в основном используются при передаче отношения отца, родственников и друзей семьи к желанию Веры поступить в Оксфорд. Так как женщины, как правило, не обучались в университетах, идея Веры была воспринята с удивлением и насмешкой: *“When my father discovered this exercise of initiative, his wrath and anxiety reached the point of effervescence”* [7, с. 84].

Эмоциональные концепты, **подразумевающие самоанализ, как и слова, выражающие мнение говорящего**, занимают значительное место в тексте автобиографии (87 прецедентов), что объясняется особенностями жанра. Мнение говорящего — Веры Бриттен — в основном её оценка преподавателей или девочек, которые учатся вместе с ней: *“Sir John remains and always will remain the kindly, stimulating teacher in whose genial presence obstacles hitherto insuperable melted away like snow in April”* [7, с. 55].

Среди эмотивных дейксисов наиболее часто употребляются **эмотивы-индексы** (180 элементов). В основ-

ном к ним относятся наречия, усиливающие эмоциональность прилагательного: *very, much more, little, extremely*. **Эмотивы-символы** составляют 7% текста (92 манифестации) — “*Little girls’ must allow their elders to know what was best for them*” [7, с. 48]. Наименьшую часть автобиографии составляют **эмотивы-образы** (26 элементов) — “*God tempers the wind to the shorn lamb*” [7, с. 67], текст не имеет скрытых смыслов и не символичен. Автор прямо высказывает свое мнение, в основном сравнение и эпитет используются для того, чтобы более подробно передать отношение Веры к людям, которые её окружали. Числовые и процентные данные репрезентации эмоций в тексте романа продемонстрированы в табл. 1.

Таблица 1

ЧИСЛОВЫЕ И ПРОЦЕНТНЫЕ ДАННЫЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТЕ
АВТОБИОГРАФИИ ВЕРЫ БРИТТЕН
«TESTAMENT OF YOUTH» (1933)

Категория коммуникативных актов	Доля от текста произведения, в %	Количество манифестаций
Эмотивы-индексы	14	180
Эмотивы-символы	7,36	92
Эмоциональные концепты, подразумевающие самоанализ	12	161
Слова, выражающие мнение говорящего	6,64	87
Слова, выражающие мнение наблюдателя	3	45
Эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда индивид совершает плохой, неодобряемый обществом поступок	6	76

Категория коммуникативных актов	Доля от текста произведения, в %	Количество манифестаций
Эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями	21	281
Эмоции, имеющие негативную окраску	28	363
Эмотивы-образы	2	26

Анализ коммуникативного пространства автобиографии Стивена Фрая (1402 манифестации) показал, что в тексте преобладают **ЭМОТИВЫ-ИНДЕКСЫ** (228 элементов) и **ЭМОТИВЫ-СИМВОЛЫ** (267 манифестаций). Большую часть эмотивов-индексов составляют сочетания дейктика “I” со словами, выражающими ассоциативно-эмотивную лексику: *“I admire such a reluctance of course, and am proud of it...”*, *“I used to think I hated living there, but throughout all my years of rebellion, ostracism and madness I always carried a photograph of the house with me”* [8, с. 174; с. 178; с. 303]. Это указывает на эгоцентричность языка повествователя. Кроме того, большое внимание в работе уделяется самоанализу. **ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ, ПОДРАЗУМЕВАЮЩИЕ АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ АВТОРА**, составляют 12% текста. В основном они представлены в главах, где автор, вспоминая о прошлом, проводит параллели с настоящим и размышляет о том, какие ситуации, произошедшие с ним в Аппингеме, повлияли на его взрослую жизнь: *“I think it safe to say that I would have been a fucked up youth had I been given a secondary modern, comprehensive or grammar school education”* [8, с. 23].

Группу **ЭМОТИВОВ-СИМВОЛОВ** (267 манифестаций) в основном составляют слова, которые относятся к ненормативной лексике. Мы можем сказать, что автор не боялся быть отвергнутым и непонятым из-за обилия табуированных выражений.

Эмоциональная лексика, связанная с **положительными эмоциями** (235 манифестаций) употребляется чаще, чем имеющая негативную окраску (203 манифестации).

Негативно-окрашенные слова по большей части, как и лексика, обозначающая ситуации, когда люди совершают плохие поступки (102 манифестации), относятся к описанию телесных наказаний в школе, отношений между героем и его отцом, поведения Стивена Фрая в школе, а именно его склонность к воровству и нежелание учиться, которое вплоть до колледжа присутствовало в его жизни: “... *he was the first to be sent away and might reasonably be expected to have felt the greater sense of abandonment, there being no elder in whose footsteps he might follow*” [8, с. 23].

Лексика, имеющая положительные коннотации, используется для описания преподавателей и отношений с сестрой. Сестра Стивена Фрая не смогла получить должного образования, так как для девочек это не являлось обязательным: “*Jo, my adorable sister, wasn't sent away at all, as girls weren't by then. She was fairly fucked up as a teenager but arguably because of the very fact that she didn't go to boarding school*” [8, с. 23].

Слова, выражающие мнение говорящего (93 элемента), как правило, присутствуют при описании образовательного процесса или внешности других мальчиков в школе: “*Private education may be a divisive abomination, it may leave its product weird and ridiculous in all kinds of insanitary and peculiar ways, it may have held back the social development of this country, it may be responsible for all kinds of disasters and unpleasantnesses, but in my case it never left me feeling starved of parental love and attention*” [8, с. 23].

В силу того, что автор не может корректно и достоверно передать размышления другого человека, наименьшую

часть текста автобиографии составляют **слова, выражающие мнение наблюдателя** (29 манифестаций).

Следует отметить символичность текста. **Эмотивы-образы** составляют 9% текста автобиографии (137 манифестаций). Автор часто использует различные эмоционально окрашенные фразеологизмы и тропы: *“Bones mend and become actually stronger in the very place they were broken and where they have knitted up; mental wounds can grind and ooze for decades and be re-opened by the quietest whisper”* [8, с. 105].

Числовые и процентные данные репрезентации эмоций в тексте автобиографического романа продемонстрированы в табл. 2.

Таблица 2

ЧИСЛОВЫЕ И ПРОЦЕНТНЫЕ ДАННЫЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ
В ТЕКСТЕ АВТОБИОГРАФИИ СТИВЕНА ФРАЯ
«МОАВ IS MY WASHPOT» (1997)

Категория коммуникативных актов	Доля от текста произведения, в %	Количество манифестаций
Эмотивы-индексы	15	228
Эмотивы-символы	19	267
Эмоциональные концепты, подразумевающие самоанализ	12	180
Слова, выражающие мнение говорящего	6	93
Слова, выражающие мнение наблюдателя	2	29
Эмоциональные слова, обозначающие ситуации, когда индивид совершает плохой, неодобряемый обществом поступок	7	102

Категория коммуникативных актов	Доля от текста произведения, в %	Количество манифестаций
Эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями	16	235
Эмоции, имеющие негативную окраску	14	203
Эмотивы-образы	9	137

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы видим, что мужской и женский гендерлекты значительно различаются в эмоциональном коммуникативном пространстве.

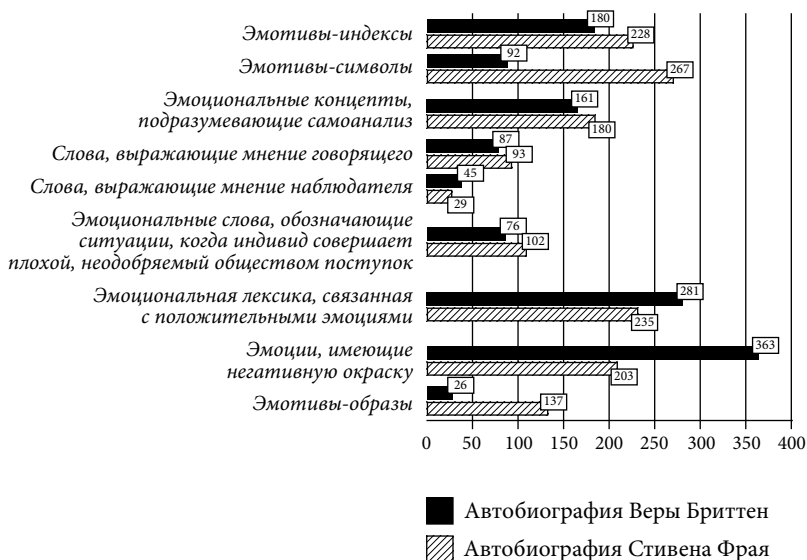
Различия обусловлены в первую очередь разницей в воспитании женщин и мужчин. Тот факт, что женское образование считалось неприемлемым до начала XIX века, привел к формированию у женщин иной, отличной от мужской языковой картины мира.

Как следствие, мы можем отметить, что в автобиографии Веры Бриттен преобладают эмоции, имеющие негативную окраску. Это связано с большим количеством испытаний, которые ей, как женщине, были уготованы судьбой, когда она пыталась добиться права поступить в Оксфорд. В свою очередь, в тексте автобиографии Стивена Фрая преобладает эмоциональная лексика, связанная с положительными эмоциями, а также эмотивы-символы, что является характерными особенностями речи автора. Значительную часть группы эмотивов-символов составляет класс ненормативной лексики, который полностью отсутствует в тексте автобиографии Веры Бриттен. Даже в современном мире мы с трудом можем себе представить произведение, созданное женщиной, в котором более 20% текста формировали

бы табуированные слова. Также женский гендерлект отличается фактически полным отсутствием тропов и элементов образной выразительности — всего лишь 2% текста, в то время как в гендерлекте автора-мужчины коннотативы с номинативными значениями составляют 9% текста. Сравнительная характеристика коммуникативного пространства автобиографий представлена на приведенной ниже диаграмме (см. на след. стр.).

Данная исследовательская работа подтвердила наличие гендерной специфики языкового выражения эмоционального состояния, в частности при передаче отношения к образовательному процессу у автора-женщины и автора-мужчины.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА АВТОБИОГРАФИЙ СТИВЕНА ФРАЯ И ВЕРЫ БРИТТЕН

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1799152> (дата обращения: 07.11.2021).
2. Везбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1966. С. 326–379.
3. Исхакова З. З. Дейксис и его тесная связь с эмотивностью // Вестник Челябинского государственного университета. № 8 (223). 2011. С. 70–73.
4. Надобко Ю. В. К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении // Языкознание. № 2 (21). 2010. С. 65–70.
5. Потапова Т. М. К вопросу о лингвистическом аспекте гендерных исследований (на материале русской оценочной лексики) // Вестник СПбГУ. № 3. 2010. С. 195–200.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
7. Brittain, V. *Testament of youth*. Vigaro Press, 1978. — 612 p.
8. Fry S. *Moab is my washpot*. Arrow Books Ltd, New ed., 2004. — 388 p.
9. Peoples.ru: [сайт]. Стивен Фрай. Эталон английского духа, 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/fry/> (дата обращения: 07.11.2021).
10. Poetry Foundation / Vera Mary Brittain, 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.poetryfoundation.org/poets/vera-mary-brittain> (дата обращения: 11.03.2019).

BRIEF

GENDER SPECIFICATION OF THE EMOTIONAL EXPRESSIONS
IN SPEECH IN THE EDUCATIONAL COMMUNICATIVE SPACE
(based on the material of the modern English biographical prose)

Vinnik E. I.,

Associate Professor of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Ph. D. in Philology, Rostov-on-Don, Russia

Khnaeva V. A.,

Master's Degree Student of the Russian Language
for Foreign Students Department, Institute of Philology, Journalism
and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Gender specification of the emotional expressions in speech in the educational communicative space is considered. The scope of the study is to analyze gender- communicative and lexical features used in the process of the manifestation of emotions in autobiographies. The study is relevant due to the novelty and popularity of the gender linguistics. The results of the study can be applied in the further development of the gender-based emotions theory and in the realization of emotions in other literary genres.

Key words: gender; genderlect; masculinity; femininity; gender roles; autobiography; emotivity; emotiology; emotions.

«Man-size in marble» Эдит Несбит:
проблематизация
фигуры «новой женщины»
в жанре готической новеллы

Крюкова В. Г.,

*аспирант кафедры теории и истории мировой литературы,
Южный федеральный университет, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'27

Аннотация. В статье рассматривается художественное выражение феномена «новой женщины» в готической новелле Эдит Несбит «Man-size in marble». Предлагается анализ готических мотивов, элементов жанровой формы, а также хронотопов времени и пространства, призванных проблематизировать положение женщины в патриархальном обществе. Отдельное внимание уделяется перечислению готических тропов, традиционно ассоциируемых с литературой «ужаса», которые используются Э. Несбит для того, чтобы подчеркнуть зависимое положение женщины. Выявляется бинарность женского образа как показателя неоднозначного отношения Эдит Несбит к феминистским идеям поздневикторианского периода.

Ключевые слова: «новая женщина»; готическая новелла; готический сюжет; замковый хронотоп; хронотоп времени; готические топосы; виктимизация.

Имя английской писательницы Эдит Несбит (1858–1924) неразрывно связано с детской литературой. Автор таких приключенческих романов, как «История с амулетом», «Пятеро детей и Оно», «Искатели сокровищ», долгое время вызывала интерес исследователей исключительно своим новаторским подходом к построению волшебных миров.

При этом не стоит забывать, что писательница рубежа веков Несбит была свидетельницей становления феномена «новой женщины». «Новая женщина» — это культурный феномен, ставший ответом на гендерную идеологию традиционного патриархального общества. Для представительниц новой генерации было характерно стремление к самостоятельному мышлению и реализации талантов, требование личного пространства и готовность действовать вне существующих гендерных стереотипов. В сборнике статей под редакцией Энн Хейлманн «новая женщина» рассматривается как литературное явление, изменившее категории художественного произведения для выражения своей социально-политической позиции [8]. Стоит отметить и монографию Клэр Хэнсон «Литература истерик: женские рассказы XX века» как большую исследовательскую работу, анализирующую способы выражения женского опыта через писательскую деятельность [7]. Хэнсон отмечает то, как через метафоры вуали, мертвого тела, а также предметов интерьера находили свое выражение идеи феминизма. «Новая женщина» стала смелой попыткой писательниц построить новый тип самосознания в поздневикторианский период.

Любопытно, что главная героиня готической новеллы «Man-size in marble» Лаура формально соответствует характеристикам «новой женщины». Однако Несбит не случайно помещает ее образ в готический сюжет, избрав при

этом форму новеллы. Таким образом, в рамках сюжетных схем готического канона происходит превращение героини в жертву.

Новизну данного исследования составляет обращение к использованным Эдит Несбит готическим мотивам, персонажно-образной системе, жанровым элементам, ассоциирующимся с литературой «тайны и ужаса», для выражения современной для Несбит позиции «новой женщины».

Жанровая специфика новеллы определила основные изменения, которые произошли с образами и топосами готического романа. Как отмечает в своей диссертации Н. В. Водолажченко, «вторичность» по отношению к романной форме компенсируется тем, что именно в новелле находит отражение значительно усложнившийся и расширившийся круг проблем современного общества» [2, с. 12]. Используя тропы готического романа, писательница смогла выразить положение женщины в переломный период конца XIX века. Исследователи становления феномена «новой женщины» часто недооценивали потенциал творчества Несбит, поскольку ее позиция относительно места женщины в обществе всегда была умеренной. К тому же ее окружали люди с более ярко выраженной феминистской позицией, такие как Ани Бесант и Элеонор Маркс, в то время как Несбит оставалась «intellectual butterfly», как назвала ее Джулия Бриггс, составитель наиболее полной биографии Эдит Несбит [3, с. XVIII].

В рамках данной статьи мы проанализируем известную готическую новеллу Эдит Несбит «Man-size in marble» [13], обратимся к хронотопам замкового и идиллического пространств, конфликту прошлого и настоящего, столкновение которых ведет к печальному финалу новеллы, а также рассмотрим, каким образом Несбит выстраивает критику по отношению к патриархальному строю. Отме-

тим, что пассивность и безмолвность женщины в условиях следования традиционным гендерным установкам губительны, особенно, если ее участие в жизни ограничивается пределами дома. Другими словами, мы исследуем основные образы новеллы, с помощью которых писательница выражает свои взгляды на положение женщины в обществе, на женскую маргинализацию и ущемление женской свободы.

«Man-size in marble» отличает не только искусное использование Несбит готических приемов нагнетания напряжения, но и «политическая энергия, которая считается непривычной для готических произведений» [4, с. 457]. К такому заключению в своей статье приходит Ник Фриман, занимающийся репрезентацией образа «новой женщины» в готических текстах. В то же время Тек Мери посвящает статью «Гендерная борьба в новелле Эдит Несбит «Man-size in marble» анализу виктимизации женщины в условиях патриархального строя [12]. С точки зрения выражения феминистских взглядов, к творчеству Несбит обращается и Виктория Магрии в статье «Феминистская направленность повествования в готических новеллах Эдит Несбит» [9]. Она анализирует несколько ранних и поздних готических новелл, опубликованных с 1893 по 1910 г., и приходит к выводу о том, что жанровая поэтика готической новеллы наиболее удобна для выражения феминистских взглядов, но отмечает умеренную позицию Несбит в отношении положения женщины в обществе.

«Man-size in marble» вошел в первый сборник готических рассказов, опубликованных в 1983 году. Сюжет строится вокруг оживших статуй средневековых рыцарей, что отсылает читателя к новелле Проспера Мериме «Венера Илльская».

Сюжет готической новеллы «обытовлен» по сравнению с традиционными готическими романами, топос средневекового замка хоть и сохранен, но перенесен в современный английский дом (часть сохранившегося дома средневековых рыцарей), отсутствует историческая дистанция, все герои имеют профессии и зарабатывают на жизнь самостоятельно. Молодожены — Джек и Лаура — переезжают из города в сельскую местность, где покупают «до смешного дешево» небольшой домик [13, с. 37]. Они нанимают служанку Миссис Дорман и заводят знакомство с доктором Келли. В один из дней суеверная Миссис Дорман предупреждает их, что вынуждена покинуть их дом за день до наступления Дня всех святых. После недолгого колебания она рассказывает Джеку о местной легенде о двух мраморных изваяниях католических рыцарей, которые в ночь с 31 октября на 1 ноября сходят со своих постаментов в церкви и идут в дом, который некогда был частью их феодального поместья, в дом, в котором теперь живут главные герои. Джека ненадолго охватывает тревога, но он отгоняет от себя плохие мысли и бережет жену от лишней волнений. В День всех святых он оставляет Лауру одну и отправляется в церковь, чтобы лично убедиться в глупости деревенских суеверий, но обнаруживает, что статуи пропали. В страхе он спешит домой и по дороге встречает доктора Келли, который смеется над предрассудками и убеждает Джека снова вернуться в церковь. Когда они приходят к алтарю, то видят, что обе статуи на месте, хотя у одной из них отсутствует... палец. Окончательно успокоившись, друзья возвращаются домой, где находят Лауру, которая впоследствии умирает в объятиях мужа, сжимая в руке мраморный палец, принадлежащий статуе.

Гибель главной героини в рамках готической новеллы неслучайна и неизбежна. Для того чтобы проблемати-

зировать положение женщины в патриархальном обществе, Несбит помещает свою героиню в ситуацию кризиса. С одной стороны, это следствие столкновения хронотопов: прошлого и настоящего времени, а также закрытого и открытого пространств. С другой стороны, при анализе образов новеллы выявляется дуализм художественного образа главной героини, которая одновременно стремится к автономности и самовыражению, но позволяет инфантилизировать себя.

В готической традиции пространственный вектор, как правило, устремлен от открытого пространства к закрытому. Сюжетное развитие определяет неминуемую изоляцию героя в замке, церкви, подвале — топосах, ассоциирующихся с мистическими потусторонними силами. Лаура остается одна в доме, который в католические времена был частью большого рыцарского замка. Иными словами, перед нами замковое пространство. Как пишет Бахтин, «замок пришел из прошлых веков и повернут в прошлое» [1, с. 278]. Замок — это место исторического времени: здесь оживают темные легенды и суеверия. Поэтому ожившие рыцари возвращаются в замок, где могут творить свои преступления дальше. Сила замкового хронотопа побеждает всякую рациональность. Несмотря на то, что классический готический топос в новелле приобретает реалистичные черты и превращается в английский дом, Несбит отмечает его уединенность, что объединяет похожие топосы готических новелл: «Дом стоял в отдалении, примерно в двух милях от деревни» [13, с. 37].

Предчувствуя беду, Лаура желает покинуть это пространство, но муж не позволяет ей это сделать, поэтому она умирает возле окна, находясь на пороге — между двумя пространствами. Как отмечает Бахтин, хронотоп порога

связан со значением кризиса, перехода [1]. Порог в данном случае отделяет не только замковое пространство от идиллического (сад, море), смерть от спасения, но это и переход главной героини от состояния жертвы к положению «новой женщины».

Особого внимания в данном случае заслуживает неоднозначность главной героини. С одной стороны, она занимается сочинительством историй для журналов и боится лишиться возможности писать: «Представь себе, у нас не останется больше времени на наши занятия, на зарабатывание денег, ни на что» [13, с. 38].

В этом стремлении иметь собственный заработок и реализовать свой творческий потенциал вырисовывается образ «новой женщины» с ее требованием частного пространства и воплощения своих талантов. С другой стороны, она безынициативна и безмолвна, она не противоречит мужу и позволяет ему относиться к ней, как к ребенку. Джек не воспринимает ее писательскую деятельность серьезно. По его словам, она пишет «маленькие журнальные истории, которые приносят копеечку» [13, с. 37]. Он опекает жену, инфантилизует ее, называя «pussy», «sweetheart» и «little girl».

Стоит отметить, что за год до издания первого сборника готических новелл Несбит в Америке был опубликован рассказ Шарлотты Перкинс Гилман «Желтые обои» [6]. Невозможно не заметить параллель, связывающую главных героинь: они находятся под сковывающей опекой своих мужей, которые не видят в своих женах свободную зрелую личность. Подобное патерналистское отношение в конечном счете приводит к виктимизации обеих героинь.

Готические мотивы, используемые Несбит, служат не только сюжетобразующей функции, но способствуют выстраиванию критики по отношению к привычным

гендерным установкам. Так, в День всех святых Лауру мучает предчувствие беды — она вспоминает, что когда-то испытывала что-то подобное. Данное совпадение может свидетельствовать и о близких отношениях с отцом, что созвучно традиции изображения готической героини. Как пишет Мишель Массе, «женщина (в готической литературе) может существовать только в связи с другим персонажем (мужского пола)» [10, с. 681]. В то же время мотив видения или бреда, как правило, относится к традиционным готическим мотивам, выполняющим сюжетную функцию, создавая бинарность художественного мира новеллы, подразумевающую столкновение сверхъестественного и рационального.

Джек настаивает на том, чтобы в роковую ночь она осталась дома и не утомляла себя прогулкой, и Лаура уступает. По мере развития сюжетной линии она всё больше приобретает черты «ангела в доме» и всё меньше напоминает «новую женщину». Всё это позволяет предположить, что гибель главной героини метафорична. В 1931 году Вирджиния Вульф призвала женщин-писательниц «убить» в себе «ангела в доме»:

«Убийство «ангела в доме» составляло для женщины неотъемлемую часть писательской деятельности» [15, с. 286].

Лаура-писательница уступает Лауре-жене и хозяйке, она покорна, очаровательна, «в совершенстве владеет трудным искусством семейной жизни. Каждый божий день приносит себя в жертву» [15, с. 286].

Ник Фриман в своей статье «Э. Несбит. Новая готическая женщина» указывает еще на один фактор неминуемой гибели Лауры: «В готической английской традиции католицизм часто изображался, как зловеющий призрак, который, несмотря на то, что был признан мертвым, может восстать

из могилы и покарать представителей прогресса» [4, с. 457]. Про рыцарей, чьи статуи установлены в церкви, Миссис Дорман рассказывает, что их деяния были так ужасны, что их поразил гнев небес. Несбит снова обращается к традиционному готическому мотиву — воздаянию за грехи. В католицизме, в отличие от протестантизма, существует чистилище, а сам католицизм, отвергнутый Генрихом VIII, ассоциируется в английском сознании с мистическим древним прошлым. Таким образом, ожившие статуи приходят из глубины веков, чтобы укрепить привычный им порядок, вернуть патриархальные законы и покарать инакомыслящих. Ник Фриман весьма категорично трактует сюжетную развязку: «Агрессивный по духу и организации католический патриархат не может позволить Лауре существовать» [4, с. 457].

Также интересен выбранный для мистических событий день — День всех святых. Этот день был исключен из религиозного календаря протестантов, соответственно, появление этой даты в тексте художественного произведения вновь отсылает читателя к прошлому, ко времени, когда было возможно воскрешение мертвых, когда суеверия имели большую силу, чем разум и знания.

Настоящее сталкивается с прошлым, открытое пространство — с закрытым, и между этими готическими топосами функцию проводника выполняет прислуга — Миссис Дорман. Она представляет собой сельских жителей, верящих в сверхъестественное, чуждых всяким рациональным объяснениям. Она — знак «феодалного» устройства жизни главных героев и указывает на «двойственность меняющейся жизни» [11, с. 222], поскольку для конца XIX века слуги уже не были привычной составляющей быта современной женщины. Так, фигура Миссис Дорман

связывает город и деревню, феодально-буржуазный уклад с современным. К тому же подобным образом Несбит критикует беспомощность Лауры в хозяйственных делах. Известен факт, что Эдит Несбит считала возможным отказаться от прислуги при обсуждении организации встреч членов Фабианского общества (этот факт приводит Джулия Бриггс в книге «Женщина страсти: Жизнь Эдит Несбит») [3]. Следует отметить, что само имя Dorman отсылает нас к староанглийскому слову «doorkeeper» (привратник), что еще раз подтверждает смысловое значение данного персонажа как проводника.

Можно также отметить, что в семиотике готики персонаж слуги часто выполняет функцию «предупреждающего знака», Кассандры, которая пророчит беду. Тот факт, что Миссис Дорман не рассказывает легенду Лауре, возможно, говорит, что в ней она видит пугливую женщину, требующую опеки и покровительства. Миссис Дорман, относящаяся к патриархальному миру, участвует в виктимизации героини.

Финал новеллы печален: Лаура становится жертвой пересечения времен и пространств, но в ее гибели есть и мотив освобождения. Фрэнсис О`Горман, рассуждая о том, как возвращение прошлого формирует структуру сюжета, указывает на «освободительную функцию прошлого времени» [14, с. 9]. Несбит, описывая деревья, окружавшие церковь, отмечает: «Огромные вязы, растущие перед церковью, раскинули свои величественные ветки, словно благословляя счастливых умерших» [13, с. 39]. Само словосочетание «happy dead», представляющее собой странный оксюморон, приводит к выводу, что, возможно, трагическая судьба Лауры в глазах «новой женщины» — это «счастливое» избавление от оков патриархата.

Заключение

Короткий готический рассказ «Man-size in marble» — прекрасный пример требования активной (в экзистенциальном смысле) позиции от женщины. Несмотря на то, что сама Эдит Несбит имела феминистские взгляды, отличающиеся умеренностью, она не могла не отметить сложность положения женщины в обществе в поздневикторианскую эпоху. Для выявления женской маргинализации она обращается к классическим готическим образам и мотивам: виктимная героиня, замковое пространство, слуга-вестник, мотивы предчувствия и возмездия.

Развитие готического сюжета приводит к тому, что главная героиня, несмотря на имеющиеся у нее качества «новой женщины», постепенно их утрачивает. Канон готической новеллы определяют вторжение сверхъестественного/прошлого в реальное/настоящее. Лаура оказывается во власти замкового хронотопа, где ее участь предопределена. В этом смысле гибель от рук «католических рыцарей» подобна казни. В то же время сама жанровая форма диктует правила, ведущие к виктимизации героини. Историческое время и замковое пространство определяют печальную судьбу героини, единственный шанс на спасение для которой — стать «новой женщиной», войти в настоящее время и занять свое собственное место, как в домашнем быту, так и в профессии. Героиня Несбит — уже на пути к новому прочтению женской судьбы, поэтому важным элементом нарратива является хронотоп порога, который символизирует переходное состояние героини и общее состояние кризиса гендерных представлений в порубежное время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*// Бахтин М. М. *Литературно-критические статьи*. М., 1986. — 282 с.
2. Водолажченко Н. В. *Поэтика готической новеллистики Дж. Ш. Ле Фаню (на примере цикла «В зеркале отуманенном»)*, автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. фил. н.: 10.01.03 / Водолажченко Наталья Васильевна; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2008. — 24 с.
3. Briggs J. *A Woman of Passion: The Life of E. Nesbit* // New York: New Amsterdam Books, 1987. — 515 p.
4. Freeman N. E. *Nesbit's New Woman Gothic, Women's Writing* 15.3, 2008. — P. 454–469.
5. Gilbert S. M., Gubar, S. *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth — Century Literary Imagination. Second Edition*. Yale University Press: New Haven and London, 2000. — 719 p.
6. Gilman Ch. P. *The Yellow Wallpaper* // London: Little, brown group book, 2013.
7. Hanson C. *Hysterical Fictions. The "Woman's Novel" in the Twentieth Century*. Palgrave Macmillan, 2000. — 191 p.
8. Heilmann A. *New Woman Fiction: Women Writing First — Wave Feminism 2000th* // Edition. London: Palgrave Macmillan, 2000. — 239 p.
9. Magree V. *The Feminist orientation in Edith Nesbit's gothic short fiction. Women's writing* // Taylor & Francis, 2014. — P. 425–443.
10. Massé M. A. (1990). *Gothic repetition: Husbands, horrors, and things that go bump in the night*. Signs, 15 (4), 1990. — P. 679–709.

11. Mattis A. *Gothic Interiority and Servants in Wharton's A Backward Glance and «The Lady's Maid's Bell»*. *Twentieth Century Literature*. Published By: Duke University Press. Vol. 58, № 2. 2012. — pp. 213–237.
12. Meri T. *Gender struggle in Edith Nesbit's short story "Man — size in marble" // European journal of literature and linguistics*, 2016.
13. Nesbit E. *Man-size in marble*. *Grim Tales*. Echo library, 2012. — 52 p.
14. Pulham P., Arias, R. *Haunting and spectrality in neo-Victorian fiction: Possessing the past*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. — 224p.
15. Woolf V. *Professions for women*. *Collected essays*. Vol. 2. London: The Hogarth Press Ltd, 1966. — 313 p.

BRIEF

"MAN-SIZE IN MARBLE" BY EDITH NESBIT:
PROBLEMATIZATION OF "THE NEW WOMAN"
IN THE GENRE OF GOTHIC NOVEL

Kriukova V. G.,
post-graduate student, Linguistics and literature studies,
Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The article discusses representation of the phenomenon of "the New Woman" in Edith Nesbit's gothic short story "Man-size in marble". The scope of the study is to analyze the range of gothic tropes and motifs called for indicating the victimized position of a woman in the late-*

Victorian period. The research also highlights the peculiarity of female gothic form and poetics and shows how the female image is victimized by patriarchy.

Key words: *"The New Woman"; gothic tropes; motifs; genre elements; victimization; gothic themes; patriarchy; poetics.*

Библейские аллюзии
в пьесе «В ожидании Годо»
Сэмюэля Беккета

Березуцкая К. А.,

*студентка 2 курса направления «Зарубежная филология»,
Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Жуковская А. С.,

*студентка 2 курса направления «Зарубежная филология»,
Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Научный руководитель: Николаев С. Г.,

*заведующий кафедрой английской филологии,
доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'38

Аннотация. *В статье рассматриваются библейские аллюзии, использованные в пьесе «В ожидании Годо» Сэмюэля Беккета. Предлагается характеристика главных героев и хронотопа с точки зрения связи пьесы с библейскими сюжетами. Выявляются основные свойства аллюзий, найденных в тексте.*

Ключевые слова: *драматический текст; абсурдистская пьеса; Сэмюэль Беккет; В ожидании Годо; Библия; библейская притча; скрытый смысл; аллюзия.*

”**W**aiting for Godot” created by playwright Samuel Beckett in the middle of the 20th century (September, 1952) is considered to be one of the first plays related to the Theatre of the Absurd. Absurdism is based on the belief that life is meaningless, so the theatre should not have any sense either. As an absurdist play, “Waiting for Godot” gives little attention to plot, characterization theme, and includes ideas of existentialism. Hence it completely rejects realism.

The revolutionary ideas of the play are not the only interesting feature it possesses. The later English version [hereinafter referred to as 9] is actually Beckett’s self-translation of his original French-language play *En attendant Godot*. Despite the fact that Beckett was an Irishman and his early works were written exclusively in English, he lived most of his life in France for political reasons and it was French in which he found his mature language and freedom. All things considered, Beckett’s play cannot be attributed to one language or one nation; it goes beyond one culture and covers all of the humanity that meets existentialist ideas. The play reflects the historical realities, the deep sense of loss of humanity after the Second World War. “Waiting for Godot”, born from the ashes of modernism, inaugurates the era of postmodernism, which claims that the world is endowed with chaos. The French version of the play debuted on January 5, 1953, at the Theatre de Babylone in Paris, and the English one premiered in August 1955 at the Arts Theatre in London. Afterwards, in 1969 Beckett was awarded the Nobel Prize in Literature for his revolutionary contribution to drama and literature.

The amount of criticism and number of interpretations generated by “Waiting for Godot” impresses and revolves both around the literary merits of the play and its value as a philosophical work. Being one of the most influential and enigmatic plays in the history of the theatre, “Waiting for Godot” is still

read, staged and disputed. The popularity of the play can be explained by the fact that the problems that are raised in it are still relevant and the meaning has not been determined if it exists at all. For instance, Irish critic Vivian Mercier describes it as the play in which “nothing happens twice.”

The text itself abounds in various stylistic devices. The most frequent ones are metaphors, elliptical constructions, rhetorical questions etc. However, it is allusions that best of all reveal the subtext or non-obvious details. Therefore, we are going to concentrate on them. Before analyzing their use, it is essential to define allusion itself.

The term ‘allusion’ derives from the Latin word *allusio* meaning ‘a joke’ or ‘a hint’. In *Literary Encyclopedia* the following definition of allusion can be found: a reference to a well-known statement, a fact of literary, historical, and more often political life, or to a work of fiction [8, s. 28]. Consequently, there is an important characteristic of allusion: it is to fit into the context, which is supposed to be familiar to the audience.

According to the *Great Russian Encyclopedia*, allusion is a hint of a literary text or real person or event, which is not directly pointed out [3]. Thus, among the key features of allusion is its non-obviousness for the reader.

The point is, the linguistic identity is capable of associating, that is establishing the connection between some objects, based on personal experience [17, s. 31]. According to Yu. N. Karaulov [7, s. 216], there are precedential texts, which are essential for the linguistic identity, as one perceives them either on the emotional level or on the intellectual one, from the viewpoint of the personality’s horizon. Such texts are well renowned by the wider environment, including ancestors and contemporaries. Speaking of the English written speech, it is essential to point out that the main sources of precedential texts are the Bible, folklore

plots, Greek, Roman, Celtic mythology, Shakespeare`s plays and sonnets, etc. Due to allusions, one can research the way popular plots represent author`s views. On the other hand, judging by the main patterns used in the text, one can study the author`s field of interests.

As for the play itself, it must be said that this text is deprived of categories of time and place. The reader has no idea of where the action takes place or when. Although here one can find several images, which might help the reader to find the answer. For instance, the author mentions some objects on the background: a country road, a tree, a mound, and a ditch.

Speaking of the tree, the characters give it different names: a bog, a willow, a tree. The reader`s (spectator`s) supposition is that the tree might symbolize hope for salvation. First it is mentioned in the following dialog:

Vladimir: He said by the tree. (*They look at the tree.*) Do you see any others?

Estragon: What is it?

Vladimir: I don`t know. A willow.

And then:

Estragon: Where are the leaves?

Vladimir: It must be dead.

Thus, in the beginning the tree has no leaves, it seems to be dead.

In Act II there is another image:

Vladimir: But yesterday evening it was all black and bare. And now it`s covered with leaves.

Estragon: Leaves?

Vladimir: In a single night.

Estragon: It must be the Spring.

At the end of the play the tree is covered with leaves, the characters *feel the Spring*, which has always been associated with the kingdom of heaven. Another essential feature is that the characters call the tree *a willow*. In Christianity this tree is associated with spring, joy and hope [2]. On the other hand, Vladimir and Estragon try to hang themselves on the tree. So, it might also be related to the tree on which Judas hanged himself [12]. Finally, we come to a conclusion that the symbol of a tree does not have the only meaning and can be perceived both as the tree of life and as the tree of death.

Speaking of the category of time, we must mention that the characters expect Godot to come on Saturday. According to Jing Wang [20], such choice of the day may also symbolize hope. First, Saturday is the day when man was created [6]. Then, it is Saturday when Jesus was resurrected [13]. Obviously, according to the Christian tradition, this day is associated with hope for universal salvation.

Apart from the above-said, there is another vivid image in the text. The already mentioned country road gives an important clue about the place. It may be assumed that, if the road and its hikers Pozzo and Lucky can be associated with movement, Estragon and Vladimir symbolise lack of motion. They seem to be stuck near the tree; however, the characters long for a journey. They make numerous attempts to start it throughout the play:

Estragon: Charming spot. (*He turns, advances to front, halts facing auditorium.*) Inspiring prospects. (*He turns to Vladimir.*)
Let's go.

Vladimir: We can't.

Estragon: Why not?

Vladimir: We're "Waiting for Godot".

This circle is endless, as in the very end of the play they still endeavor to leave:

Vladimir: Well? Shall we go?

Estragon: Yes, let's go.

They do not move.

Curtain.

Thus, all the attempts to move are in vain.

Another important characteristic of the play is its timelessness. The characters cannot remember the exact day they were going to meet Godot:

Vladimir: He said Saturday. (*Pause.*) I think.

Estragon: You think.

Vladimir: I must have made a note of it. (He fumbles in his pockets, bursting with miscellaneous rubbish.)

Estragon: (*very insidious*). But what Saturday? And is it Saturday? Is it not rather Sunday? (*Pause.*) Or Monday? (*Pause.*) Or Friday?

They even have no idea what time of the day it is:

Pozzo: What time is it?

Vladimir: (*inspecting the sky*). Seven o'clock... eight o'clock...

Estragon: That depends what time of year it is.

Pozzo: Is it evening?

Silence. Vladimir and Estragon scrutinize the sunset.

Estragon: It's rising.

Vladimir: Impossible.

Estragon: Perhaps it's the dawn.

Categories of the past, present and future also do not exist:

Estragon: We came here yesterday.

Vladimir: Ah no, there you're mistaken.

Estragon: What did we do yesterday?

Vladimir: What did we do yesterday?

Estragon: Yes.

Vladimir: Why... (*Angrily*.) Nothing is certain when you're about.

Taking into consideration the fact that the characters have no right to leave the place and the reader or spectator knows nothing about the time when it all happens, we can come to a conclusion that they are stuck between two worlds: the Earth and the kingdom of heaven. According to the Christian tradition, after its death a soul waits until it is decided whether it will be placed in hell or in heaven [4]. There is no certain answer; however, pointless waiting, which forms the basis of the play, can be explained in this way with the help of the Bible.

This point can be confirmed by a biblical parable of the Marriage Feast, which was provided in the article written by Natalia E. Mikeladze [15]. According to this parable, a king sent his servants to invite some guests to a wedding banquet of his son. The guests refused to come, some of them even killed the king's servants. In response the king burned the city of the murderers. Then the king decided to invite any people standing on the crossroads. Finally, the wedding hall was full of guests, however, one of them did not wear wedding clothes. The king ordered: "Tie him hand and foot, and throw him outside, into the darkness, where there will be weeping and gnashing of teeth. For many are invited, but few are chosen" [11].

If one compares the parable to the plot of the play, one can find more or less similar patterns. First of all, as it has been mentioned above, the brightest symbol of the play is a road, near which the characters are "Waiting for Godot" to come and take them to his "kingdom". Secondly, the characters, especially Vladimir, pay too much attention to the way they look and behave.

For instance, Vladimir does not allow himself to smile or laugh:

Vladimir breaks into a hearty laugh which he immediately stifles, his hand pressed to his pubis, his face contorted.

Vladimir: One daren't even laugh any more.

Estragon: Dreadful privation.

At the same time Estragon worries about the way they look:

Estragon: (*pointing*). You might button it all the same.

Vladimir: (*stooping*). True. (*He buttons his fly.*) Never neglect the little things of life.

All these funny moments can be compared with the requirement of the king to wear wedding dresses. Obviously, speaking about the kingdom of heaven, one means moral beauty, but the characters understand it literally.

Thus, speaking of the categories of time and place, it is worth mentioning that the characters seem to be stuck both in time and in place. However, we come to a conclusion that some Christian allusions in the play can either give or deprive the reader of hope for characters' salvation and happiness.

As for the characters of the play, Beckett emphasizes the considerable difference between Vladimir and Estragon. Vladimir is more spiritual than Estragon: he reflects on religious and philosophical issues. Estragon is only concerned about what he can eat and how to relieve his physical pain, all his needs are down-to-earth. Therefore, the salient detail of Vladimir's image is his hat and Estragon's his boots. Vladimir knows the Bible and the Gospels well while Estragon does not remember whether he has even read it:

Vladimir: Did you ever read the Bible?

Estragon: The Bible... (*He reflects.*) I must have taken a look at it.

Vladimir: Do you remember the Gospels?

Estragon: I remember the maps of the Holy Land. Coloured they were. Very pretty. The Dead Sea was pale blue. The very look of it made me thirsty. That's where we'll go, I used to say, that's where we'll go for our honeymoon. We'll swim. We'll be happy.

It is important to note that *Estragon*'s name comes from the French word "tarragon", the plant which serves in the Bible as a symbol of straying, distancing from God. *Estragon* is not committed to "Waiting for Godot" and repeatedly suggests leaving. It is Vladimir who makes him stay and keeps him awake reminding him of their purpose. It seems to us that the fact that *Estragon* twice falls asleep in the play is an important detail as it can be the reference to the Gospel of Luke: "... Keep your shirts on; keep the lights on! Be like house servants waiting for their master to come back from his honeymoon, awake and ready to open the door when he arrives and knocks. Lucky the servants whom the master finds on watch" [10]. *Estragon* is not as devout as Vladimir that might suggest different outcomes of their lives.

As mentioned by Natalia Mikeladze [15], there is the biblical proverb "Hope deferred makes the heart sick, but desire fulfilled is a tree of life..." [18] in the play. Vladimir inaccurately quotes this parable (its first part) having heard of the "last moment" and can't remember "who said it". Vladimir forebodes "the coming" that makes him feel "relieved" and "appalled" at the same time and concludes that nothing to be done. We believe that this episode introduces the motif of the Day of Judgment and the coming of the Kingdom of God.

It is possible to predict the presence of apocalyptic references already in the title of the play. This is not only the mysterious name of the title character, "reminding" of God, but also the expectation of the Epiphany itself. Vladimir and *Estragon*, in fact, do not know why they are "Waiting for Godot". They simply believe in his coming, believe that he is able to change their lives

and give them a meaning. In the Gospels Jesus replied: “It is not for you to know times or seasons that the Father has fixed by His own authority” [1]. This explains the reason why the characters hesitate about the precise day of His coming. What concerns the Day of Judgment and the Second Coming, it should be mentioned that these events are preceded by a number of omens; one of them is the advent of antichrist that be symbolized by Pozzo in the play.

First of all, Pozzo`s arrival in anticipation of Godot coming disappoints the expectations of the characters and makes them take him for Godot for a moment. It reminds of the antichrist whose function is to impersonate Christ and take control over people`s minds by the means of deception. Hence, there is another coincidence: Pozzo is imbued with the power over Lucky. He fully controls his mind and makes him do whatever he wants against his will. Our idea is that the bone which Pozzo gives to Lucky and Estragon is another symbol in the play. According to Holly Scriptures, a person who does not obey antichrist will not be able to have any benefits [16]. In other words, the earth will cease to give birth, there will be devastation everywhere and a person will have a choice — to worship the beast and get food or hope for the help of the Lord. It is noteworthy that Vladimir does not take the bone.

Taking all the above-mentioned suggestions into consideration, we can suppose that Lucky represents human beings carrying a heavy burden without even being asked to. The significant detail that Lucky cannot think without his hat may mean that people cannot think independently as well as distinguish between good and bad and expose antichrist.

When Beckett was asked why Lucky was so named [5, s. 407], he replied that he is lucky because he doesn`t have expectations anymore. This makes the difference between him and Vladi-

mir with Estragon. These two have a hope as the reference to the parable of two thieves from the Bible implies:

Vladimir: <...> One of the thieves was saved. (*Pause.*) It's a reasonable percentage.

There are still grounds for hope for Vladimir and Estragon considering that they are able to feel compassion for Lucky and love each other in their own way:

Vladimir: (*stutteringly resolute*). To treat a man... (*gesture towards Lucky*) ... like that... I think that... no... a human being... no... it's a scandal!

Being often asked about the theme of "Waiting for Godot" [19, s. 9], Beckett quoted St. Augustine, who urged not to lose hope. One of the thieves was saved, it is not necessary to take into account that one was convicted. The reward depends not on human merit, but on the grace of God. Beckett's characters hope for Lord's mercy being brought to divine justice and await for it:

Vladimir: <...> We have kept our appointment and that's an end to that. We are not saints, but we have kept our appointment. How many people can boast as much?

To conclude, we would like to mention that this text abounds in different types of allusions. Nevertheless, all main categories of the play refer to the Bible — starting with the chronotope and ending with the names of the main characters. Hence it is the Bible that helps the reader or spectator make their own interpretation of the text.

Developing the topic, we also would like to point out that the allusions in the text show heterogeneity. Some part of them point out at a particular Biblical plot, while the others are polysemantic and create several layers of the text. Samuel Beckett's play ques-

tions many biblical postulates. Absurd and meaningless episodes contradict each other in some ways and have different interpretations that express the modernist line in the text. Consequently, Samuel Beckett did not give the only answer to the reader or spectator; understanding and interpretation of the play and its hidden senses is in fact a matter of everyone`s choice and/or horizon.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Acts 1:7. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=acts+1%3A7&version=NIV> (data obrashcheniya: 16.02.2022).*
2. *Bible plants. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ww2.odu.edu/~lmusselm/plant/bible> (data obrashcheniya: 11.02.2022).*
3. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1814073>. (data obrashcheniya: 30.01.2022).*
4. *Conversation between Abba Macarios and an Angel of the Lord. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.orthodoxpath.org/spiritual-life/conversation-abba-macarios-angel-lord/> (data obrashcheniya: 12.02.2022).*
5. *Duckworth, C., The Making of Godot. Quoted in Bair 1990.– 407 s.*
6. *Genesis 1:1–31. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://biblia.com/bible/esv/genesis/1> (data obrashcheniya: 15.02.2022).*
7. *Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk I yazykovaya lichnost' /Yu. N. Karaulov. M.: LKI, 2010. — 264 s.*
8. *Literaturnaya enciklopediya terminov I ponyatij/edited by A. N. Nikolyukin — Moscow: Intelvak, 2001. — 799s.*
9. *Lib.ru: Maksim Moshkov`s library: URL: http://www.lib.ru/PXESY/BEKETT/godo_engl.txt_with-big-pictures.html (data obrashcheniya: 06.02.2022).*

10. Luke 12:37. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Luke+12%3A37&version=NIV> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
11. Matthew 22:13. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Matthew%2027%3A1-10&version=NIV> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
12. Matthew 27:1-10. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Matthew%2027%3A1-10&version=NIV> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
13. Matthew 28:1-10. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Matthew+28%3A+1-10&version=NIV> (data obrashcheniya: 14.02.2022).
14. Mercier, V., «The Uneventful Event» in *The Irish Times*, 18 February 1956.
15. Mikeladze, N. E. *Three Parables of the Kingdom of Heaven in Samuel Beckett's "Waiting for Godot"*. 2011. № 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/1534> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
16. *New Testament. Catholic Encyclopedia*. 1912. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.catholic.com/encyclopedia/new-testament> (data obrashcheniya: 16.02.2022).
17. Petrochenko, L. A. *The cognitive foundations of allusion generating progress (Data of English)/L. A. Petrochenko, A. B. Tsyrenova // TSPU Bulletin*. 2013. № 3 (131). 31–36 s.
18. Proverbs 13:12. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=proverbs+13%3A12&version=NIV> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
19. *Samuel Beckett: a study of his dramatic technique / Khalid Rifat Hussien Aluda Yu // Department of English Aligarh Muslim University Aligarh (India)*. 1996. — 9 s. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/144515693.pdf> (data obrashcheniya: 16.02.2022).
20. *The Religious Meaning in "Waiting for Godot"/Jing Wang // English Language Teaching*. 2011. № 1. — URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1080326.pdf> (data obrashcheniya: 11.02.2022).

BRIEF

BIBLICAL ALLUSIONS «IN WAITING FOR GODOT»

BY SAMUEL BECKETT

Berezutskaya K. A.,

*Bachelor`s degree student, the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Zhukovskaya A. S.,

*Bachelor`s degree student, the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Academic Supervisor: Nikolaev Sergey G.,

*Chairperson of the English Philology Department, Institute of Philology,
Journalism and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University,
Doctor of Letters, Professor, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *The absurdist play Waiting for Godot written by Samuel Beckett abounds in Biblical allusions, which help the reader or spectator understand the idea of the play better. Most of these stylistic devices are heterogenous and can be interpreted in different ways. The authors` hypothesis is that allusion is one of the major devices used by Beckett to enhance the text by providing further meaning.*

Key words: *dramatic text; absurdist play; Samuel Beckett; Waiting for Godot; the Bible; Biblical parable; hidden sense; allusion.*

Корреляция официального и неофициального лексических пластов в англоязычной профессиональной коммуникации: постановка проблемы в лингвистике

Хнаева В. А.,

*магистрант кафедры «Русский язык как иностранный
в кросс-культурном пространстве» Института филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Научный руководитель: Николаев С. Г.,

*заведующий кафедрой английской филологии,
доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'26

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности взаимодействия языковых единиц, с одной стороны, входящих в состав неофициального, а, с другой — официального лексических пластов сферы англоязычной профессиональной коммуникации. Определяется значимость научно-популярной литературы в коммуникативном пространстве. В статье также описаны основные способы обновления лексического репертуара языка. Выявлен ряд проблем, стоящих перед современной лингвистикой в контексте исследуемой проблематики.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация; термин; номенклатурное обозначение; аббревиация; профессионализм; сленг; жаргон; лексическая единица; английский язык; неологизация дискурса; архаизация дискурса.

Введение

Язык является живым, постоянно развивающимся и преобразующимся организмом. Лексический состав языка наиболее подвижен, так как между лексическими единицами происходит непрерывное взаимодействие.

Лексика любой сферы деятельности делится на единицы, относящиеся к официальному или неофициальному стилям речи. В зависимости от речевой ситуации, цели коммуникации и статуса реципиента оратор обращается к словам профессиональной терминологии или к номинациям повседневного непрофессионального общения.

Так, медицина представляет собой условно-закрытую сферу обслуживания, в которой большинство лексических единиц являются терминологическими номинациями. При этом представители данной области вступают в коммуникацию как с носителями узконаправленных знаний с очевидно специализированной терминологической базой, так и с людьми, не сведущими в данной сфере. В процессе профессиональной коммуникации используются жаргонизмы, сленг и специальная медицинская лексика (термины). На данном этапе изучения лексикологии как системы, состоящей из особым образом организованных языковых единиц, отсутствуют единые структурно оформленные тезаурусы, предназначенные для адекватного понимания как специальной, так и неспециальной лексической базы языка.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью процесса корреляции официального и неофициального лексических пластов. Использование в речи профессиональной лексики характерно для представителей любой сферы обслуживания. Однако терминологическая база закрытых групп зачастую затрагивает и те слои населения, которые изначально не ориентируются досконально в данной теме, но при этом, однако, вовлечены в сферу общения, читают научно-популярную литературу и, соответственно, сталкиваются с проблемой понимания лексики и с трудностями при подборе нетерминологической единицы для обозначения специальной лексики.

Объектом исследования выступают языковые единицы официального и неофициального лексических пластов в англоязычной профессиональной коммуникации.

Сегодня большое распространение получили тексты научно-популярной литературы, включающие как академическую, так и бытовую лексику. Характерной особенностью научно-популярной литературы также является наличие в тексте эмоционально-окрашенных элементов и субъективной авторской модальности, терминологическая база языка употребляется с меньшей частотой, чем в собственно научных текстах. В основе научно-популярного текста, однако, всегда лежат конкретные научные факты. Соответственно, в процессе восприятия научно-популярной литературы любой тематики мы сталкиваемся как с узкоспециальными, так и общеупотребительными языковыми единицами. Научно-популярная литература обладает неоспоримой социально-культурной значимостью: благодаря ей процессы и понятия, рассматриваемые в научном дискурсе, становятся доступными большему количеству реципиентов. Причина такой значимости заключается в том, что научно-популярная лите-

ратура нацелена не только на непосредственных участников профессиональной коммуникации в определенной научной сфере, но и на людей, не принадлежащих к данной сфере.

Таким образом, именно коммуникативно-прагматические и лексические особенности взаимодействия узкоспециализированных и общеупотребительных языковых единиц являются *предметом* исследования. Использование в процессе коммуникации номинаций, принадлежащих к различным пластам лексики, способствует возникновению между ними динамических отношений.

Взаимодействие между единицами официальной и неофициальной лексики происходит в рамках определенных векторов и осуществляется как при непосредственном общении представителей различных профессиональных областей, так и посредством чтения научно-популярной литературы.

Рассматриваемое в работе явление мало изучено современной лексикологией. Анализ процесса корреляции лексических пластов, как неотъемлемого феномена лексикологии, представляет интерес, так как данное взаимодействие свойственно профессиональной коммуникации. С целью выявления способов протекания процессов взаимодействия необходимо четко отграничить друг от друга единицы официальной и неофициальной лексики.

Дефиниции базовых понятий

Основу официально-делового стиля речи английского языка составляют терминологические лексические единицы. Помимо специальных терминов, в словоупотребительную базу официального стиля речи входят номенклатурные обозначения, аббревиатуры и профессионализмы, которые

используются для обозначения действий, предметов или явлений, связанных с конкретной сферой деятельности говорящего [3, с. 15–431].

Согласно исследованию Р. К. Боженковой, для официально-делового стиля речи характерна своеобразная лексика, отличающаяся конкретностью значения и точностью передачи информации, значение которой, как правило, не связано с контекстом. Следует отметить, что у слов, относящихся к официальному лексическому пласту, ярко выражена функционально-стилистическая окраска, отсутствуют эмоциональная окрашенность и личностно-ориентированность, что не наблюдается среди языковых единиц других стилей речи [1, с. 401].

Терминами являются особые слова, обладающие рядом отличительных характеристик. Так, к терминологической базе языка относят лексику, которая соответствует следующим критериям: специфичность употребления, содержательная точность, дефинированность, независимость от контекста, однозначность, конвенциональность, номинативность, воспроизводимость в речи, полноточность, краткость, соответствие нормам языка [2, с. 20–35]. В качестве примера терминологической базы английского языка можно привести специфичную, узконаправленную медицинскую терминологию: термины, используемые для обозначения болезней (англ. *influenza* — инфлюэнца; англ. *varicella* — варицелла), и те, которые выступают в качестве номинаций органов человека (англ. *intestine* — кишечник; русск. *соха* — тазобедренная кость).

Номенклатурные обозначения представлены в языке совокупностью или перечнем употребляемых в какой-либо специальности названий. Отличительной чертой номинаций данной группы является общность. Исходя

из определения, представленного в словаре “Merriam-Webster”, номенклатура — это система наименований явлений, используемая в науке (“nomenclature — is a system of names for things especially in science; the act or process or an instance of naming”) [10]. Соответственно, разница между терминологическими и номенклатурными единицами заключается в том, что терминами являются слова, обозначающие конкретные научные факты или явления, имеющие точные дефиниции. Наиболее часто номенклатурные обозначения встречаются при работе с естественно-научной литературой, в связи с чем международной неправительственной организацией в области химии (IUPAC) была разработана номенклатура для неорганической химии (“Nomenclature of Inorganic Chemistry”), где подробно описаны все известные в области неорганической химии номенклатурные обозначения [IUPAC, 2005].

Аббревиатуры в лексикологии выступают в качестве существительных, образованных из усеченных отрезков слов или из отрезков в сочетании с целым словом, а также из начальных звуков или букв названий явлений или предметов: UNESCO (United Nations Education and Science Organization) [6, p. 90–95, 298].

Вопрос о выделении профессионализмов в отдельную группу слов всё еще является спорным. Так, например, Н. М. Шанский утверждает, что профессионализмы являются подгруппой терминов, в то время как З. И. Комарова и К. Я. Авербух считают профессионализмами независимую лексику. В данной работе мы придерживаемся мнения о том, что профессионализмы относятся к пласту официальной лексики, а также являются самостоятельными языковыми единицами, отличными от терминов. Различие между терминами и профессионализмами состоит в том, что термины

закреплены в словарях, являются общепринятыми языковыми единицами. В то время как профессионализмы не относятся к классу широко распространенных языковых номинаций, стилистически нейтральны в сознании представителей конкретных профессий, не закреплены в тезаурусах [4, с. 1246–1250].

Неофициальный стиль речи отражается в языке через сленг и жаргонизмы. Словоупотребительная база этого пласта лексики отличается разговорно-бытовым характером употребления, наличием эмотивности и стремлением к упрощению [1, с. 403–407].

Существует несколько подходов к проблеме дефиниции сленга. С позиций лингвистики американскими учеными сленг трактуется как бытовая лексика, используемая в несвойственных ей значениях, или как такая небытупотребительная лексика, которой приписывается общеупотребительное значение (“the use of ordinary words in extraordinary senses or of extraordinary words in ordinary senses”) [9, р. 33]. Кроме того, сленг отличается от официальной лексики как своими морфологическими, так и семантическими признаками. В морфологии сленговые единицы характеризуются неподчинением стандартным правилам словообразования, а в семантике сленговые выражения выступают как новые номинации.

В свою очередь такие американские лингвисты, как П. Манро и К. Эбл, рассматривают сленг как социальное, а не лингвистическое явление, являющееся средством идентификации представителей каких-либо социальных групп (см. об этом в работе E. Mattiello “An Introduction to English Slang”, р. 31). Например, морской сленг (“buffer” — помощник боцмана), медицинский сленг (“appy” — аппендицит), сленг подростков (“to be shantched” — быть ошеломительным).

Согласно стилистическому подходу, к сленговой лексике относят стилистически сниженные слова неофициального лексического пласта, которые используются в непристужном общении (“... it is below standard discourse and the neutral stylistic level, and typical of informal, relaxed speech”) [9, p. 31–39].

Исходя из вышесказанного под сленгом следует подразумевать стилистически маркированные слова неофициального раздела лексики, отличающиеся семантической и морфологической структурой от других языковых единиц, обозначающие либо новое социальное явление, либо называющие по-новому уже существующие вещи.

Жаргонизмы — это особая группа слов, которая используется представителями конкретных социальных групп в определенных условиях. Люди, не имеющие отношения к этой отрасли, как правило, не в состоянии понять используемый жаргон, поскольку такого рода слова либо являются малоизвестными, либо имеют определения, отличные от обычного употребления этого слова [8, p. 176]. Жаргон используется для обеспечения наиболее эффективного общения между членами определенной общности или для демонстрации собственной принадлежности к какой-либо социальной касте. Например, музыканты для обозначения органа используют в речи жаргонизм “goodbox” [8, p. 178]. Сленг отличается от жаргона отсутствием престижа и претенциозностью [9, p. 36–40].

Постановка проблемы в лингвистике

Неологизация лексического запаса языка — сложный и длительный процесс, который происходит путем заимствования иностранных слов, а также в процессе взаимо-

действия официального и неофициального языковых пластов. В ходе коммуникации представители различных профессиональных групп обмениваются опытом, заимствуют лексику друг у друга. Так, например, в медицинском сленге слово “watch” имеет значение «дежурство врача», в то время как для представителей морских профессий сленговое выражение “to be on watch” переводится как «нести вахту», а значение «быть на дежурстве» передается словосочетанием “to be on duty”. В свою очередь в обиходной лексике данным словом обозначают такую реалию, как часы.

Словарный состав языка расширяется не только путем перехода лексических единиц из одной сферы деятельности людей в другую, но и в процессе корреляции номинаций официального и неофициального уровней языка в рамках одной профессиональной группы. Например, в рамках медицины инфлюэнца — вирусная инфекция дыхательных путей, обычно вызывающая лихорадку, головную боль, мышечную боль и слабость (“influenza” — viral infection of the respiratory tract (air passages), typically causing fever, headache, muscle ache, and weakness) [7, p. 308]. “Influenza” — термин, которые используют врачи для обозначения гриппа. Этимология слова “influenza”: от латинского “influentia” — влияние. В основе данного обозначения лежит миф о том, что причиной эпидемий было влияние звезд на людей [11]. Слово “flu” является общеупотребительным термином, используемым для обозначения инфлюэнцы “influenza” (“flu” — is popularly known definition of “influenza”) [7, p. 308]. Номинация “flu” принадлежит к сленгу и представляет собой сокращение полного терминологического наименования заболевания.

Помимо вышеперечисленных процессов, существует также архаизация языковых единиц. В этом случае конкрет-

ная номинация перестает существовать либо вовсе, либо переходит в пассивный состав языка, либо остается в языке только в качестве единицы официальной или неофициальной лексики.

Таким образом, на основе анализа корреляции официального и неофициального лексических пластов в англоязычной профессиональной коммуникации можно выявить следующие проблемы, существующие в современной лингвистике, которые необходимо решить:

1. Рассмотреть особенности англоязычного профессионального дискурса.
2. Определить критерии, согласно которым происходит взаимодействие между пластами лексики англоязычной профессиональной коммуникации.
3. Выявить векторы, на основании которых происходит взаимная динамика между лексическими пластами.
4. Выявить способы образования новых лексических единиц путем неологизации и архаизации дискурса.
5. Рассмотреть и ликвидировать недостатки, возникающие при формировании специализированных тезаурусов.

Вывод

Очевидно наличие разнообразных связей между официальными и общеупотребительными языковыми единицами, которое выражается в процессе профессионального общения. На данном этапе развития современной лингвистики как науки актуальным является решение ряда проблем по данной тематике, так как представители закрытых групп не только обмениваются информацией между собой, но и находятся в постоянном контакте с обывателями. К тому же, развивается жанр научно-популярной литературы, что вы-

нуждает пользователей обращаться к лексикографическим словарям с целью уточнения значения специализированных номинаций. Соответственно, необходимо создание новых тезаурусов, охватывающих лексику всех пластов языка.

Решение вышеупомянутых проблем обеспечит возможность беспрепятственного общения между представителями различных социальных групп, а также развитие нового этапа в истории лексикографии.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование может способствовать дальнейшей разработке теории взаимодействия лексических пластов. Работа вносит определенный вклад в развитие вопроса о неологизации и архаизации дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Боженкова Р. К. Русский язык и культура речи / Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова, В. М. Шаклеин. М.: Флинта, Наука, 2011. 600 с.*
2. *Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Академия, 2008. 309 с.*
3. *Гальперин А. И. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 431 с.*
4. *Машакаева Э. М. «Термин» и «профессионализм». Наука ЮУрГУ. [Электронный ресурс]: материалы 66-й науч. конф. проф.-препод. состава, аспирантов и сотрудников/отв. за вып. С. Д. Ваулин; Юж.-Урал. гос. ун-т; ЮУрГУ. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2014. 1246–1250 с.*
5. *Connelly N. G., Hartshorn R. M., Damhus T., Hutton A. T. Nomenclature of Inorganic Chemistry / International Union of Pure and Applied Chemistry. RSC Publishing, 2005. P. 377.*

6. Galperin I. R. *Stylistics*. M.: Higher School, 1977. P. 313.
7. *Illustrated Medical Dictionary/the British Medical Association*. A Dorling Kindersley Book, 2nd ed., 2013. P. 608.
8. Mario P. *The story of Language*. N. Y.: J. B. Lippincott Company, 1949. P. 492.
9. Mattiello E. *An Introduction to English Slang*. Polimetrica: International Scientific Publisher, 2008. P. 324.
10. Merriam-Webster [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/nomenclature> (дата обращения: 23.01.2022).
11. Merriam-Webster [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/influenza> (дата обращения: 25.01.2022).

BRIEF

CORRELATION BETWEEN THE INFORMAL
AND FORMAL LEXICAL LAYERS
IN PROFESSIONAL ENGLISH-LANGUAGE COMMUNICATION:
PROBLEM STATEMENT IN LINGUISTICS

Khnaeva V. A.,

*Master's Degree Student of the Russian Language
for Foreign Students Department, Institute of Philology, Journalism
and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Academic Supervisor: Nikolaev S. G.,
*Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Professor,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *The article discusses the peculiarities of the language units that constitute the informal and formal lexical layers of the professional interaction in English. The significance of the science fiction in the communicative space is identified. The leading principles of the language stock renovation are described in the article. A number of problems in contemporary linguistics on the presented topic are revealed.*

Key words: *professional interaction; term; nomenclature; abbreviation; professionalism; slang; jargon; lexical units; English language; neologization; archaization.*

Структурно-семантические особенности английских терминологических словосочетаний сферы бизнеса

Филимонова Я. В.,

*студентка 4 курса направления «Зарубежная филология»,
Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Научный руководитель: Моргунова М. Н.,

*доцент кафедры английской филологии, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, кандидат филологических наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'373

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические основы образования английских терминологических словосочетаний и выявляются структурно-семантические особенности данных сочетаний в сфере бизнеса. Особое внимание уделяется рассмотрению наиболее продуктивных моделей и способов образования терминов-словосочетаний в данной профессиональной области.*

Ключевые слова: *терминологическое словосочетание; бизнес; терминология; терминосистема.*

В современной лингвистике ученые всё чаще обращаются к изучению терминосистем различных профессиональных областей, а также отраслей науки и тех-

ники. Во-первых, данное явление связано со стремительным прогрессом в различных научных областях, новейших технологиях, экономических и политических взаимоотношениях и других сферах, что приводит к интенсивному развитию терминологий. Нам представляется интересным обратить внимание на изучение терминосистемы сферы бизнеса, так как в последнее время большую значимость приобретают знания делового английского, необходимые для общения предпринимателей, специалистов и сотрудников международных компаний. Несомненным является тот факт, что международное сотрудничество бизнесменов привело к значительному расширению терминологии бизнеса, которая в современном английском языке имеет свои особенности.

Исследованиям терминологии были посвящены работы А. А. Реформатского (1939), Т. Сейвори (1953), Г. О. Винокура (1959), Д. С. Лотте (1961), В. П. Даниленко (1977), Б. Н. Головина (1987), М. Н. Моргуновой (2003), К. Я. Авербуха (2006), С. В. Гринев-Гриневича (2008), А. В. Суперанской (2008), В. М. Лейчика (2009), С. Д. Шелова (2018) и др.

Термины, являющиеся составляющими специальных терминосистем [10, с. 17–19], представляют собой названия понятий из области науки, техники, искусства и т. д. и имеют ряд особенностей: системность, наличие дефиниции, стремление к однозначности, семантическую точность, относительную самостоятельность в контексте, стилистическую нейтральность, свойственность научному стилю и др.

В зависимости от исследуемой научной сферы лингвисты, занимающиеся изучением терминологии, предлагают различные варианты классификации терминов (В. П. Даниленко (1977), А. В. Суперанская (1989, 2009), С. В. Гринев-Гриневич (2008), В. М. Лейчик (2009), Н. В. Васильева (2012) и др.). Но несмотря на различие наименований,

все терминоведы говорят о наличии двух больших групп — термины, состоящие из одного слова, и термины, состоящие из двух и более слов (терминологические сочетания или термины-словосочетания). В данной работе мы остановимся на рассмотрении именно терминологических сочетаний.

Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что ученые отмечают значительный рост терминологических словосочетаний, вызванный рядом причин. Во-первых, усовершенствования в процессе производства, потребления, распределения и обмена товаров или услуг требуют более точных наименований. Следовательно, мы можем наблюдать усложнение понятийного аппарата сферы бизнеса за счет терминов, включающих дополнительные компоненты и позволяющих более детально представить вышеперечисленные процессы. Во-вторых, изучение терминологических сочетаний позволяет лучше понять направления развития современных терминосистем, а также выявить особенности структуры и семантики сложных терминологических соединений, функционирующих в рамках терминологий отдельных сфер.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании структурно-семантических особенностей терминологических сочетаний английского языка в сфере бизнеса. Достижение поставленной цели предполагает реализацию следующих **задач**:

- 1) рассмотреть, что представляет собой терминологическое сочетание;
- 2) выявить способы и средства, участвующие при терминологической номинации, а также выявить структурную организацию терминологических сочетаний;
- 3) раскрыть семантические особенности, которые прослеживаются при образовании терминологических сочетаний предпринимательской деятельности.

Объектом нашего исследования выступают английские терминологические словосочетания сферы бизнеса. **Предмет** исследования составляют структурно-семантические особенности терминов-словосочетаний данной профессиональной области.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования используются общенаучные и собственно лингвистические **методы** и **приемы**: описательный, метод компонентного анализа, концептуальный, метод лингвистического моделирования, метод сплошной выборки.

Рамки данного исследования, его цель и основные задачи непосредственно определили выбор фактического материала данной работы, источниками которого являются примеры терминологических сочетаний из словарей “Longman Business English Dictionary” (2000), “Cambridge Business English Dictionary” (2011), полученные методом сплошной выборки (200 терминологических словосочетаний).

Под терминологическим сочетанием мы понимаем устойчивые словосочетания, состоящие из двух и более полнозначных компонентов [9, с. 62]. Стоит отметить, что такие сочетания являются раздельно оформленными и семантически целостными.

Пополнение словарного состава бизнес-сферы терминологическими словосочетаниями происходит путем синтаксического способа. Данный способ заключается в превращении свободных словосочетаний в «эквиваленты слов» [9, с. 135–136].

Следовательно, нам представляется интересным проанализировать отобранные примеры англоязычных терминов-словосочетаний сферы бизнеса, классифицировать их по количеству компонентов и изучить их морфологическую структуру.

Термины-словосочетания по структуре могут быть двухкомпонентными (*authorized capital; stock market; financial reporting; industrial property; taxable profit; etc.*) и многокомпонентными (три и более компонента) (*private limited partnership; business property lease agreement; earnings before interest, depreciation, tax and amortization, etc.*).

При этом общей тенденцией терминологических сочетаний является объединение компонентов вокруг существительного, выступающего в качестве опорного слова. Составляющие терминологических сочетаний вступают в атрибутивную связь, то есть связь между словом со значением предмета/процесса/явления (опорный элемент) и словом, выступающим в роли определения этого предмета/процесса/явления (атрибутивный элемент). Опорный компонент таких терминов обычно находится в конце, иными словами, после определяющего (их) компонента.

Наиболее обширной является группа терминологических словосочетаний, которая состоит из двух компонентов. Атрибутивность в английских терминах-словосочетаниях, состоящих из двух компонентов, может включать различные типы, которые основываются на формальной выраженности определяющего элемента. Так, мы можем выделить следующие модели: N + N (*currency note, daughter company, feasibility study, consumption expenditures, etc.*); Adj + N (*natural monopoly, dry goods, agricultural co-operative, middle market, national wealth, etc.*); Part.I + N (*underlying loan, landing fees, trading estate, building lease, closing stock, etc.*); N + G (*majority shareholding, pyramid selling, export factoring, offshore banking, factory farming, etc.*).

В трехкомпонентных терминах-словосочетаниях атрибутивные связи выражаются следующими моделями: N + N + N (*business class fare, employee stock option, human resources*

development, etc.); Adj + N + N (*domestic credit expansion, chief information officer, advance purchase fare, etc.*); Part.II + N + N (*deferred interest security, accelerated capital allowance, distributed control system, etc.*); Part.I + N + N (*purchasing power parity; reducing balance method, billing address information, etc.*); N + Adj + N (*export financial corporation, state industrial directory, etc.*); N + Part.I + N (*precision engineering industry, option pricing theory, etc.*); N + Part.II + N (*computer integrated business, net earned premium, etc.*); N + Prep + N (*statute of limitations, bill of lading, cash on deliver, provision on depletion, etc.*).

В собранных нами примерах термины, состоящие из четырех компонентов, структурно оформлены по следующим моделям: N + N + N + N (*employee stock ownership plan, business owner's insurance policy, etc.*); Adj + N + N + N (*equal employment opportunity commission, adjustable interest rate loan, etc.*); Part. II + N + N + N (*accumulated balance audit trail, etc.*); N + Prep + N + N (*disturbance of market conditions, department of export sales, etc.*); N + N + Prep + N (*exit strategy of investment, etc.*); N + Conj. + N + N (*asset and liability reserves, escalation and control processes, dividend and interest reserve, etc.*); N + Part. II + N + N (*standard generalized markup language, etc.*).

Примеры терминов, включающие пять и более компонентов, в сфере бизнеса существуют, но их количество незначительно. Данный факт мы можем объяснить тем, что такие терминологические словосочетания достаточно трудно воспринимать, так как они громоздки по своей структуре и имеют смысловую перегруженность.

Анализ примеров показывает то, что многокомпонентные термины также базируются на исходных двухкомпонентных. Сначала к исходному терминологическому словосочетанию добавляется атрибутивный элемент, и термин становится трехкомпонентным, затем четырех-

компонентным и т. д. Более того, термины-словосочетания, включающие три и более компонентов, часто используются в форме аббревиатур (*public sector borrowing requirement* → *PSBR*; *common agricultural policy* → *CAP*; *constant elasticity of substitution* → *CES*; *employee retirement income security act* → *ERISA*; *government national mortgage association* → *GNMA* и др.) для сокращения и компрессии устного сообщения/текста и повышения его информативности.

Таким образом, синтаксический способ терминологической номинации помогает максимально отразить главные признаки функционирующего или вновь созданного понятия. Наиболее распространенной группой являются двухкомпонентные термины-словосочетания, так как сочетания, включающие в себя три и более компонента, базируются на их основе, более детально уточняя исходный элемент.

Одним из продуктивных и активных способов терминообразования является семантический способ номинации в терминологии. Семантический способ является одним из первых словообразовательных приемов создания терминологических сочетаний. Семантических принципов номинации касались в своих исследованиях Д. С. Лотте (1961), Т. Л. Канде-лаки (1977), А. А. Брагина (1981), С. Д. Шелов (1984), Л. Б. Ткачева (1987), А. В. Суперанская (1989, 2009) и др.

Для установления семантических особенностей терминологических словосочетаний нужно классифицировать данные единицы по типу смысловых отношений между компонентами, включенными в их состав. Стоит заметить, что термины именуют специальные понятия, и их специфика не должна быть лишена своей целостности, какими бы способами не передавалось содержание [10, с. 35]. В сфере бизнеса мы можем разделить по данному признаку терминологические сочетания на следующие группы:

1. Связные сочетания — в состав этих терминологических словосочетаний могут включаться компоненты, которые, взятые по отдельности, могут и не являться терминами. В терминологии бизнеса мы встречаем большое количество примеров таких терминов-словосочетаний. К примеру, в терминологическом сочетании *'smokestack industry'* (традиционная промышленность (напр., черная металлургия); устаревшая промышленность) первый компонент *'smokestack'* (дымовая труба) является общелитературной лексической единицей и в отдельности не имеет специального значения в термино-системе бизнеса, а *'industry'* (промышленность; индустрия) является термином. Другой пример: *'available funds'* (доступные средства; денежные средства, имеющиеся в наличии) также включает два компонента: общеупотребительное слово *'available'* (наличный, имеющийся в распоряжении, доступный) и термин *'funds'* (денежные ресурсы). К данной группе мы также можем отнести: *'tuition fee'* (плата за обучение), *'fee absolute'* или *'fee simple'* (безусловное право собственности), *'economic growth'* (экономический рост; экономическое развитие), *'infant industry'* (новая отрасль промышленности) и др.

В примерах связных терминов-сочетаний мы можем наблюдать метафоризацию (перенос значения по сходству) при использовании общеупотребительного слова. Так, в терминологическом словосочетании *'broad money'* (совокупная денежная масса, широкий показатель денежной массы) общелитературное прилагательное *'broad'* (широкий, обширный) при метафорическом переносе в сочетании с *'money'* терминологизируется. Другие примеры таких терминологических словосочетаний включают: *'elastic demand'* (эластичный спрос (реагирующий на повышение или понижение цен)); *'horizontal merger'* (объединение однотипных предприятий).

2. Свободные сочетания — в состав таких терминов-словосочетаний включаются два слова, являющиеся самостоятельными терминами. Значение свободного сочетания складывается путем объединения значений составляющих его компонентов. Другими словами, два самостоятельных термина вступают в двустороннюю связь. Например, в состав терминологического сочетания *'monetary policy'* (денежно-кредитная политика) включены два термина *'monetary'* (валютный, денежный) и *'policy'* (политика), из суммы значений которых складывается общее значение сочетания. В качестве еще одного примера приведем терминсочетание *'demand inflation'* (инфляция, вызванная превышением спроса над предложением), в состав которого входят термины *'demand'* (спрос) и *'inflation'* (инфляция). К другим примерам можем отнести: *'resource allocation'* (оптимальное распределение ресурсов), *'mortgage market'* (ипотечный рынок, рынок ипотечных кредитов), *'financial capital'* (финансовый капитал), *'income tax'* (налог на прибыль организаций), *'manufacturing plant'* (промышленное предприятие) и др.

К данной группе могут также быть отнесены сочетания, в которых один из компонентов — термин из другой отрасли. Так, в сочетании *'tax shelter'* (налоговое прикрытие; налоговое убежище) *'shelter'* (прикрытие; бомбоубежище) является военным термином. Другими примерами являются: *'currency intervention'* — валютная интервенция; *'wild card'* — непредсказуемый фактор; *'tax immunity'* — налоговый иммунитет; *'seed funding'* — первоначальные инвестиции; *'currency war'* — валютная война и др.

В сфере бизнеса стоит отметить наличие терминологических (специальных) оборотов, обозначающих понятия, орудия, документы, процессы в производстве и т. д. Такие терминологические словосочетания обладают, по мнению

В. В. Химик, цельностью понятийного по характеру значения и являются системной и специфической для научного дискурса чертой [19, с. 99].

Е. А. Никулина определяет терминологические фразеологизмы, как языковой феномен, заключающийся в том, что «сверхсловное образование имеет буквальное, но осложненное значение, терминологическое или профессиональное, на основе которого развивается переосмысленное, и данные значения (а их может быть несколько у одной единицы) актуализируются в зависимости от контекста употребления — терминологического или нетерминологического» [13, с. 10].

В сфере предпринимательства мы встречаем ряд примеров терминологических фразеологизмов, которые могут представлять собой общелитературные фразеологизмы, которые в данной профессиональной области подверглись терминологизации. Например, фразеологизм *'basket case'* в общеупотребительной сфере имеет значение «безнадежный случай», а в сфере бизнеса — это компания или страна, экономика которой находится на грани краха. В качестве еще одного примера мы можем рассмотреть фразеологизм *'wallflower'*, который имеет значение «дама без кавалера». Однако в сфере бизнеса он означает «ценная бумага-аутсайдер, т. е. ценная бумага, которая непопулярна среди инвесторов». Общелитературным значением *'black swan'* является «что-л. редкое или воображаемое», а в анализируемой нами профессиональной сфере это «теория, рассматривающая труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия».

Ряд примеров терминологических фразеологизмов появились и функционируют только в сфере предпринимательства: *'Hobson's choice'* (выбор Хобсона, вы-

нужденный выбор, выбор поневоле); *'loan shark'* (акулий заём; тот, кто предлагает кредиты с высоким процентом); *'business angel'* (частный венчурный инвестор, дающий финансовую и экспертную поддержку компаниям на ранних этапах развития); *'pink slip'* (уведомление об увольнении); *'the Big Bang'* (реорганизация Лондонской фондовой биржи в 1986 г.); *'Hawthorne's effect'* (Хоторнский эффект; процесс, при котором на положительные результаты деятельности влияет интерес участников к эксперименту); *'Goldilocks economy'* (тип экономики, при котором наблюдается умеренный экономический рост и низкий уровень инфляции) и др.

Таким образом, в данной статье нами были рассмотрены терминологические словосочетания сферы бизнеса. Мы можем сделать вывод о том, что понимание структуры таких сочетаний необходимо не только для определения общих тенденций терминообразования, но и для выявления взаимосвязей внутри данных терминов-словосочетаний. Более того, мы также можем прийти к заключению о том, что терминологические словосочетания обладают значительной семантической емкостью, так как они способны более четко именовать процессы, явления и признаки, имеющие место в анализируемой нами профессиональной области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербух К. Я. *Общая теория термина: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений* / К. Я. Авербух. М.: Изд-во МГОУ, 2006. — 252 с. — ISBN 5-89729-059-8.
2. Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка* / Ю. Д. Апресян. М.: Языки русской культуры, 1995. — 480 с. — ISBN 5-88766-043-0.

3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И. В. Арнольд. 2-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-9765-1041-8.
4. Арутюнова Т. С. Терминологическая деривация как основной механизм формирования терминологии предметной области «социология семьи» в английском языке / Т. С. Арутюнова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 3. С. 76–83.
5. Вендина Т. И. Введение в языкознание: учеб. пособие для педагогических вузов / Т. И. Вендина. М.: Высш. школа, 2001. — 288 с. — ISBN 5-06-003700-2.
6. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. — 640 с. — ISBN 5-200-03017-X.
7. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы. М.: Литера, 1939. Т. 5. Сборник статей по языковедению. С. 3–54.
8. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. М.: Высш. шк. 1987. — 104 с.
9. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.
10. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. М.: Наука, 1977. — 247 с.
11. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с. — ISBN 978-5-397-00486-2.

12. Моргунова М. Н. Лексика сферы бизнеса в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. Н. Моргунова. Южный федеральный ун-т. Ростов н/Д., 2003. — 22 с.
13. Никулина Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Никулина. Московский педагогический государственный университет. М., 2005. — 40 с.
14. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие / Л. А. Новиков. М.: Высшая школа, 1982. — 272 с.
15. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 46–54.
16. Серебрянников, Б. А. Языковая номинация. Общие вопросы / Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1977. — 357 с.
17. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. — 248 с. — ISBN 978-5-397-02414-3.
18. Ткачева, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачева / под ред. И. В. Арнольд. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. — 198 с.
19. Химик, В. В. Культура речи. Научная речь: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. В. Химик. М.: Юрайт, 2016. — 284 с. ISBN 978-5-9916-9303-5.
20. Шелов, С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессиоанлизмы / С. Д. Шелов // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 76–87.
21. Savory, Th. *The language of science: Its growth, character and usage.* London, 1954. — P. 184.

BRIEF

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES
OF BUSINESS ENGLISH TERMINOLOGICAL
WORD COMBINATIONS

Filimonova Y. V.,

*4th-year student, Foreign Philology department,
Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Academic Supervisor: Morgunova M. N.,

*PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *The article focuses on the theoretical basis of forming business terminological word combinations and discusses their structural and semantic features in the English language. Special attention is given to the main ways of derivation of such combinations in this professional sphere and the most productive models of their formation are presented.*

Key words: *terminological word combination, business, terminology, technical term system.*

Модификация концептосферы романа Д. Дефо «Robinson Crusoe» в переводе-адаптации К. И. Чуковского

Николаев С. Г.,

*заведующий кафедрой английской филологии
Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор, Ростов-на-Дону, Россия*

Добрынина Д. Г.,

*студент отделения зарубежной филологии
ИФЖиММК ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 81'25

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу перевода романа Д. Дефо “Robinson Crusoe” К. И. Чуковским. В ней данный перевод называется адаптированным из-за изменения концептосферы романа (опущение ключевого концепта веры) и неполной репрезентации других ключевых концептов. Тут же приводятся причины этих модификаций. Статья наполнена цитатами из текстов оригинала и перевода для наглядной аргументации выдвигаемых тезисов.*

Ключевые слова: *концепт; концептосфера; перевод; адаптация; репрезентация, модификации.*

Герой знаменитого романа Даниэля Дефо по имени Робинзон Крузо, попавший на необитаемый остров и проживший там 28 лет, знаком многим читателям,

причем не только англоязычным. Сам факт существования огромного количества вариантов перевода романа Даниэля Дефо на разные языки, включая и русский, достаточно красноречив; а это значит, что в большинстве случаев читатель имеет дело с разными Робинзонами и их жизненными перипетиями. Нередко случается так, что в оригинале и в переводе один и тот же герой или персонаж оказывается наделенным разными качествами. С большей вероятностью такое положение может наблюдаться тогда, когда переводчик выступает одновременно интерпретатором оригинального текста или его адаптатором.

Обычно переводчик стремится к тому, чтобы переводной текст был содержательно предельно близок к тексту оригинала. Этого можно достичь, только применяя целый комплекс формальных лингвостилистических приемов и средств. Но не менее важно помнить о сохранении при переводе концептосферы оригинала — сложной системы концептов, связанных между собой и, как правило, переданных в динамике, т. е. в развитии на протяжении всего повествования (о понятии «концептосфера» см.: Лихачев, 1997). Однако в переводе концептосфера оригинала может быть изменена, или искажена, или модифицирована. Так происходит в случае адаптированного перевода, или перевода-адаптации.

Термин «адаптация» в лингвистике и переводоведении интерпретируется по-разному. К примеру, адаптации может подвергаться иноязычный текст в педагогических целях, при обучении иностранным языкам: «Адаптацией <...> называют приспособление, грамматическое или лексическое упрощение текстов для недостаточно подготовленных читателей (дошкольников, учеников начальных классов; тех, кто начинает изучать иностранный язык, и др.)» [Стариченко, 2008, с. 22–23].

Если же адаптация выступает в качестве процедуры, сопутствующей межъязыковому переложению, т.е. переводу, то она трактуется принципиально иначе: «Адаптация может пониматься как ряд переводческих операций, результатом которых становится текст, который не принимают как перевод, но, тем не менее, признают как текст-представитель некоего текста-источника приблизительно того же объема» [Bastin, 2005, с. 7] (здесь и далее переводы с английского наши. — С. Н., Д. Д.).

Современное литературоведение также признает правомерность адаптационного отношения к тексту-оригиналу, но при этом размещает акценты принципиально по-другому: «Адаптация есть одна из форм такой практики, которую современные ученые относят к интертекстуальности» [Quinn, 2006, с. 7].

Существенными при рассмотрении текста перевода становятся и такие понятия, как «эквивалентность» и «адекватность». В.Н. Комиссаров указывает, что эквивалентность — это «максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала» [Комиссаров, 2004, с. 117]. Однако даже подобная лингвистическая близость не всегда гарантирует сохранение системы концептов при переводе, поскольку концепты в романе напрямую связаны с культурой, которой принадлежит и которую представляет писатель через свой текст.

Не случайно Ю.С. Степанов назвал концепты «сгустками культурной среды в сознании человека» [Степанов, 2007, с. 43]. Именно в таком виде культура проникает в ментальный мир индивида. Однако он же добавил, что процесс этот взаимный: через концепты не только культура входит в мир человека, но и человек входит в мир культуры. Следовательно, концептосфера при художественном перево-

де (в нашем случае с английского языка на русский язык) должна, с одной стороны, отражать культуру страны, в которой данное произведение было создано, а с другой стороны, быть понятна русскоязычным читателям. Очевидно, что полного тождества от перевода ожидать не стоит по разным причинам, например, ввиду различия в языковых реалиях, грамматических структурах и т. д. Именно поэтому перевод должен быть не только (возможно, не столько) эквивалентным, но и адекватным. Об адекватности можно говорить тогда, когда переводчики стремятся переводить не слова или словосочетания, а передавать главную цель или мысль писателя; и когда текст перевода выполняет эту функцию так же, как и текст оригинала.

Здесь же следует учесть то важное обстоятельство, что при переложении текста, т. е. при его адаптации, происходит вторичная категоризация объективной действительности [Ионова, 2006].

Особой популярностью в детской читательской аудитории пользуется «Робинзон Крузо» в переводе К. И. Чуковского [Дефо-Чуковский, 2007]. Этот труд сложно назвать переводом в традиционном, строгом смысле этого слова; скорее, это перевод-адаптация, о котором говорилось выше и будет сказано далее. Переводчик передает основные сюжетные линии, однако многие детали опускает. Более того: в переводе К. И. Чуковского можно заметить не просто отсутствие определённых репрезентантов какого-либо концепта, а опущение целого концепта. Для сравнения, в других переводах — например, М. А. Шишмаревой [Дефо-Шишмарева, 1982], наблюдается бережное сохранение всей концептосферы романа. Под «сохранением концептосферы» при переводе мы подразумеваем репрезентацию в переводном тексте ключевых (в иных терми-

нах — опорных, базовых и т. п.) концептов оригинала. В исследовательских целях мы выделили пять таких концептов в оригинальном английском тексте романа Дефо. Это концепты «одинокчество», «дружба», «семья», «я протагониста» и «вера». Содержит, отражает ли все эти концепты перевод К. И. Чуковского?

Отметим, что переводчик сохранил деление романа на главы, однако изменил принципы их формирования, поэтому, несмотря на то, что данный перевод уступает оригиналу по объему, он разделён на 28 глав, в то время как роман — на 20. Если проводить сравнительный анализ в хронологическом порядке, то с первых строк можно заметить, что К. И. Чуковский опускает биографию главного героя, т. е. читатель не узнаёт ни год, ни место рождения Робинзона, ни его происхождение, ни происхождение фамилии. Переводчик не просто опускает факты из жизни Робинзона, он лишает ключевой концепт начальной точки, так как именно первые абзацы в оригинале иллюстрируют одиночество героя: он повествует о самом себе, оставшись единственным сыном в семье, где родители не позволяют реализовать его намерения. Вместо этого К. И. Чуковский начинает роман с лирических строк, которые не встречаются в оригинале: *«С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо»* [Дефо-Чуковский, 2007, с. 1]. Можно предположить, что причиной данного опущения является возраст большей части читательской аудитории: информация о годе рождения и биография матери Робинзона не являются для детей релевантной и быстро забывается.

Далее речь идёт об отце главного героя. Его, на наш взгляд, переводчик выставляет в ином свете: он лишает его нежных чувств к сыну и фокусирует внимание читателя на том, что отец был против плавания и всячески этому препятствовал: «*Отец, старый, больной человек...*», «... он позвал меня к себе и сердито сказал...» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 1]. Однако отец Робинзона переживал за сына, что очевидно в оригинале, и хотел, чтобы тот самореализовался в жизни, а не ушёл из неё, как его братья: “*He called me one morning into his chamber, where he was confined by the gout, and expostulated very warmly with me upon this subject*” [Defoe, 2016, с. 1].

Несмотря на преувеличение строгости отца, К.И. Чуковский не опустил важный момент: «*В глазах у него блеснули слезы*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 1]. Однако тут же он добавляет в речь отца следующую фразу: «*Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 1]. В оригинале мать Робинзона ничем не болела, а отец не пытался таким образом манипулировать сыном. Поэтому данный перевод можно считать фактической неточностью.

Следующее предложение отличается образностью, которая противоречит сущности главного героя: «*Мне стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 1]. В тексте Дефо главный герой этого не говорит, так как его речь характеризуется логичностью и наличием причинно-следственных связей, а его мысли всегда заняты поиском решений и путей выживания, а позднее — благоустройства территории на острове.

Переводчик начинает вторую главу с описания первого выхода героя в море, то есть проводит разделительную черту между домашней жизнью Робинзона и путешествия-

ми, что вполне логично. Однако Д. Дефо заканчивает первую главу только тогда, когда завершается первое неудачное плавание героя, так как Робинзон остаётся на той же ступени духовного развития и в том же недоумении, в котором он пребывал в начале романа. Более того: первая глава в тексте оригинала является «точкой зарождения» ключевых концептов романа, и только во второй и последующих главах эти концепты получают развитие. Однако К. И. Чуковский при разделении текста перевода на главы ориентируется не на систему концептов, а на сюжетную композицию.

Начало путешествий героя переводчик описывает достаточно близко к тексту оригинала: *“The ship was no sooner out of the Humber than the wind began to blow and the sea to rise in a most frightful manner”* [Defoe, 2016, с. 5] — «Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 1]. Также К. И. Чуковский переводит многочисленные упоминания родителей Робинзона и воспоминания о них, тем самым сохраняя репрезентативность концепта «семья». Однако в советском переводе нет ключевого концепта веры и, соответственно, нет его репрезентантов. В тексте Д. Дефо можно встретить многочисленные обращения Робинзона к Богу и размышления о том, как он ему помогает выживать на острове. Однако перевод К. И. Чуковского этого лишен: переводчик либо не употребляет слова «Бог», «Провидение» и их производные, либо вообще исключает смысловые части, связанные с религией: *“in this agony of mind, I made many vows and resolutions that if it would please God to spare my life in this one voyage, if ever I got once my foot upon dry land again, I would go directly home to my father, and never set it into a ship again while I lived”* [Defoe, 2016, с. 5] — «Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив,

если нога моя снова ступит на твердую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 2].

Следующий показательный пример, доказывающий мысль, упомянутую ранее, — разговор Робинзона с другом после первого плавания. Друг главного героя в тексте оригинала делает акцент на то, что шторм — знак свыше, намекающий на то, что Робинзону нельзя выходить в море, и сравнивает его с библейским пророком Ионой: *“Young man,.. you ought never to go to sea any more; but as you made this voyage on trial, you see what a taste Heaven has given you of what you are to expect if you persist. Perhaps this has all befallen us on your account, like Jonah in the ship of Tarshish.”* [Defoe, 2016, с. 11]. М. А. Шишмарева в своем переводе сохраняет все религиозные отсылки, К. И. Чуковский — нет. В данном примере К. И. Чуковский не просто опускает их, а заменяет личностными характеристиками главного героя: *«Молодой человек, вам никогда больше не следует пускаться в море. Я слышал, что вы трусливы, избалованы и падаете духом при малейшей опасности. Такие люди не годятся в моряки...»* [Дефо-Чуковский, 2007, с. 3].

К. И. Чуковский передает в своём труде почти все ключевые концепты, что обеспечивает концептуальному плану романа устойчивость. Однако репрезентация данных концептов подвержена генерализации и даже некоторому искажению. Так, в тексте оригинала есть следующие строки: *“Had I now had the sense to have gone back to Hull, and have gone home, I had been happy, and my father... had even killed the fatted calf for me... But my ill fate pushed me on now with an obstinacy that nothing could resist...”* [Defoe, 2016, с. 10]. В тексте перевода мы видим: *«Неподалеку от Гулля был Йорк, где жили мои родители, и, конечно, мне следовало вернуться к ним.*

Они простили бы мне самовольный побег, и все мы были бы так счастливы! Но безумная мечта о морских приключениях не покидала меня и теперь» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 3]. С одной стороны, переводчик не описывает то, как именно будут радоваться родители возвращению главного героя, то есть вместо упоминания откормленного телёнка, он просто констатирует факт — «мы были бы счастливы». Однако, на наш взгляд, Д. Дефо намеренно пишет о телёнке, а не о счастье: именно отец — глава семьи, который был против реализации помыслов Робинзона, зарезал бы телёнка (причём откормленного), что символизирует искреннюю радость и духовное торжество. Более того, сам переводчик в первой главе характеризует отца главного героя как человека черствого и бесчувственного. Значит, материальная репрезентация счастья более вероятна и логична. С другой стороны, К.И. Чуковский искусно передаёт разворачивающуюся в душе героя борьбу между концептами «дом» и «я протагониста»: Робинзон сам называет свой поступок побегом, негативно характеризует его и представляет, как он возвращается домой. Однако его желание жить так, как он хочет, не даёт ему вернуться. У Д. Дефо столкновение двух концептов передаёт слово “but”, которое начинает новый абзац, и фразовый глагол “push on”, имеющий негативную коннотацию — заставлять, толкать, давить. К.И. Чуковский тоже начинает абзац с «но», сглаживая негативную окраску фразового глагола, поэтому в его тексте безумная мечта не толкает его, а лишь не покидает.

К.И. Чуковский обращает внимание на развитие концепта «я протагониста» в тексте оригинала и переводит ключевые моменты репрезентации этой динамики. Робинзон характеризует себя следующим образом: *“for having money in my pocket and good clothes upon my back, I would always go on*

board in the habit of a gentleman” [Defoe, 2016, с. 12]. Любопытно, что в переводе М. А. Шишмаревой Робинзон называет себя барином — «и я всегда являлся на судно *заправским барином*» [Дефо-Шишмарева, 1982, с. 21]. В переводе-адаптации К. И. Чуковский добавляет негативный оттенок к высказыванию главного героя и повышает его самокритичность, употребляя просторечное слово «шалопай»: «*Так как в то время у меня была щегольская одежда и в кармане водились деньги, я всегда являлся на корабль праздным шалопаем*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 3].

Следующим примером, доказывающим наш тезис, является упоминание К. И. Чуковским сорока фунтов стерлингов. Эта информация представляет собой малую ценность для романа в целом, поэтому было бы ожидаемо не увидеть ее в переводе-адаптации; однако переводчик ее сохраняет, так как это важный репрезентативный элемент концепта «я протагониста»: «*Отправляясь в Гвинею, я захватил с собой кое-какого товару: закупил на сорок фунтов стерлингов различных побрякушек и стеклянных изделий, находивших хороший сбыт у дикарей*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 3]. С другой стороны, в данном фрагменте переводчик сводит к нулю концепт «дружба», так как не упоминает, что Робинзон поступил так именно по совету своего товарища-капитана, который, во-первых, дал начало Робинзону-предпринимателю, и, во-вторых, имел все качества настоящего друга: “*for I carried about £40 in such toys and trifles as the captain directed me to buy*” [Defoe, 2016, с. 13].

Описание того, как Робинзон отдавал мальчика Ксури капитану, представлено в тексте переводчика совсем иначе. Перевод К. И. Чуковского, как было сказано ранее, лишён концепта веры, поэтому о принятии христианства речи в данном фрагменте не идёт, хотя текст оригинала

содержит данное упоминание: *“and offered me this medium, that he would give the boy an obligation to set him free in ten years, if he turned Christian: upon this, and Xury saying he was willing to go to him, I let the captain have him”* [Defoe, 2016, с. 27] — «Поэтому я очень обрадовался, когда капитан заявил мне, что ему нравится этот мальчишка, что он охотно возьмет его к себе на корабль и сделает моряком» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 8].

К. И. Чуковской перевел близко к тексту эпизод отплытия Робинзона, т. е., как и Д. Дефо, подчеркнул момент, с которого все ключевые концепты начинают трансформацию. Однако данный перевод-адаптация характеризуется своей краткостью, поэтому все последующие подробные описания (в т. ч. географические точки) были исключены либо сокращены. Так, например, Д. Дефо использует стилистический прием антитезы, говоря о погоде: *“We had very good weather, only excessively hot...”* [Defoe, 2016, с. 33], *“... when a violent tornado, or hurricane, took us quite out of our knowledge”* [Defoe, 2016, с. 33]. Переводчик не прибегает к данному приему, сразу приближая читателя к моменту крушения: «... мы пересекли экватор..., когда на нас неожиданно налетел бешеный шквал» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 8].

В тексте оригинала Робинзон Крузо благодарит Бога за свое спасение, а после выражает радость: *“I was now landed and safe on shore, and began to look up and thank God that my life was saved... I believe it is impossible to express, to the life, what ecstasies and transports of the soul are, when it is so saved, as I may say, out of the very grave”* [Defoe, 2016, с. 37]. В переводе-адаптации благодарность Богу отсутствует, а второе предложение переведено достаточно близко к тексту, потому что в русском языке существует аналог выражения *“out of the very grave”* — «восстать из гроба»: «Я думаю, не суще-

стует таких слов, которыми можно было бы изобразить радостные чувства человека, восставшего, так сказать, из гроба.» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 9].

Отказавшись от концепта «вера» — возможно, из идеологических соображений или под влиянием официальной цензуры — К. И. Чуковский старается сохранить концепты «одиночество» и «я протагониста». Оказавшись на острове, Робинзон в тексте перевода часто употребляет местоимения «я», «меня», и большая часть глаголов имеет форму первого лица единственного числа. Переводчик, сокращая и адаптируя текст, мог бы избежать повторения местоимений и в некоторых случаях использовать пассивный залог, однако он решил сохранить концепт одиночества и перевести его репрезентанты из текста Д. Дефо на русский язык. Что касается концепта «я протагониста», его стремительное развитие начинается именно после крушения, что передано К. И. Чуковским. На протяжении нескольких строк главный герой печалится, затем начинает мыслить рационально, рассуждая о материальных благах и о будущем: «... я не мог охотиться за дичью, не мог обороняться от зверей, так как при мне не было никакого оружия» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 9], «Что ожидает меня, если в этой местности водятся хищные звери?» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 9]. Предложение о слезах — “*This forced tears to my eyes again; but as there was a little relief in that, I resolved, to get to the ship...*” [Defoe, 2016, с. 39]) — К. И. Чуковский перевел таким образом: «При мысли о своем одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слезы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь...» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 10].

Следует отметить, что сохранение в адаптации концепта «я протагониста» довольно-таки относительно, поскольку некоторые моменты К. И. Чуковский детально переносит

из оригинала в текст перевода, а некоторые (которые, по нашему мнению, являются ключевыми) — опускает. Так, известно, что Робинзон, как настоящий предприниматель, перед перечислением всего плохого и хорошего в своей жизни на острове употребляет экономические термины — *“like debtor and creditor”* [Defoe, 2016, с. 39]. Этот репрезентативный элемент в тексте Д. Дефо усиливает концепт «я протагониста» и выводит индивидуализм главного героя на высокий уровень. Однако в тексте перевода это сравнение отсутствует: *«Я разделил страницу пополам и написал слева ‘худо’, а справа ‘хорошо’, и вот что у меня получилось...»* [Дефо-Чуковский, 2007, с. 14]. Интересно, что название столбца со всем плохим, т. е. ‘evil’, К. И. Чуковский называет «худо», однако для советских читателей данное слово является высокочастотным в употреблении, чем и обусловлен его выбор.

Перевод дневника Робинзона также неоднозначен. С одной стороны, К. И. Чуковский подробно переводит всё, что произошло в тот или иной день: *“The 31st, in the morning, I went out into the island with my gun, to seek for some food, and discover the country...”* [Defoe, 2016, с. 59] — *«31 октября. Утром бродил по острову с ружьем, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь, а к стати и осмотреть окрестности.»* [Дефо-Чуковский, 2007, с. 15]. С другой стороны, переводчик иногда использует прием опущения и исключает некоторые даты из дневника главного героя, что является подтверждением того, что перевод является очевидной адаптацией оригинала. Так, информации о третьем ноября — *“I went out with my gun, and killed two fowls like ducks...”* [Defoe, 2016, с. 59] — в тексте К. И. Чуковского нет. Возможно, это связано с тем, что дневник главного героя слишком длинный для юного читателя, поэтому К. И. Чуковский решил убрать из него дни, которые не влияют на суть произведения.

Также интересен для анализа отрывок, в котором Робинзон первого мая увидел на берегу нечто, похожее на бочку. В оригинале Д. Дефо использует антитезу, так как ему показалось, что предмет маленький, а он оказался побольше: “... *it looked like a cask; when I came to it, I found a small barrel...*” [Defoe, 2016, с. 69]. Перевод К. И. Чуковского лишен антитезы, но достаточно логичен: если ‘cask’ — бочонок, а ‘barrel’ — бочка, то ‘small barrel’ по значению совпадает с ‘cask’: «Сегодня утром во время отлива я заметил на берегу какой-то большой предмет, издали похожий на бочонок. Пошел посмотреть, и оказалось, что это действительно бочонок» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 18].

Возвращаясь к вопросу о приеме опущения, применяемом К. И. Чуковским, необходимо отметить, что такая стратегия связана не только с целью сокращения и адаптации текста, но и с концептосферой романа. Так, длинная запись в дневнике Робинзона от четвертого июля, где он повествует о том, как начал читать Библию и какое впечатление на него произвели некоторые слова, отсутствует: “*In the morning I took the Bible... I began seriously to read it...*” [Defoe, 2016, с. 80]. Более того, Д. Дефо демонстрирует развитие, динамику концепта веры: Робинзон сначала просто обращался к Богу, потом читал Библию, а затем начал сам осмысливать роль Бога в своей жизни: “*though I could not say I thanked God for being there, yet I sincerely gave thanks to God for opening my eyes, by whatever afflicting providences...*” [Defoe, 2016, с. 80]. Перевод-адаптация, как уже было упомянуто, лишен самого концепта веры и, соответственно, его динамики. Интересно, что, исключая данный концепт из текста, переводчик одновременно усиливает концепт «я протагониста»: К. И. Чуковский отказывается от описания мыслей главного героя, концентрируясь на его действиях и резуль-

татах, и делая текст динамичнее: «я начал осмотр», «я направился к той маленькой бухте», «я искал кассаву» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 19] и т. д.

Чем дальше Робинзон Крузо оставался на острове, тем ярче становилась репрезентация данного концепта. Герой устроил себе жизнь на острове, закончилась его рефлексия по поводу несчастной судьбы, поэтому появилась возможность высказываться иронично. Индивидуализм Робинзона достиг такого уровня, что он стал сравнивать себя с королем, в подчинении которого его подданные: “*There was my majesty the prince and lord of the whole island; I had the lives of all my subjects at my absolute command; I could hang, draw, give liberty, and take it away...*” [Defoe, 2016, с. 124]. К.И. Чуковский полностью передал данный репрезентативный элемент концепта: «Во главе стола сидел я, король и владыка острова, повластно распоряжавшийся жизнью всех своих подданных: я мог казнить и миловать, дарить и отнимать свободу...» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 28].

Спасение дикаря (будущего Пятницы) описано К.И. Чуковским довольно-таки подробно, однако не так образно, как это сделал сам Д. Дефо, который использовал олицетворение, чтобы показать, насколько дикарю хотелось выжить: “*In that very moment this poor wretch, seeing himself a little at liberty and unbound, Nature inspired him with hopes of life...*” [Defoe, 2016, с. 169] — «Пленник почувствовал себя на свободе, и у него, как видно, явилась надежда на спасение...» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 36]. Также переводчик решил нивелировать неравенство между Робинзоном и Пятницей, поэтому фраза “*I taught him to say Master; and then let him know that was to be my name...*” [Defoe, 2016, с. 173] была переведена следующим образом: «Затем я научил его проносить мое имя...» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 37], то есть,

в переводе-адаптации Пятница не называет Робинзона ни своим хозяином, ни господином.

Более того, в тексте перевода К. И. Чуковский транслирует дружбу между героями (Робинзон говорит: «*Я не мог не признать его другом и перестал остерегаться его*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 38]). В оригинале Д. Дефо не употребляет слово 'friend', он называет Пятницу 'servant' и добавляет, что Пятница предан главному герою, как сын отцу. Это сравнение можно увидеть и в переводе: «... *он был привязан ко мне, как ребенок к родному отцу*» [Дефо-Чуковский, 2007, с. 38]. Таким образом, в оригинале представлена односторонняя привязанность и дружба, а в переводе — взаимная.

Текст К. И. Чуковского завершается достаточно позитивно: все взрослые и дети слушают Робинзона с большим интересом. Эта сцена является репрезентантом концепта «семья». Однако в оригинале данный концепт практически исчезает к концу романа, так как короткое упоминание о жене Робинзона и его трех детях доказывает, что это имело малую важность для главного героя: "*I married, and that not either to my disadvantage or dissatisfaction, and had three children...*" [Defoe, 2016, с. 257].

Итак, в тексте перевода отсутствуют репрезентанты концепта «вера», что позволяет нам сделать вывод об опущении данного концепта и, соответственно, о нарушении концептосферы романа. Некоторые важные репрезентанты остальных ключевых концептов пропущены, из-за чего место и значение того или иного концепта в концептосфере романа значительно изменяется. Другие менее важные смысловые элементы (например, «40 фунтов») переводчик оставил, чем усилил определенные концепты и укрепил их связь с другими. Анализ показал, что текст К. И. Чуковского относительно далек от текста оригинала (несмотря на то,

что сюжетная линия в нем выдержана и перевод адекватен); поэтому он являет собой весьма показательный случай перевода-адаптации со всеми сопутствующими этому филологическому феномену обстоятельствами.

К. И. Чуковский был не только переводчиком-практиком, но и филологом, теоретиком художественного перевода, и в этом качестве он решительно выступал против переводческого буквализма: «Самый худший переводчик — буквалист, глухой и слепой к интонациям подлинника» [Чуковский, 1987, с. 314]. При этом он подчеркивал, что чрезмерная переводческая вольность — такая же крайность, способная безнадежно испортить переводческий результат: «из неталантливого перевода невозможно сделать талантливый, но из неточного возможно сделать точный, если не в отношении стиля, то по крайней мере в отношении словесного остова» [Чуковский, 1987, с. 317]. Эти принципы Чуковский воплощал и в собственных переложениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дефо Даниэль. Робинзон Крузо / Пер. с англ. К. И. Чуковского. М.: Детская литература, 2007. — 58 с.
2. Дефо Даниэль. Робинзон Крузо / Пер. с англ. М. А. Шишмаревой. М.: Металлургия, 1982. — 369 с.
3. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2006. — 452 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., ЭТС, 2004. — 424 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. д. ф. н., проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. — С. 280–287.

6. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 811 с.
 7. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. — 248 с.
 8. Чуковский К. И. Главы из книги «Искусство перевода» // Перевод — средство взаимного сближения народов: худож. публицистика. М., Прогресс, 1987. — С. 309–327.
 9. Bastin Georges L. *Adaptation* // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Edited by Mona Baker. London & New York, 2005. — P. 5–8.
- Defoe, D. *Robinson Crusoe*. London, 2016. — 258 p.
- Quinn, Edward. *A Dictionary of Literary and Thematic Terms*. 2nd Ed. New York, 2006. — 480 p.

BRIEF

MODIFICATION OF THE CONCEPT SPHERE
OF DANIEL DEFOE'S NOVEL "ROBINSON CRUSOE"
IN K. I. CHUKOVSKY'S ADAPTATION

Nikolaev S. G.,

*Chairperson of the English Philology Department,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Doctor of Letters, Professor, Rostov-on-Don, Russia*

Dobrynina D. G.,

*Student of the Foreign Philology Section
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the translation of the novel written by D. Defoe "Robinson Crusoe" by K. I. Chukovsky. This*

translation is named adaptation because of the modifications in the concept sphere of the novel (basically omission of the key concept of faith) and incomplete representation of the rest of the key concepts in the novel. The reasons for such changes are also reflected in the article. The article is supported by quotations from the original English and translated Russian texts for a vivid argumentation of the theses.

Key words: *concept; concept sphere; translation; adaptation; representation; modifications.*

К вопросу о «чистом» билингвизме, или Возможен ли билингвизм без интерференции?

Саркисов Э. Э.,

*младший научный сотрудник Института филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации*

Южного федерального университета,

Ростов-на-Дону, Россия

УДК 81'33

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме независимого пользования лицом-билингвом двумя языковыми системами в условиях смены социально-коммуникативных сфер. Целью исследования является анализ психолингвистических факторов, которые не позволяют утверждать, что изолированное сосуществование двух языковых систем в билингвальном сознании возможно.

Ключевые слова: билингвизм; межъязыковая интерференция; языковые контакты; лингва франка.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Л. В. Щербе, в основе билингвизма может лежать модель: 1) при которой в языковом сознании существует своего рода конструкт из отождествленных понятийных признаков на основе единой системы связей между ними, и 2) при которой два языка не контактируют друг с другом [8, с. 67–68]. Однако неясно, каким образом при

актуализации второй модели билингв способен сохранять денотативные различия, если обе денотативные системы связаны с единой референтной, не относящейся к формальной стороне, знаковой системой в целом; а природа языкового сознания не предполагает в качестве цели идеальное разграничение содержания (в этой связи см. [7, с. 89]).

В действительности, в условиях глобального можно обнаружить различные типы билингвизма. Рассмотрим наиболее важные для настоящего исследования разновидности последовательного применения в коммуникации двух языков.

По времени овладения вторым языком выделяют:

— симультанный (ранний) билингвизм — это результат одновременного овладения первым и вторым языками преимущественно в трехлетнем возрасте. Данный тип билингвизма также номинируют ранним билингвизмом [12, с. 85];

— последовательный (поздний) билингвизм), напротив, предполагает овладение первым и вторым языками в различные возрастные периоды [112, с. 85; 11, с. 130].

По способу приобретения языковой компетенции выделяют:

— естественный («чистый», согласно терминологии Л. В. Щербы [8, с. 40]) билингвизм возникает в результате усвоения второго языка в среде билингвальной коммуникации (семья или иная малая социальная группа) в ранний возрастной период. Естественный билингвизм предполагает автоматическое переключение кодов [3, с. 103; 6, с. 67].

— искусственный («смешанный», согласно терминологии Л. В. Щербы [8, с. 41]) билингвизм возникает в результате целенаправленного изучения второго языка в монолингвальной или в билингвальной среде в более поздние возрастные периоды, при этом сам билингв только спора-

дически обращается к дискурсивным практикам на втором языке для коммуникации с его носителями [6, с. 85].

Кроме того, некоторые исследователи [6, с. 220; 11, с. 130] выделяют такие разновидности, как координативный и субординативный билингвизм.

Таким образом, все рассмотренные бинары разновидностей билингвизма можно отнести, с одной стороны, к изолированным, а с другой — к находящимся в определенных отношениях друг с другом. Иными словами, если координативный, или «чистый» (по Л. В. Щербе) билингвизм сходен по существенным признакам с симультанным и естественным билингвизмом, то оппозиции в названных в начале параграфах — субординативный и «смешанный» — разновидности, соотносимые по все тем же существенным своим признакам с последовательным и искусственным билингвизмом как его разновидностями.

Следует отметить, что проблема изолированного использования языковых систем будет актуальна до тех пор, пока исследователи допускают возможность изолированного сосуществования языковых систем. По этому поводу У. Вайнрайх писал: «Цельной психологической теории билингвизма предстоит объяснить как способность к успешному независимому пользованию каждым из языков, так и явление межъязыковой интерференции» [2, с. 71]. Парадоксально, но факт: сегодня сама по себе проблема межъязыковой интерференции ставит под сомнение наличие проблемы «мирного» сосуществования языковых систем.

В основе межъязыковой интерференции лежит ассоциативная теория, что подтверждают эксперименты по образованию ретроактивного торможения — негативного влияния деятельности, которая следовала сразу за заучиванием, на последующее воспроизведение заученной инфор-

мации [5, с. 242]. При этом под «заученной информацией» в случае взаимодействия языковых систем следует понимать наиболее «слабую» из них, которую при отсутствии постоянной дискурсивной практики билингв буквально забывает или, другими словами, превращает в потенциально «новую». В этой связи интересным представляется следующее высказывание Э. Кассирера: «Реальная трудность <...> состоит не столько в изучении нового языка, сколько в забывании старого» [4, с. 595–596].

Целью настоящего исследования является поиск (некоторых) факторов, не позволяющих утверждать о возможности успешного изолированного пользования каждым из языков.

Материалы и методы

В качестве основных лингвистических методов исследования задействованы дефиниционный анализ существующих концепций, связанных с теорией языковых контактов и теорией билингвальной коммуникации, а также описательный метод с приемами наблюдения, классификации, интерпретации и систематики языковых фактов.

Для анализа фактологического материала задействован системный анализ, частным проявлением которого выступает комбинация приемов анализа речевых ошибок [13] и контрастивного анализа [11, с. 250]. Анализ речевых ошибок применяется для выявления интерференции системного уровня, в то время как контрастивный анализ позволяет установить сам факт отклонения от нормы при сравнении стандартного варианта языка с производным от него идиомом.

Объект исследования — межъязыковая интерференция как обязательный элемент билингвальной коммуникации.

Результаты

Исходя из описанного негативного влияния логично предположить, что динамику интенсивности межъязыковой интерференции с психолингвистической точки зрения определяют факторы, схожие с теми, которые определяют динамику ретроактивного торможения. Иными словами, когда второй язык, уступающий в своем развитии первому, подвержен интерференциальному влиянию со стороны первого после использования последнего в определенной социально-коммуникативной сфере, второй язык будет забываться. И таких сфер, к слову, для первого языка существует больше, нежели для второго. Далее рассмотрим упомянутые факторы более подробно.

1. Степень сходств усвоенных норм «языка S» — источника интерференции (*interference source*) и «языка C» — объекта интерференции (*interference target [cible]*), причем как близость, так и расхождение норм, способствуют интерференции различной глубины и объема.

Например, испано-английские билингвы могут допускать отклонения от нормы при образовании герундия после предлогов из-за расхождения норм в языках:

I am ready for to read. ↔ *I am ready for reading.*

Англо-испанские билингвы, напротив, злоупотребляют герундием вместо инфинитива после предлогов:

Estoy preparado para leyendo. ↔ *Estoy preparado para leer.*

Отклонения, связанные с расхождением норм, безусловно, зависят и от уровня знания и закрепленности самих норм.

Отсутствие той или иной нормы в языке-объекте интерференции также можно рассматривать как расхождение норм, и в этом случае возникает проблема лакунар-

ности. Это частый и характерный для всех языков случай в социально-коммуникативной сфере науки.

Что же касается близости норм, то показательным примером здесь видится «нежелание», например, русско-английских билингвов, употреблять фразовые глаголы, что не является аутентичным для английской речи:

I will not tolerate that sort of behavior in my class. ↔ I will not put up with that sort of behavior in my class.

I wrote a letter of complaint, and the airline have promised to investigate the matter. ↔ I wrote a letter of complaint, and the airline have promised to look into the matter.

Хотя ни один из приведенных примеров подобной интерференции не содержит в себе отклонений от нормы, предпочтению обычных глаголов фразовым приводит к меньшему употреблению фразовых глаголов и модификации языка.

Существенна также степень задеирования эмоциональной сферы в процессе билингвальной коммуникации. Поскольку речь идет о коммуникации, а значит, о взаимодействии двух или более индивидов, триггером для активации эмоциональной сферы служат отношения коммуникантов, что, среди прочего, указывает на социолингвистическую природу межъязыковой интерференции. В определении понятия функционально активного языка Х.З. Багирова заложена признак, связанный с эмоциональной сферой: «Для билингва родной язык — это исторически сложившееся средство общения этнической группы, к которой относит себя индивид, а функционально активный язык (ФАЯ) — это средство повседневного общения, орудие выражения мыслей и чувств, ставшее более необходимым в процессе социально-экономической и даже частной жизни индивида» [1, с. 9]. Далее приведем примеры из речи англо-испанского билингва:

I did it with cariño. ↔ I did it with love.

Nona calls Little Ricky “my gordito” because he loves ice cream so much. ↔ Nona calls Little Ricky “my chubby kid” because he loves ice cream so much.

2. Степень интереса со стороны билингва к коммуникативной деятельности на языке-источнике интерференции, следующей сразу же за коммуникативной деятельностью на языке — объекте интерференции.

3. Степень требований коммуникации к энергозатратам. Данному фактору П. Блюменталь, Т. В. Бритт, Дж. А. Коэн, Дж. МакКаббин, Н. Максфилд, Э. Б. Майкл, П. Мур, Л. К. Облер, П. Шек, Т. М. Синьорелли и Т. С. Воллстен [10] посвятили обширное исследование, в котором внимание сфокусировано на профессиональной деятельности билингвов (переводчиков, дипломатов, аналитиков службы разведки и др.). Отмечается, что регулярное пользование двумя языками часто сопряжено со значительным стрессом. Такой стресс может иметь множество источников, включая сами языковые задачи и неблагоприятные условия работы. В частности, учеными проводится сбор данных о том, как определенные стресс-факторы сказываются на языковой производительности, а также связанные с ней когнитивные факторы — внимание, память, самоконтроль и др.

К примерам, иллюстрирующим данный пункт, можно отнести достаточно широкий диапазон отклонений от нормы. Это может быть интерференция, связанная с расхождением норм в двух языках, однако дополнительной причиной отклонения служит фактор стресса или усталости.

The teacher, he is late (удвоение субъекта действия). ↔ The teacher is late.

You understand? (отсутствие вспомогательных глаголов при образовании вопросительных и отрицательных

предложений) ↔ *Do you understand?* (подробнее о наиболее частотных отклонениях в речи англо-испанских билингвов см. [14, с. 161]).

Обсуждение

Рассмотренные факторы (по большей части) психологической природы обладают определенной динамикой, однако сложно представить, что их показатели могут свестись к минимальным в языковой производительности, а значит, влияние одного из языков на другой является обязательным в механизме сосуществования двух языковых образований в индивидуальном сознании. Здесь допустимо даже утверждать, что данное условие также является критерием для того, чтобы констатировать наличие билингвизма. Это свидетельствует о том, что не существует формы билингвизма, которая бы не способствовала трансформации языка, поскольку нарушения нормы индивидуальной речи приводят к постепенной фиксации отклонений в качестве новых норм. Так, по сути, формируются новые языки. Нет и формы существования стандартного языка в условиях билингвизма — по крайней мере, в той традиционной конфигурации, в которой было принято рассматривать стандартный вариант прежде. В сложившейся ситуации глобального билингвизма [9], где билингвов больше, чем монолингвов, язык становится менее социальным явлением — он более подвержен влиянию со стороны индивидуальной речи — и менее устойчивым. Кроме того, среда подобной языковой ситуации оказывает влияние и на речь монолингвов, делая формирование и становление новых идиомов лишь вопросом времени.

Наиболее показательный пример такого идиома на сегодняшний день — т.е. «классический» лингва франка, —

это современный английский язык как лингва франка, имеющий множество разновидностей прежде всего по делению на билингвальные пары: англо-испанский (*Spanglish*), англо-французский (*Frenglish*), англо-русский (*Runglish*) и т. д. Межнациональная и межкультурная коммуникация на подобных вариантах «классического» лингва франка запускает процесс поиска точек конвергенции для универсальных норм во вторых языках билингвальных пар, отражаемых в общем для коммуникантов языке — английском — в виде интерферем. Несложно предположить, что при устойчивой интерференционной картине (об интерференционной картине подробнее см. [15]). Данные интерферемы перейдут в состояние нормы.

Заключение

Таким образом, понятия координативного («чистого») билингвизма и субординативного («смешанного») билингвизма по своему смысловому наполнению, а также содержание некоторых других, связанных с ними в типологии билингвизма, сегодня явно устарели и требуют ревизии и актуализации. Помимо психологического механизма, препятствующего успешному изолированному пользованию каждым из языков билингвизма, в глобальном масштабе это доказывает и возникновение в мире все новых идиомов по типу и по общей модели «классического» лингва франка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багириков Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) / Х. З. Багириков. Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. — 316 с.

2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. Киев: Высшая школа, 1979. — 263 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с. — ISBN 978-5-98993-133-0.
4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассире. М.: Гардарика, 1998. — 784 с. — ISBN 5-7975-0039-6.
5. Лэмберт У. Основные вопросы теории языковых контактов / У. Лэмберт, Дж. Гавелка, С. Кросби // Новое в лингвистике: сб. науч. тр. / под ред. В.Ю Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. — Вып. 6. — С. 241–253.
6. Михальченко В. Ю. Словарь социолингвистических терминов / В. Ю. Михальченко, В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник и др. М.: Изд-во Института языкознания РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. — 312 с.
7. Николаев С. Г. Феномен билингвизма: проблематика и исследовательские перспективы / С. Г. Николаев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. № 3. — С. 86–96. — ISSN 1995-0640.
8. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с. — ISBN 5-354-00816-6.
9. Ansaldo A. Language therapy and bilingual aphasia: clinical implications of psycho-linguistic and neuroimaging research / A. I. Ansaldo, K. Marcotte, L. Scherer, G. Raboyeau // Journal of Neurolinguistics. Oxford: Elsevier, 2008. Vol. 21. №. 6. — P. 539–557. — ISSN 0911-6044.
10. Blumenthal P. Stress effects on bilingual language professionals' performance / P. Blumenthal, T. W. Britt, J. A. Cohen,

- J. McCubbin, N. Maxfield, E. B. Michael, P. Moore, L. K. Obler, P. Scheck, T. M. Signorelli, & T. S. Wallsten. *International Journal of Bilingualism*. London: Kingston Press, 2006. Vol. 10, № 4. — P. 477–497. — ISSN: 1367–0069.
11. Bussmann, H. *Routledge dictionary of language and linguistics*/H. Bussmann. L. and N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2006. — 1303 p. — ISBN 0–203–98005–0.
12. Matsumoto D. *The Cambridge dictionary of psychology* / D. Matsumoto. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 608 p. — ISBN 978–0521671002.
13. McDowell L. *Error analysis: a methodological exploration and application* / L. McDowell // *Teacher efficacy, learner agency* / P. Clements, A. Krause, R. Gentry (eds.). Tokyo: JAL, 2020. — P. 461–471.
14. Moore F. B. *Common errors of Spanish speakers learning English* / F. B. Moore, Robert J. Marzano // *Research in the teaching of English*. The National Council of Teachers of English Press. Vol. 13, № 2. — P. 161–167.
15. Sarkisov E. E. *Multilevel interference within a «classic» lingua franca (by the example of the English-Spanish version of the idiom)* / E. Sarkisov // *Bulletin of Pyatigorsk State University*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University Press, 2021. № 1. — P. 109–115. — ISSN 2542–0747.

BRIEF

ON THE PROBLEM OF CLEAR BILINGUALISM,
OR DOES BILINGUALISM EXIST BEYOND INTERFERENCE?

Sarkisov E. E.,

*Junior Research Fellow at Institute of Philology, Journalism
and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. *This article deals with the problem of independent use of two languages in a bilingual in the context of changing communicative domains. The aim of the study is to analyze psycholinguistic factors that do not allow us to assert the possibility of an isolated coexistence of two language systems in a bilingual mind.*

Key words: *bilingualism; interlingual interference; language contacts; lingua franca.*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОЛОГИИ, ЛИНГВИСТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник статей

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн обложки — © Д. В. Нефедов. Верстка — © Профпресслит.

Отпечатано в РИК «Профпресслит», <https://profpresslit.ru>.

Сдано в набор 12.05.2022 г. Подписано в печать 20.05.2022 г. Формат 64x80/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура MinionPro. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6047768-7-2

9 785604 776872